

16+

Таисий Черный
Аккадская формула

Таисий Черный

Аккадская формула

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39289656

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-11390-9

Аннотация

Старший дознаватель Министерства инфернальных отражений попадет в небольшой город для уточнения обстоятельств довольно старого дела. Однако ему приходится расследовать совсем другое. Он оказывается в центре настоящей битвы и становится участником очень странных и опасных событий. На обложке – картина Ф. Гойи "Гойю лечит доктор Аррьета". Институт искусств, Миннеаполис.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	10
Глава 2	34
Глава 3	46
Глава 4	56
Глава 5	71
Глава 6	96
Глава 7	109
Глава 8	126
Глава 9	139
Глава 10	155
Глава 11	170
Глава 12	176
Глава 13	187
Глава 14	205
Глава 15	220
Глава 16	227
Глава 17	244
Глава 18	258
Глава 19	279
Глава 20	300
Глава 21	316
Глава 22	333

Глава 23	349
Глава 24	359
Жанна Ксавье (Клавдия)	367
Луиджи Феррано	372
Сандра Кваттроки	374
Глава 25	377
Глава 26	424
Эпилог	452
Приложение 1	454
Приложение 2	456

Таисий Черный

Аккадская формула

Вместо предисловия

...Знаете, иногда, прогуливаясь по аллеям парка в своем поместье, я люблю вспоминать былые времена, и те далекие, порой, удивительные события, коим мне посчастливилось быть свидетелем. Чаще воспоминания эти всплывают сами по себе, а иногда это случается оттого, что вдруг приходит какая-то мысль, вовсе не связанная с ними – просто некая ассоциация. Да... Шутки ради я словно бы сортирую то, что припоминалось прежде, и затем, как бы приклеиваю к этим историям ярлыки, вроде: «забавное», «страшное» или же «поучительное».

Однажды, вот так, во время одной из прогулок, я размышлял об одной странности Господнего промысла, которую я отмечал за свою жизнь неоднократно. Я имею в виду тот факт, что Высшие силы, когда возникает такая потребность, могут вдруг, ни с того ни с сего, бросить нас за тридевять земель, в суровые жернова лишений, тягот и опасностей. При этом их совершенно не интересуют никакие наши обстоятельства: семейные ли, финансовые (особенно с финансовыми!), как, впрочем, и любые иные. И все это, казалось

бы – просто так, ни для чего. При этом нередко отсутствие видимой причины происходящего, доводит нас до отчаяния. Что и говорить, иногда мы даже оказываемся на волосок от гибели, и все это в результате лишь затем, чтобы встретить одного единственного человека, который вдруг скажет что-то или же подарит. Чаще, это вообще происходит мимоходом. И слово то или же подаренная вещица, покажутся не особенно важными или ценными. Более того, совет тот, легко и скоро забудется, а показавшийся бесполезным подарок затем будет годами пылиться где-нибудь в чулане или на чердаке среди прочего хлама.

Но спустя годы или даже десятилетия, уже на другом конце земли, если только не в каком-то из иных миров, вдруг происходит с тобой нечто странное или даже страшное. И из случившейся ситуации уже – бывало – не видно никакого выхода, и вот, ты уже даже готов опустить руки и сдаться, как вдруг вспоминаешь того давнего советчика, повстречавшегося бог весть когда и где. И тотчас же вдруг все становится ясно и просто, и ситуация легко разрешается, словно бы сама собой, как нечто должное, будто тебе дали ключ от неведомой двери. В такие минуты я испытывал невероятный восторг, ибо который раз с восхищением убеждался насколько бывают чудны дела Господни. А еще, я хоть и не верю в судьбу, но все же сам был свидетелем тому парадоксу, что если уж Высшие силы и замышляют какое-то событие, то происходит это у них как-то целиком и сразу. Для них нет ни про-

шлого, ни настоящего, ни будущего. Они действуют со временем как с некой тропой, на которой расставляют нужные указатели или же препятствия. Об одном из таких случаев, где мне как раз и довелось стать свидетелем подобных странностей Божьего промысла, я и хотел бы рассказать теперь.

Очень давно, как многие, вероятно уже знают из моих прежних записок, я возглавлял операцию «Черное зеркало», под эгидой четвертого отдела Министерства, и потому был вынужден подолгу проводить время в многочисленных поездках, пребывая порой в самых отдаленных и нередко даже экзотических городах и странах. Эх! Если бы только в «странах и городах»... Иногда приходилось идти даже в иные миры! Как это было поразительно и странно! Я воочию убедился, что миров существует огромное множество, и некоторые из них как две капли похожи на наш с вами, но... всегда вдруг оказывается, что есть там пусть и совсем маленькие, совсем незначительные, но отличия. Впрочем, различия эти чаще бывают весьма существенными. Например, я как-то жил несколько месяцев в мире, где только лишь по подозрению в занятиях магией, могли сжечь живьем на костре! Можете представить, каково мне было там все это наблюдать?! Но, милостью божьей, в основном, я все-таки работал в нашем, хоть и несовершенном, как и все остальные, но все же более привычном мире.

Надо сказать при этом, что большинство стран и городов, где мне пришлось работать, можно было бы справедливо на-

звать настоящей «глушью». Там зачастую не было никаких развлечений, и если бы не чтение, к которому я всегда испытывал большую страсть, то полагаю, что мне пришлось бы переносить все упавшие на меня в те годы тяготы, с куда большим трудом. Впрочем, частое и долгое пребывание вдали от дома было также и полезным в том смысле, что воспитало во мне несколько полезных привычек. Я научился рассчитывать только на себя, не болтать лишнего и не особенно церемониться в затруднительных ситуациях, когда исход дела порой решает «полстука сердца». Собственно, даже и не путешествия сами по себе, но сама специфика работы в отделе «инфернальных отражений» сильно изменила и меня и мое мировоззрение. Не скрою, впечатлений у меня за время моей службы набралось не на один том мемуаров, но я не большой охотник до пера и бумаги. Однако я все же решил позволить записать некоторые из своих воспоминаний. Не потому, что я собрался кого-то поучать, отнюдь нет. Более того, это было бы глупо, ибо мало проку для молодых в опыте стариков. Жизнь постоянно меняется, и с нею меняются также и способы ее проживания. И потом, хоть иным мудрецам и удавалось иногда изменить мир, это редко шло миру на пользу. Потому я никого ни к чему не призываю, и ничего не пытаюсь изменить своими рассказами.

Впрочем, опыт опытом, но есть все же вещи, которые не исчезнут и не потеряют своей остроты и актуальности, ни в какое время. Забавное, скорее всего, всегда будет казаться

забавным, страшное – страшным, подлость останется подлостью, и, я надеюсь, никогда не станет доблестью даже через века. В общем, когда тебе уже пошел девяносто третий год, следует заботиться о памяти в той же мере, сколько и об очищении оставшегося пути и накоплении силы для последнего слова. Таким образом, если эти записи покажутся кому-то полезными, я буду только рад, хотя, я рассказываю все это лишь потому, что мне просто нравится возвращаться в своих воспоминаниях к тем событиям и людям, словно бы приходить в гости к старым друзьям.

Далее, я передаю перо моему биографу, ибо, как я уже сказал – я не большой охотник писать, и всегда предпочитал лишь живую беседу. Полагаюсь на его мастерство, и молюсь о том, чтобы память не подвела меня в такой важный момент.

Искренне Ваш, Альфред фон Ланге

Глава 1

История, о которой далее пойдет речь, происходила довольно давно, и началась во время визита Альфреда фон Ланге, тогда еще старшего дознавателя Министерства в небольшой город Марионвиль, расположенный посреди обширных лесов и болотистых равнин, прорезанных с юга могучим потоком великой реки святого Игнатия. Причиной этой поездки стал черный коровий мор и затем череда странных событий, о которых и будет рассказано подробнее ниже. Главной подозреваемой в этом деле была некая повитуха Клавдия – женщина, якобы вызвавшая своим колдовством черный ветер¹. В общем, интересуясь такого рода случаями, в Министерстве сочли разумным отправить старше-

¹ **Черный ветер** – явление, впервые описанное монахом Хьюго из монастыря Сен-Андре. Дело в том, что Хьюго, видимо, был также и чернокнижником, и в результате своих опытов, смог не только переходить в «миры магов», но и возвращаться обратно, что и теперь удается немногим. Хьюго, а затем и многие его последователи единодушно сходились к мысли, что нельзя переносить из одного мира в другой никакие предметы, поскольку это приводит к непредсказуемым и часто катастрофическим последствиям. Кажется, сам Хьюго назвал это явление – «черным ветром», поскольку в его случае, такие явления всегда сопровождалась сменой погоды, бурями и продолжительными грозами. Другими признаками черного ветра был также коровий, а затем и лошадиный мор. Корнелий Агриппа также полагал, что спустя четыре дня после возникновения черного ветра, могут погибать младенцы, рожденные в планетарный час Марса. Однако доказать это пока никому не удалось, хотя и действительно, спустя четыре дня детская смертность несколько повышается. (Здесь и далее – примечания А.фон Ланге)

го дознавателя Альфреда фон Ланге, в Марионвиль, не особенно афишируя при этом его визит. В Министерстве также решили, что будет разумным наделить его чрезвычайными полномочиями, на тот случай, если придется прибегнуть к помощи властей или официальных лиц. После долгих и мучительно скучных инструкций в самых разных начальственных кабинетах, Альфреда, наконец, снабдили всеми необходимыми документами и средствами, а также и предписанием относительно даты отъезда. Выйдя на воздух после всей этой болтовни, Альфред отметил, что к его прежнему пониманию задачи, едва ли добавилась хоть сколь-нибудь существенная деталь.

По приезде в Марионвиль, нужно было выяснить, и притом без лишнего шума, представляет ли Клавдия интерес для Министерства. В случае положительном, следовало ее арестовать и препроводить для дальнейших допросов в канцелярию Министерства. Он выехал в указанный день, и спустя неделю тряской унылой дороги, размытой непрерывными осенними дождями, прибыл к месту назначения.

Добравшись до места своего назначения, Альфред, расположился в одной из гостиниц и, около двух недель налаживал нужные связи в городе. Он, прежде всего, познакомился со многими трактирщиками, как в городе, так и в окрестностях, поскольку нет лучших осведомителей в этом мире, чем люди, связанные с этим ремеслом. Кто-то из них согласился работать за небольшую плату, а кто-то просто из «уважения

к Министерству». Кроме того, Альфред через тех же трактирщиков, а также и кое-кого из прислуги у себя в гостинице, узнал все, что мог обо всех влиятельных людях города. Относительно же процесса Клавдии оставалось много вопросов, но кое-кто все же обмолвился, что некто Маркус де Ниро уже как будто предпринимал некоторые шаги в плане расследования дела Клавдии, и на основании его выводов, повитуха была признана невиновной по всем статьям обвинения, как коллегией присяжных, так и самим магистратом. Так писали газеты. Довольно скоро выяснилось так же, что этот самый Маркус де Ниро является хозяином частного сыскного агентства «Гончие псы». Желая узнать больше подробностей по этому делу, Альфред решил познакомиться с этим сыщиком несколько поближе, с тем, чтобы выяснить главные моменты, на которых строилось обвинение и защита.

Жил Маркус в небольшом двухэтажном доме с черепичной крышей и беленым фасадом, выходящим на широкую, не менее чем в тридцать локтей, улицу Медников. Альфред нарочно оставил свою гостиницу, и снял комнату на втором этаже в доме, что располагался напротив дома Маркуса, с тем, чтобы по возможности не выпускать этого человека из виду. Комната, которая ему досталась, была чиста и уютна, стены были аккуратно побелены. У одной из стен имелся небольшой камин со стеклянной загородкой и аккуратно сложенной вязанкой дров подле него. У противоположной стены находилась весьма удобная кровать, с довольно мяг-

кой периной. Посредине комнаты стоял массивный обеденный стол с четырьмя, грубо сработанными стульями из тигрового клена. Имелся также платяной шкаф темного дерева, и в углу – медный умывальник, начищенный хозяйкой до зеркального блеска и отгороженный от остальной комнаты японской ширмой, с рисунком по шелку, изображавшем рыбаков, вытаскивающих сети.

Через несколько дней наблюдений и расследований, Альфред пришел к выводу, что Маркус человек довольно нелюбимый, но при этом весьма уважаемый в городе. Два года назад, как раз когда ему стукнуло сорок, он овдовел. Детей ему бог не дал, и потому он проводил свободное от службы время, либо на охоте, разъезжая по мрачным окрестным лесам и полям, либо в собственной библиотеке, которая насчитывала у него, по слухам, более двух тысяч томов. Он был, по словам трактирщика Кривого Ласло, очень искусным охотником, не то слово даже: этот дьявол, – по словам этого самого трактирщика, – один раз на спор попал из арбалета в глаз вороне, которая сидела на шпиле собора! По другим свидетельствам, Маркус, хоть и был книжным человеком, но при этом, обладал недюжинной силой циркового атлета. Както раз его решили обобрать два подвыпивших матроса, коих в Марионвиле шныряет немало, когда наступают холода. Они стягиваются в город зимовать, бросая корабли до весны в какой-нибудь из многочисленных гаваней, разбросанных по берегам Св.Игнатия. Главным образом, эту публику здесь

привлекает дешевизна жилья, обилие водки и возможность продать кое-какой скарб, нажитый в прежних походах. Двое таких подвыпивших молодцов и напали на Маркуса неподалеку от его дома. Говорят, что судья впоследствии назначил этим двум пройдохам довольно легкое наказание, поскольку им еще нужно было долго приходить в себя на больничной койке, дабы они смогли бы это наказание принять.

Стало также известно от разных людей, что Маркус бывает довольно часто в таверне «Золотое колесо», где Кривой Ласло как раз и был хозяином. Собственно, именно поэтому Альфред и стал наведываться туда, почитай каждый вечер, и от скуки слушал последние городские сплетни, которыми Ласло всегда делился с большой охотой. Вскоре, как и ожидалось, там появился и Маркус. Собственно, тот, заказав кварту пива и свиное колено, сам подошел к столу Альфреда и спросил разрешения присесть, несмотря на то, что свободных столов вокруг было предостаточно.

– Я весь внимание, – сообщил он, усевшись и сложив руки на столе, словно школяр.

Его круглое лицо с темными бакенбардами действительно выражало некоторое любопытство.

– Простите? – ответил Альфред, делая вид, что не понимает, чего от него хотят. Хотя, впрочем, этот визит и столь прямо поставленный вопрос и вправду были весьма неожиданны.

– Быть может, мне будет позволено знать, – как ни в чем

ни бывало, объяснил Маркус, – кто за мной шпионит? И с какой целью?

Альфред немного опешил от подобной прямоты, и стал было отговариваться:

– С чего вы, сударь, решили, что...

– Оставьте! – прервал Альфреда Маркус довольно грубо, – Человек, лицо которого мелькнуло трижды за два дня, да еще в самых неожиданных местах – явный шпиик. По-другому не бывает, понимаете?

– Сударь, вы ошибаетесь, уверяю вас!

– Перестаньте! – снова отрезал он. – Вы знаете математику?

– Да, изучал...

– Ну, тем лучше, – Маркус достал из сапога небольшой свиток и развернул на столе. – Извольте видеть! Такова модель. Здесь – распределение вероятностей... Это – условие нормировки. То есть, вероятность тройной встречи на такой поверхности, как наш город, составляет... – он ткнул пальцем в число с множеством нулей после запятой.

– Другими словами, – продолжал он, – в нормальном случае мы могли бы встретиться три раза примерно за восемьдесят семь лет. А вы, насколько я знаю, приехали всего-то две-три недели назад. Посему – извольте объясниться.

Альфред кашлянул, он был совершенно ошарашен и не смог сразу найти, что ответить. Он всегда считал себя довольно искусным наблюдателем, да и чего греха таить, и

шпионом тоже, но тут был вынужден признать свое поражение, и потому лишь смог ответить:

– Сударь, я действительно искал встречи с вами, но видит бог, слезка никак не входила в мои планы!

– Да? Тогда это странно! А ну-ка – покажите ладони! – потребовал Маркус.

Альфред повиновался. Он даже не стал смещать рисунок папиллярных линий. Во-первых, он уже понял, насколько Маркус не прост и что он все равно заметит подвох, а во-вторых, скрывать действительно было практически нечего.

– Хм... – Маркус задумчиво потер подбородок, – Похоже, вы не шпик... Действительно. Но вы и не какой-нибудь простак с ярмарки! – Этот человек был явно не из тех, кто тщательно подбирает выражения в беседе. – У вас, безусловно, есть и сила, и Дар, и еще... – он снова повертел ладони Альфреда, – какая-то тайна... – он указал пальцем на бугор Марса. – Но чего вам все-таки нужно от меня? – спросил он напрямик.

– Видите ли, – начал Альфред, – я собираю для своей книги всякие необычные случаи. Меня очень заинтересовало дело, промелькнувшее не так давно в газетах...

– Какое именно? – спросил Маркус, отпивая из темной деревянной кружки.

– Дело повитухи Клавдии.

– Ах, это.... – Маркус вцепился зубами в свиное колено и, оторвав изрядный кусок, запил его пивом. – На службе,

знаете ли, столько жидкости теряешь, – сообщил он, жуя, – не меньше, чем в какой-нибудь кузнице, а пиво отлично помогает...

Он снова оторвал зубами кусок мяса и осушил кружку до дна.

– Еще одну! – заорал он, слегка повернувшись и, подняв левую руку вверх.

Мальчишка – помощник трактирщика мгновенно принес еще одну кружку с колышущейся пеной, и тотчас словно растворился, прихватив с собой пустую.

Альфред терпеливо ждал, пока Маркус насытится, одновременно обдумывая свою позицию.

– Тут, в общем-то, и говорить не о чем, – сказал он, закончив жевать. – Вы помните, в чем ее обвиняли?

– Да, кажется, будто бы она вызвала черный ветер.

– Ерунда! – отрезал он. – Во-первых, черный ветер может вызвать только маг с воздушным союзником. Это описано и у аббата Кремера и у Герберта Леонвильского, и, представьте, даже в записях самого короля Рудольфа. Но дело не в этом, я и сам могу это доказать, без того, чтобы прибегать к таким авторитетам. Просто приведенные ссылки лучше работали в суде.

– Допустим, с воздушным, – немного задумавшись, сказал Альфред. – А откуда вы знаете, какой именно у нее союзник? Она ведь вам не могла рассказать? Или рассказала?

– Да нет, конечно же. Да и что толку? Кто бы ей поверил?

Нет, здесь другой ход был нужен. Просто в тот лунный день, что она родилась – а я его вычислил – у нее мог быть только огненный союзник. К тому же, вся эта история началась в четверг, понимаете?

– Ну да, конечно... – Альфред пытался припомнить все детали этого дела, – и Юпитер был тогда в Весах..., а тут – черный ветер....

– А я, кстати, и не уверен, что причиной всех тех событий был именно черный ветер. Не спорю, очень похоже, но отнюдь не обязательно. Да, так вот, возвращаясь к делу Клавдии, я видел свою задачу в поиске оправдательной логики. Я уже понимал, что у нее огненный союзник, но я пока не мог понять какой именно: сова или саламандра? Потом понял: сова. И в самом деле, косвенным доказательством было то, что ни у одной из ее рожениц, ни разу не наблюдали родильной горячки!

– Как любопытно! – искренне воскликнул Альфред. – А что с ней теперь?

– Да ничего. – Маркус пожал плечами, – Живет как жила. Молва понемногу утихла, я еще какое-то время занимался тем случаем, дабы выяснить причину всех событий, а после бросил.

– А как Клавдия выглядит или – выглядела? – спросил Альфред.

– Ну, как вам сказать... Вообще-то, я бы никогда не подумал, что она из простолюдинок. Уж очень у нее благородная

осанка, что ли... Она вообще довольно высокая, чуть пониже меня. Брюнетка, глаза тоже черные... Что еще... Ну, все, что положено иметь женщине, у нее было.. – Маркус сделал несколько волнообразных движений в области груди и бедер.

– Сударь, вы бы на себе не показывали, – улыбнулся Альфред.

Маркус громко засмеялся, и, смахнув рукавом слезы, и, снова отпив из кружки, весело сказал:

– А вы не лишены чувства юмора! Это – здорово! Не люблю, знаете ли, напыщенных «индюков»!

– Вы сказали, – продолжил Альфред, – что бросили заниматься этим делом. Почему так?

– Не знаю... почувствовал что-то... – Маркус бросил кость на стол и откинулся на спинку стула.

– Что именно? – с некоторым удивлением спросил Альфред.

Маркус снова молча склонился над своей кружкой. Он несколько раз закрутил на доньшке остатки пива и после внимательно рассматривал получившийся вихрь.

– Как вам сказать... не могу объяснить, – наконец, ответил он. – Это что-то такое... очень уж необычное. Во всяком случае, я встречал подобное описание событий лишь однажды у протопопы Михая Сирина, в его книге «Об исчадиях ада», не доводилось читать?

– Доводилось, – ответил Альфред, кивнув. – И не раз... Любопытный труд, не так ли? Особенно о переходах в миры

магов.

– Да вы, я гляжу, тоже человек книжный, – почти обрадовался Маркус.

– Так, немного, – скромно ответил Альфред. – Но, до вас мне, вероятно, далеко.

– Не скромничайте! Да и пустое дело – меряться ученостью, ибо лишь дела наши являются мерилом, каким отмечено нам будет.

– Это верно, – согласился Альфред.

– Кроме того, те события уже давно улеглись сами собой, а вот то, что нынче происходит, – он понизил голос почти до шепота, – меня правда беспокоит.

– Что происходит? – искренне удивился Альфред.

Маркус оглянулся по сторонам, будто высматривая кого-то, и затем, также, почти шепотом, неожиданно спросил:

– Вы когда обычно ложитесь спать?

Альфред немного удивился такому вопросу, но ответил, стараясь быть невозмутимым:

– Обычно, довольно поздно. А что?

– Отлично! – снова обрадовался Маркус, и оглянувшись по сторонам, сказал, – Заходите сегодня на рюмочку шерри, часам к восьми. – Он многозначительно подмигнул. – Тогда и поговорим.

Альфред кивнул, а Маркус спокойно встал, скатал обратно в трубку свой свиток с расчетами и сунул его за голенище сапога. Затем, оставив на столе несколько монет, он, не

оглядываясь, направился к выходу.

Огонь камина играл и переливался в бокалах янтарного шерри. Оранжевые пятна плясали и на потолке. Маркус покуривал свою трубку и неторопливо рассказывал.

– Даже не знаю, мой друг... Ничего, что я вас так называю? Вот и хорошо... Не люблю, знаете ли лишних церемоний... Да, так вот, я не могу сказать, что именно явилось самым первым событием в этой истории. Однако я бы начал со странной смерти нашего бургомистра. Это случилось около месяца тому. Было дано официальное медицинское заключение, что он умер во сне от апоплексии. И в самом деле, на первый взгляд все это было довольно похоже, если бы не одно обстоятельство, на которое, впрочем, так никто серьезно внимания и не обратил. Я, к слову, тоже поначалу ничего странного не усмотрел. И вот недавно, раскрываю трактат Иоганна Тритгеймиуса «Природная магия»... – он потянулся за книгой, лежащей на столике подле, раскрыл ее на закладке. Надев круглые металлические очки, Маркус стал водить указкой черного дерева, по уже изрядно пожелтевшей странице, испещренной мелкими буквами...

– Ага, вот: «В случаях попадания в черный вихрь, человек неизбежно погибает. Смерть при этом выглядит естественной, но есть ряд признаков, способных помочь отличить данную смерть от всех прочих. Во-первых, губы пострадавшего всегда иссиня-черные, а в волосах могут наблюдаться спу-

танные клубки, которые невозможно после расчесать. Во-вторых – кровь такого несчастного полностью меняет цвет, и чаще бывает почти черной, иногда – темно-синей или даже темно зеленой. В-третьих, глаза умершего часто направлены в разные стороны, а положение тела может говорить о какой-то предсмертной судороге, и, таким образом, часто его поза напоминает всадника. Иногда, но не всегда, на теле появляются синие или черные шрамы, которых прежде, при жизни умершего не наблюдалось. Так в 1383 году близ Леонвилля наблюдался такой случай. На животе умершего был обнаружен шрам в виде символа Сатурна, что дало основания тамошним властям открыть дело о злонамеренном колдовстве.»

Ну, и так далее... – подытожил Маркус, закрывая книгу. – И что же вы думаете?– продолжил он несколько торжественно, – Именно так все и было! Я поднял протоколы осмотра тела, и обнаружил, что губы были черны, глаза глядели в разные стороны, поза, как они написали в отчете, была напряженной и напоминала ту, что бывает у кулачных бойцов, ну и еще кое-что. На шрамы, к сожалению, никто внимания не обратил, а теперь уже поздно требовать эксгумации, да и оснований, как вы понимаете, для этого маловато. В общем, имеем то, что имеем. Я, понятно, заинтересовался этим делом, и начал свое негласное расследование. Своей первой задачей, я поставил выяснить, кто мог желать ему смерти. Это было несложно. Таковых нашлось немало. Наш бур-

гомистр, был, увы, человеком неуравновешенным и мало-приятным, хоть о покойниках так говорить, и не принято. К слову, первое, о чем упоминали его домочадцы это о его замкнутости и невероятном аскетизме! Он буквально сидел на хлебе и воде! Хотя, супруга и служанка питались вроде бы относительно нормально. Лишь изредка он позволял себе блюда из овощей, а уж мясо или рыбу он и вовсе ел всего-то несколько раз на каких-то официальных приемах. Кто-то мне об этом рассказывал. Впрочем, как ни странно, но при всей своей скаредности, он, видимо, не был алчен. Во всяком случае, наш бургомистр был довольно равнодушен к накопительству. Нет, деньги у него, понятно, водились, но он ни разу не был замечен ни в каких сомнительных связях. А ведь к нему просто косяками шли всякого рода купцы и землевладельцы, пытаясь заручиться поддержкой. Но и тут он сумел нажить множество врагов, отказывая даже в делах, которые могли оказаться очень для него выгодными, и при этом, что называется, «комар бы носа не подточил». Так что, поскольку подозревать можно было многих, дело обещало быть непростым. Но, я не торопился. Я всегда знал, что терпение есть второе имя успеха. В таких случаях, когда не вполне ясно, что и зачем нужно делать, следует сконцентрироваться на нужной идее, но ничего не предпринимать конкретно. Так я и решил. Всякий раз, когда было на то время, я вызывал образ покойного и как бы задавал вопрос: «Кто?». Все шло своим чередом, а я, тем временем, решил поспрашивать

у людей его окружения, не было ли чего-то странного накануне его смерти. Но, никто мне ничем помочь не мог. Все только пожимали плечами, мол, что могло быть странного? Весь день он проводил в городской ратуше, а вечерами дома.

– Но!– Маркус поставил свой бокал на столик и затем поднял указательный палец. – Дело в том, что накануне, примерно с месяц до смерти, бургомистр пригласил меня к себе, дабы сделать свидетелем его завещания.

– Интересно. – Альфред отпил из бокала.– Почему вас?

– Почему меня – не берусь судить. Пару раз я оказывал ему ничтожные услуги, и он мне, видимо, стал доверять больше, чем другим. Короче говоря, он показал мне небольшой окованный ларец. В ларце было, собственно, завещание, которое я и заключил своей подписью как обычный свидетель. Но, кроме завещания, бургомистр принес также и пухлый конверт плотной голубоватой бумаги, пожалуй, чуть больше обычного почтового. На нем не было ни марки, ни штемпелей, конечно. Так вот, конверт он при мне запечатал своей печатью, и после велел мне также поставить и сургучную печать с моим вензелем. Я так и сделал. Тогда он тотчас написал на нем: «Вскрыть сей конверт доверяю Маркусу де Ниро, частному детективу и хозяину агентства «Гончие псы», после моей кончины, конфиденциально и без присутствия кого бы то ни было». Ну, и поставил свою подпись и число. Затем он закрыл ларец, и ключ вручил мне. После этого, он просто повернулся и ушел.

– Так, и где же теперь ларец? – спросил Альфред, немного подавшись вперед.

– То-то и оно! – Маркус щелкнул языком. – Ларец после смерти обнаружить не удалось. Перерыли весь дом.

– Ну, а ключ у вас сохранился, я надеюсь? – Альфред был явно ошарашен.

– В том-то и дело. Хе-хе... – Маркус почесал подбородок, – Ключ тоже пропал.

– Как это? – удивился Альфред.

– Да вот так... – ответил Маркус уклончиво. – Я держал его в разных местах. То в конторе, то здесь. Но кто-то его стащил.

– А где вы его прятали в последний раз?

– Здесь. За одной из книг, – Маркус кивнул в сторону книжных стеллажей.

– И его точно там нет? Может, вы плохо искали?

– Поверьте мне на слово, – ответил Маркус холодно, – его там нет!

– А что было в завещании?

– Да, в общем, ничего особенного. Практически все должна была унаследовать жена. Плюс еще несколько мелких поручений и назначений.

– То есть, у жены был мотив и возможность, – сказал Альфред задумчиво.

– Формально – да. – Маркус пожал плечами. – Но, я думаю, что как только вам выпадет случай с ней познакомиться-

ся, вы отбросите эту мысль тотчас же.

– Вот как? И почему же? – снова удивился Альфред.

– Ну потому, что это – настоящий ангел во плоти. Более добродетельного и скромного существа я и не встречал ни разу. Да, и вот еще! Бургомистр взял с меня клятву, что никто не узнает о содержании его завещания. Затем он также меня заверил в том, что о существовании этого ларца знаем только мы двое. И что о месте, куда он его спрячет, он мне сообщит позже. Но – так и не сообщил...

– Что ж, оставим пока. – Кивнул Альфред. – А что было в голубом конверте, вы не догадываетесь?

– Что-то, видимо, очень ценное. А может быть – опасное. Не знаю. Он отказался говорить на эту тему.

– Понимаю. Ладно, в конце концов, украденное завещание – это вряд ли дело для моего Министерства. – Альфред встал, прошелся по комнате, а затем снова сел.

– А вот скажите, Маркус, а у бургомистра было какое-нибудь увлечение? Чем он занимался дома по вечерам

– Да, представьте, было. Он реставрировал старые книги. И надо сказать, очень недурно.

– Интересно, а больше ничего странного не было, кроме пропажи ларца?

– Да, в общем-то, ничего, кроме одного, пожалуй. И хоть это события несколько иного рода, я бы хотел рассказать и об этом тоже. Не знаю, как они связаны и связаны ли, но я все никак не могу забыть, ибо мне кажется, что тут что-то

не так.

– Ну что ж, это интересно. Расскажите.

– Пожалуй. Сразу после смерти бургомистра начался сильный дождь, который лил с разной силой довольно долго, лишь иногда перемежаясь густыми долгими туманами! А затем, все закончилось, как ничего и не бывало. Причем дождь лил, похоже, только над нашим городом! Если отъехать на несколько лье – все было как обычно. Такой дождь ведь грозил бы страшным неурожаем, но нет – крестьяне в округе почти и не жаловались на это. Второе событие случилось где-то недели через три после того, как я предпринял свое расследование. Дело было вечером, я вернулся домой и обнаружил в дверном косяке воткнутую иглу. Ну, сами понимаете, что это значит... Однако, противник, видимо, держал меня за простака. В общем, как и положено, я обмотал пальцы шкуркой летучей мыши, и, вынув иглу, бросил ее в соляной раствор.

– И что? Игла зашипела?

– Не то слово! Она почти что взорвалась!

– А цвет?

– И цвет стал необычно красный.

– Никогда не слышал о таком. Красный, как что?

– Пожалуй, как обожженный кирпич. И, представьте, и я прежде не слышал о таком. И лишь потом обнаружил у того же Иоганна Тритгеймиуса, правда в другом трактате, что это

может указывать на попытку наведения красного морока!²
Что скажете?

Альфред только покачал головой.

– Вот-вот, – продолжал Маркус, – а далее, я, как и всегда в таких случаях прокалил каменную соль... – он снова сделал длинную паузу.

– И... -, Альфред снова отпил из бокала и посмотрел сквозь него на свет свечи. Рассказанное Маркусом весьма заинтриговало его.

– И соль поначалу стала практически черной, а затем тоже стала взрываться. Понимаете?

– Понимаю, – ответил Альфред медленно, и стал дергать себя за ус. Эта привычка появилась у него довольно давно: он дергал себя за ус всякий раз, когда мучительно пытался что-то вспомнить. – Как раз недавно, пожалуй, с месяц назад, я читал у Милана Товиса³, что если соль при прокаливании в доме взрывается – это верный признак заговора на смерть или же попытка наслать красный морок. Но я к То-

² **Красный морок** – колдовское действие, направленное на дестабилизацию противника. Как правило, люди после наведения к.м. сходят с ума, лишаются памяти, часто находятся в жару и бредают. Внешне состояние пострадавшего напоминает желтую лихорадку. Нередко, спустя тридцать-сорок дней больной с наведенным к.м., умирает. Но бывает, что и выживает, хотя остаток дней чаще всего проводит в скорбном доме. Название данное действие получило от того, что галлюцинации у пострадавших выглядят как некие картины в красном или оранжевом цвете. Могут также быть видения чудовищ, преисподней и т.п.

³ Имеется в виду трактат М.Төvis «Tárgyalja az indukált károk fajtáit», Szeged, 1675

вису отношусь, если честно, довольно скептически. Он хоть и был весьма талантлив, но все же, он, скорее деревенский колдун, нежели серьезный маг, и далеко не все мог понимать во всех должных взаимосвязях. Одно дело эмпирический опыт, а другое – серьезное университетское образование. Вы согласны со мной?

– Это верно, – ответил Маркус, – и, тем не менее, я тоже все это понял именно так, как и ваш Товис! И тогда я предпринял, что называется «круговую оборону». Я рассыпал соль вокруг дома. Я развесил по четырем углам в каждой комнате траву Иоанова посоха....

– Стоп! – Альфред поднял руки, как бы призывая остановиться. – Почему Иоанова посоха?

– Ну как вам сказать.... Это было что-то вроде наития... В те пару дней Юпитер был в оппозиции с Солнцем, а Иоанов посох – трава союза Юпитера и Солнца... Акт примирения, в общем... Но, я понимаю, что эта часть вполне может быть поставлена вами под сомнение ... Да и вот еще... Могу ли я надеяться, что все сказанное останется между нами?

– Послушайте, Маркус, – сказал Альфред, вставая, – у меня нет склонности к праздной болтовне с кем ни попадя, уж поверьте.

– Ну и хорошо, – ответил Маркус, стараясь быть как можно мягче. – Вы садитесь, садитесь, прошу вас! Значит, никто кроме нас двоих никогда не узнает о том, что я хотел бы вам

рассказать еще.

– Дорогой друг, – ответил Альфред, тоже смягчаясь, – как вы уже наверняка догадались, я хоть и не шпик, но все-таки – человек государственный... Но, я все же обещаю, что смогу вам помочь, даже, если вы что-то и натворили, в порыве своего расследования...

– Ой, да причем тут!.. – Маркус лишь взмахнул руками, – Да, господа, ну что тут говорить... Ну когда, ваше Министерство предотвратило хоть один «черный ветер», был хоть один случай? А смерть бургомистра? То-то же... А ведь я следующий... Или вы не поняли?

– Нет, я понял, – ответил Альфред, и, видимо, отчасти солгал, ибо вообще-то не понимал ситуацию во всей полноте. – Однако, я тут как раз для того, чтобы во всем разобраться, и по возможности предоставить защиту тем, кто в ней нуждается.

– Защиту... – Маркус откинулся на спинку кресла, – От чего? Вы вообще понимаете, что происходит?

– Пока что, не очень, исходя, кстати, из ваших же показаний. Но, поглядим, что дальше...

– Хорошо. Рассмотрим факты. При этом мы не подразумеваем, что если одно случилось после другого, то это означает, что вследствие другого. Согласны?

– Да. – Альфред достал сигару и аккуратно обрезал кончик.

– Итак! Умирает бургомистр. Затем я предпринимаю свои

шаги в расследовании. И тотчас появляется эта игла, плюс дом подвергается серьезной атаке. И что я должен думать?

– Понимаю, – ответил Альфред, – но мне пока что вам сказать нечего. Давайте попробуем разобраться. Вы в городе человек известный. Меня же не знает никто. И в этом наше преимущество. Вы будете изображать то, что потеряли интерес к делу, а я попробую что-то разнюхать. Встречаться будем один или два раза в неделю, в случайных местах и ненадолго. А пока что давайте подумаем о наших дальнейших шагах, ну и о стратегии вообще...

– Хорошая мысль, – Маркус оживился. – Так... Давайте нанесем все, что мы знаем на бумагу в виде схемы. Я уже использовал этот метод не так давно: очень эффективно.

С этими словами Маркус удалился, и его не было слышно минут пять. Затем, откуда-то из темноты другой комнаты Альфред услышал его приглушенный голос:

– Друг мой, помогите мне!

Альфред бросил сигару в пепельницу, вскочил и бросился в комнату, куда ушел хозяин дома. Когда он вбежал, то увидел, что Маркус стоит у стола с рулоном чертежной бумаги в одной руке и чертежными принадлежностями в другой.

– Будьте так добры, барон, возьмите свечу со стола и осветите нам обоим дорогу, а то, как видите, у меня не хватает рук все это донести в одиночку.

Альфред облегченно выдохнул.

Они вошли в гостиную и Маркус, раскладывая на столике

бумагу, вдруг насторожился.

– Что-то не так? – спросил Альфред.

– Не знаю... – ответил Маркус. – Вам не кажется, что на нас кто-то смотрит?

– Смотрит? – удивился Альфред – Кто? И откуда?

– Я не знаю... – признался Маркус. – Но это уже повторялось несколько раз... Ага... вот теперь ушло...

– Ушло? С вами все в порядке? – насторожился Альфред.

– Думаю да... – ответил Маркус в своей прежней манере. – Но в следующий раз, если я снова что-то замечу, попробуйте задержать дыхание, насколько возможно, и попробуйте прислушаться к своим ощущениям. Думаю, вы наверняка тоже кое-что заметите.

– Хорошо, – кивнул Альфред немного взволнованно. – И часто вам это кажется? Ну, то, что за вами следят?

– Хороший вопрос, – Маркус немного замялся, – пожалуй, это происходило, раз пять или шесть сразу после того, как я начал наводить справки относительно смерти бургомистра.

– Интересно... Тогда это все меняет... – задумчиво сказал Альфред. – Если только вам это не показалось.

– Думаю, что не показалось, – ответил Маркус довольно уверенно, продолжая раскладывать на столе большой лист бумаги и чертежные инструменты, – Хотя, в этот раз, ощущение было несколько менее отчетливым, нежели раньше.

– Знаете, мой друг, вы только не обижайтесь, но иногда

колеблющийся свет камина и свечей, полумрак и полуночная тишина играют с нами странные шутки. Я сам, бывало, и не раз, настораживался вдруг ни с того ни с сего.

– Это верно, – согласился Маркус, усаживаясь в кресло. Не спеша, он снова раскурил свою трубку из вишневого корня, и пару раз пыхнув медвяным дымом, бросил спичку в пепельницу. Затем он откинулся на спинку кресла, и без всякого перехода спросил:

– Так что мы нанесем в центре, в качестве главного символа?

Глава 2

Альфред закурил сигару, первую за это утро, и, развалившись в некогда шикарном кожаном, хотя теперь уже изрядно потертом кресле, стал обводить ленивым взглядом приемную магистрата. Время, как и во всех помещениях такого рода, и в особенности в тех, что бывают с высокими потолками, тянулось медленно, словно дым сигары, поднимающийся в витиеватом танце куда-то вверх к потолку. Танец времени так же, как и дым перетекал ленивыми струями, поднимаясь, и затем, снова опускаясь, уже чуть быстрее. Эта цикличность как бы напоминала о том, что, оно – время – не имеет ни начала, ни конца, и переживет любого на этой земле, вот так же медленно поворачиваясь то вверх, то вниз, предавая забвению целые эпохи, и затевая вслед за тем новые.

Альфред уже по третьему разу рассмотрел всю обстановку, проглядел от заглавия до тиража купленную загодя тощенькую сероватую, словно промокшую в тумане, местную газетенку, и снова со скучающим видом принялся разглядывать обширную комнату, оклеенную обветшалыми серыми обоями, мучительно ожидая приглашения, наконец-то, пожаловать. Остановить взгляд тут было решительно не на чем: помещение было довольно сумрачным, поскольку окна были завешены тяжелыми шторами. Кроме того, обставлена комната была весьма строго и без изысков, если не сказать

– убого. Вдоль стен сплошь тянулись застекленные книжные шкафы и бюро, очевидно некогда красного дерева, но изрядно растрескавшиеся и облупленные. Вполне возможно, что вся эта рухлядь помнила даже первое нашествие варваров. Во всяком случае, было несомненно, что с момента выхода из мастерской краснодеревщика, данная меблировка ни разу не подвергалась даже легкому косметическому ремонту. «Да уж, – размышлял про себя Альфред, ерзая в кресле, – а старик-то и вправду был редкостный скряга».

Прошло еще минут двадцать. Альфред встал с кресла и принялся медленно обходить книжные стеллажи, скорее с тем, чтобы размять ноги, нежели поглазеть на расставленные по полкам однообразные фолианты. Это были, видимо, годовые законодательные уложения, все как на подбор одинаковые – синие с позолотой корешки, без единой буквы, и лишь внизу каждого тома стояло какое-то монументальное римское число вроде МССХХХVI. Томов хотя бы с сотенными номерами обнаружено не было. Их, видимо, уже давно отнесли в запасники, быть может даже лет двести тому назад. Вскоре вышел секретарь – молодой человек, одетый строго, хотя и довольно старомодно. Он был, очевидно, из вчерашних студентов, по какому-то счастливому случаю (вряд ли по серьезной протекции) обретший эту бесцветную должность. Ничего не выражающим голосом он сообщил, что барона фон Ланге просят войти. Альфред раздавил сигару в хрустальной пепельнице, и, одернув сюртук, нетороп-

ливо направился к двери.

Войдя в кабинет, он огляделся, и лишь затем увидел в конце комнаты, можно сказать – вдалеке, у противоположной стены, в полутени, отбрасываемой тяжелым занавесом, художавую фигуру, склонившуюся за столом над каким-то документом. Альфред неторопливо подошел поближе и негромко кашлянул. Человек оторвался от чтения, привстал и протянул руку:

– Временно исполняющий обязанности бургомистра Луджи Феррано. Чем могу служить?

– Позвольте присесть, – с некой невнятной интонацией не то вопроса, не то утверждения, осведомился Альфред, деланно оглядываясь в поисках стула.

– О, да, конечно! Прошу меня простить! – Феррано, немного смутившись, указал на ближайшее кресло.

– Видите ли... – начал Альфред неторопливо, – я пишу статьи для Большой Имперской энциклопедии. – Он протянул визитную карточку, достаточным количеством которых его предусмотрительно снабдило Министерство. – Я специализируюсь на биографиях и готовлю статьи обо всех, даже мало-мальски значимых людях империи. А тут я узнал о смерти вашего бургомистра, и решил заехать, собрать материал с тем, что бы подать его в ежегодный альманах. Общеизвестные биографические сведения у меня уже есть, и теперь я бы хотел получить некоторое впечатление о покойном, как о человеке. Что бы вы могли сообщить интересно-

го о жизни вашего патрона? Ведь вы были под его началом довольно долго, не так ли?

– Ну, не так уж и долго, всего пару лет, но думаю, что и через десять лет я бы знал о нем ровно столько же, сколько и теперь.

– Вот как? – удивился Альфред – Столько же мало, или столько же много?

– Да, практически ничего, если честно.– Феррано лишь пожал плечами.

– Вы не были знакомы с его семьей?

– Нет, совсем не был. Господин фон Кляйне ведь никогда никого в гости не звал, я уж не говорю о каких-то больших приемах. – Феррано почему-то стал вертеть в руках перо.

– Интересно, – Альфред сделал какие-то пометки в блокноте. – А почему? Как вы полагаете?

– Как бы тут выразиться... – Феррано явно пытался, как можно осторожнее подбирать слова, – видите ли, сказать, что он был скуп – это ничего не сказать. Но если бы только это...

– Скуп говорите? – Альфред приподнял бровь, словно был удивлен.

– О! Ну, судите сами. Много вы видели людей нашего круга, – Феррано кашлянул, словно бы поперхнулся, – которые ... хм... морковные очистки заваривают как чай?

– Неужели! – писатель фон Ланге был словно сражен этой новостью.

– За два года я не видел ни одного прошения, которое бы

он удовлетворил, если из городской казны надлежало взять хотя бы фартинг! Но при этом, как ни странно, он охотно давал деньги на строительство дорог и мостов, например. Хотя, надо сказать, после проверял каждый булыжник, не украл ли его кто-нибудь... Да что там! Я видел его в одном и том же галстуке все эти два года нашей совместной службы!

– Надо же! Никогда бы не подумал! – писатель Альфред уже исписал две странички в своем блокноте. – А что же еще?

– Еще?

– Вот вы, говоря о том, что покойный был скуп, упомянули, мол «если бы только это».

– Не хочется говорить дурно о покойном, поймите меня правильно...

– Ну что вы! Не стесняйтесь, прошу вас. Вы ведь всего лишь излагаете факты, не так ли? А я уж после подберу нужные слова, чтобы никому обидно не было, доверьтесь мне.

– Ну что ж... – Феррано откашлялся, скорее из некоего стеснения, – Еще раз прошу понять меня верно, но мне кажется, что ко всему прочему, наш покойный бургомистр еще и страстно ненавидел людей. Не кого-то конкретно, а просто всех...

– Вот как? Но у него ведь были друзья или приятели? – писатель фон Ланге быстро строчил что-то в блокноте, время от времени бросая короткие взгляды на Феррано.

– Да бог с вами! – Феррано лишь махнул рукой куда-то в

сторону. – Думаю, что весь наш город делился в отношении к нему лишь на две части: на тех, кто его не любил, и тех, кто люто ненавидел.

– Ну, а как же семья? – поинтересовался писатель.

– Не знаю, – я с ними не знаком, как и говорил, – но слухи разные ходили. Если все, о чем болтали, это – правда, то не думаю, что пропитание почти что одним хлебом и чаем без сахара сильно способствует душевной близости, не так ли?

– Да уж... – энциклопедист был уже явно не на шутку озадачен. – Ну, а к какой из половин «почитателей» господина Кляйне вы бы себя отнесли?

– Не знаю... – замялся Феррано. – Любить я его, конечно, не любил... Наверное, все же к первой... Простите, у меня еще очень много дел сегодня. Не соблаговолите ли зайти в другой раз, попозже?

– О, благодарю вас, и прошу простить за отнятое время! – писатель фон Ланге встал и поклонился кивком головы. – У меня, пожалуй, все. Не смею вас более отвлекать!

Он снова пожал протянутую руку, закрыл блокнот, и, сунув его подмышку, зашагал к выходу.

Выйдя из приемной, и убедившись, что там никого, он согнулся над столом секретаря, и шлепнув на стол визитную карточку, почти томно прошептал: надо поговорить. Буду ждать сегодня в восемь в трактире «Красный петух». Не пожалеете! И совсем уж неофициально подмигнув, Альфред направился к выходу.

– Ладно, дорогуша!– сказал Альфред строго. – Или ты отвечаешь на мои вопросы, или... сам понимаешь... Дело твое тухлое, хоть ты и секретарь исполняющего обязанности самого бургомистра. Мне и доказывать ничего теперь не надо! У меня есть трое свидетелей, готовых подтвердить все, что ты тут наболтал! – Три жилистых высоких парня из частной сыскной конторы «Гончие Псы» разом кивнули.

– Так как? Будешь отвечать? Или сразу в камеру полицейского управления?

Бывший студент опустил голову и едва заметно кивнул.

– Только пусть они уйдут совсем. Я и так уж в ваших руках, господин Ланге. – он вроде бы даже шмыгнул носом.

– Условия, Манфред, буду ставить я. – Холодно ответил Альфред.

– Это не условие. Это – просьба. Очень вас прошу, барон. Я вам все расскажу, если только...

Альфред кивнул в сторону двери и трое агентов тотчас исчезли.

– Слушаю вас, молодой человек.

– Итак... Как я и сказал... Мы полюбили...

– Полюбили?

– Да. Именно! – секретарь вскинул голову. – Именно! Это не было «содомией», как у вас это называют! Наша любовь ничем не отличалась от той, что обычно мужчины испытывают к женщинам. Но я не могу этого доказать, и лишь про-

шу мне верить. Я не так давно любил одну женщину, да что там.. я и теперь ее люблю... хоть и почти безответно... Да и Луиджи тоже имел не один роман прежде. А тут... Мы оба не предполагали, что такое возможно...

– Понятно, и что?

– Один раз, когда бургомистр уехал на несколько дней осматривать строительство какого-то моста...

– Вы занялись этим прямо в кабинете?

– Да... – бывший студент обреченно кивнул. – Никто не ожидал, что он вернется так скоро... Мы чувствовали себя в полной безопасности... Да и дело было уже к вечеру...

– Понятно... – протянул Альфред. – И вы решили его убить?

– Да бог с вами! Что вы такое говорите? – секретарь даже рукой махнул. – И в мыслях не было... Хотя, конечно, когда он умер, мы вздохнули с облегчением... Мы решили, что сам господь нас благословил...

– Так, и что дальше?

– А что дальше? Ничего. Этот боров помер, а у нас теперь есть все шансы сохранить свои должности, если конечно, вы...

– Что вы изучали в университете?

– Право. Немного философию.

– И все?– спросил Альфред строго.

– И все. А что?– секретарь пожал плечами.

– Но, быть может, вы интересовались когда-нибудь хал-

дейской магией? Или Египетской астрологией?

– Да как вам сказать... – Манфред слегка сморщил лоб, – Как все люди, немного заинтересовался, но быстро понял, что способностей у меня к этому нет, вот и бросил...

– Так уж и нет?

– Герр Ланге, никто и никогда не сможет доказать, что тех или иных способностей у него нет. Это еще, кажется, Зенон Элейский утверждал. Поэтому, раз уж я вообще согласился говорить...

– Вы согласились говорить из страха, а потому – не будем отвлекаться на античную философию! – отрезал Альфред строго.

– Не только из страха, – дерзко возразил Манфред, – я еще также надеюсь на ваше слово джентльмена не придавать огласке наши отношения с Луиджи!

– Ну, это тоже страх, не так ли?

– Ну, если по-вашему страх и честь это – одно и то же... То – да... Спорить я не буду.

– Хорошо. Оставим пока что эти тонкости, – ответил Альфред уже почти примирительно, – Что вы все-таки думаете о смерти господина Кляйне?

– Да ничего я не думаю, – снова пожал плечами Манфред, – Мы жили в страхе почти месяц, можно сказать своей тени пугались. Этот боров уже подготовил указ об отставке Луиджи и моем увольнении... И тут – такое облегчение...

– Это понятно. А что Луиджи? Что он за человек?

– Луиджи? Да нет, что вы... Он бы никогда... Нет-нет, поверьте, даже под угрозой смерти он бы не смог... Я уверен!

– Не смог что?

– Ну... убить... Вы же на это намекали?

– А что, господин Кляйне был убит?

– А мне почему знать? Понятно, что окочурился старый хрыч, и слава богу... Но раз уж вы тут меня мурыжите, то поди не все в этом деле чисто? Не так ли? Да и с чего бы вам спрашивать собирался ли я его убить?

– Ладно, Манфред. Пока что можете идти. Будете болтать о нашем разговоре с кем бы то ни было, включая и Феррано – пеняйте на себя. Я молчу до тех пор, пока вы молчите. Думаю, что это справедливо. Так или нет?

– Спасибо. А как...

– Ни вам, ни Луиджи пока что ничего не угрожает. Но если вы что-то вспомните... В общем, будет лучше, если вы мне расскажете первый. Если же я что-то узнаю из других источников... В этом случае также все договоренности теряют силу. Это понятно?

– Да... Понятно... – Манфред встал. – Знаете... Есть вещи, о которых я бы не стал...

– Что такое?

– Ну... Я бы не хотел, что бы вы меня воспринимали каким-то истериком или не вполне нормальным...

– Не мямлите, Манфред! Выкладывайте все, включая ваши фантазии. Иногда и они бывают полезны.

– Ну что ж... Я вам уже говорил, что у нас с Луиджи была, да и есть, большая любовь. Но тут я случайно узнал, что иногда он встречается с каким-то человеком, мужчиной, как правило, в таверне «Голова короля». И обычно – я даже стал записывать – после этих встреч Луиджи дня два-три бывал сам не свой. Пару раз даже меня не узнавал! Представляете? А когда после я его спрашивал, что, мол, случилось? – он ничего не помнил, говорил, что мне все почудилось.

– То есть, вы следили за ним?– спросил Альфред.

– Нет... Не совсем. Только один раз. Я наблюдал издали, но ничего особенного не увидел. Они просто сидели, беседовали, вроде бы играли в карты...

– Это интересно, а что это за человек, с которым он встречался?

– Я не знаю его имени. Не смог выяснить. Но вроде бы это был школьный учитель математики из второй женской гимназии. Это все, что мне известно.

– Ну что ж, Манфред, спасибо. Там посмотрим, что с вами делать. И повторяю – ни вам, ни Луиджи ничего не угрожает, пока я убежден в вашей искренности. Будете лукавить – вы сами понимаете: пеняйте тогда на себя!

– Спасибо, герр Ланге! Я вам очень благодарен за понимание и надеюсь быть полезен в будущем. Вы можете рассчитывать на меня! – воскликнул Манфред, и с этими словами, заискивающе поглядывая на Альфреда, он направился к двери.

Альфред сел и задумался. Следствие начинало понемногу расширяться, что было дурным знамением. Вот, появился новый персонаж: какой-то учитель, но на самом деле вообще непонятно, его ли – Альфреда это дело – смерть бургомистра. Его-то ведь послали разбираться с личностью Клавдии, а вместо этого он, похоже, завяз в другой истории, которая, быть может, и представляет интерес для Министерства, но тогда становится совершенно неясно, как он сможет вести два дела сразу. В общем, похоже, над головой стали понемногу собираться тучи ...

Глава 3

Шагнув со ступеньки коляски на скользкую брусчатку мостовой, Альфред тотчас полез в карман, и, достал несколько мелких монет. Заплатив кучеру вперед, он велел ожидать его возвращения. Трактир «Луна и яичница», у которого остановился экипаж, был абсолютно ничем непримечателен, располагался на перекрестке дорог в трех лье к северу от города, и потому был выбран как одна из возможных точек встреч.

Выдав кучеру необходимые инструкции, Альфред также, за отдельную плату, велел изображать, что в экипаже что-то сломалось, и он – возница – занят ремонтом, а потому и стоит тут, и новых седоков не ищет. Сам Альфред, прогулявшись вокруг квартала оружейников, и убедившись, что слежки нет, вошел в дверь трактира. За стойкой он увидел хозяина – Большого Карлоса по кличке Брадобрей. Прозвище это он получил лет пять – шесть тому назад, когда пьяный матрос перебил принесенную ему посуду и отказался платить за причиненный ущерб. Чудовищным ударом, Карлос вышиб из него дух и повалил на стол, заваленный обломками тарелок. Затем, уже не спеша, он намылил его голову и лицо, и также не спеша обрил беднягу своим любимым ножом, который был острее всякой бритвы. После он привел смутьяна в чувство, вылив на него ведро воды, и выставил за дверь пинком под зад. Стоя рядом с Альфредом, Карлос воз-

вышался почти на голову, и при этом выглядел значительно шире. Однако, несмотря на свои внушительные размеры и неистовые повадки, его лицо казалось довольно добродушным, если, конечно, в этот момент его никто не злил.

Карлос, как и было сказано, стоял у стойки в своей любимой красной рубаше в синюю клетку, поверх которой был надет кожаный мясницкий фартук. Штаны он всегда заправлял в сапоги, отчего походил более на купца, нежели на трактирщика.

Войдя внутрь, Альфред почти незаметно кивнул в сторону стойки. Карлос в ответ поднял глаза вверх, как бы приглашая подняться на второй этаж. Двигаясь к лестнице, приходилось переступать через пьяных и поваленные скамьи, что заставляло высоко поднимать ноги, подчас доставая коленями чуть не до подбородка. Перешагивая несколько раз на целых полтора-два шритта⁴, и балансируя при этом на одной ноге, Альфред очень старался не оступиться, и не грохнуться на грязный скользкий пол. Однако, как он ни старался ступать осторожнее, он все-таки поскользнулся на разлитом кем-то пиве, и чуть было не упал на спину, прямо возле лестницы. Впрочем, в последний момент он все-таки сумел немного выровняться и приземлиться не на спину, а на руки и правое колено. Выругавшись, и отряхнув полу сюртука, он встал, и, чуть прихрамывая, стал подниматься по скрипучим ступенькам в полутьму коридора второго этажа.

⁴ 1 шритт – мера длины, примерно равная 0.75 м.

Маркус был уже на месте и стоял у мутноватого окна, заложив руки за спину, когда Альфред вошел и затем неслышно притворил дверь.

– Садитесь, – сказал Маркус, не оборачиваясь, – Вы голодны?

– Да, немного, но не беспокойтесь. Давайте сначала о деле, – ответил Альфред, снимая перчатки и усаживаясь за стол.

– Ну что ж... Давайте, – Маркус вздохнул и отойдя от окна, искал глазами куда бы сесть. Наконец, он выбрал довольно потертое кресло, что стояло напротив Альфреда, и, придвинув его еще ближе к собеседнику, уселся, попутно разглаживая на коленях брюки. – Итак, что у нас нового?

– Нового... – Альфред слегка пожал плечами, – Да почти ничего. Но, нам теперь известно, почему бургомистр готовил прошение об отставке Феррано. То есть, у Феррано, конечно, был мотив, но... – Альфред немного скривил губы и стал вертеть пальцами в воздухе, словно бы подбирая слова.

– Что, но? – спросил Маркус, немного поерзав.

– Ну, как вам сказать? Ну не мог он отправить бургомистра на тот свет, да еще посредством черного ветра. Не того полета эта птица. Я пока не могу это доказать, но я убежден. Ну, нет в нем должной силы, что ли. Как я его ни проглядывал... Пустой он. А этот любовник его – и подавно, хотя... что-то с ним не так... Глаза мне его не понравились почему-то...

– Любовник? – Маркус поднял брови.

– Именно... Он и Манфред – любовники. Но это строгая тайна. Я дал слово чести. И вы тоже должны дать слово молчать, договорились?

Маркус сделал понимающий жест рукой.

– Тогда кто же? – спросил он, – Может все-таки, кто-то из них? Мотив налицо...

– Вот и я спрашиваю о том же... Но нет, это не они, уверяю вас. – Альфред даже в сердцах махнул рукой. – Зря только время потеряем.

– Что-нибудь еще? – спросил Маркус серьезно.

– Есть еще одна зацепка, но, похоже, совсем незначительная. Даже и не знаю... – Альфред провел ладонями по темно серым довольно гладким доскам стола, словно бы разглаживая несуществующую скатерть.

– Что такое?

– Видите ли... Манфред утверждает, что у Феррано есть приятель, с которым тот иногда встречается. Нет-нет, там ничего такого предосудительного. Я проверял позавчера. Встречаются в корчме «Голова короля», если помните, она почти у самого леса. Пьют пиво, болтают, иногда в картишки перекидываются, и не более.

– И что?

– Но, по словам того же Манфреда, после таких встреч, Феррано впадает в какую-то летаргию или же состояние, похожее на нее. Он вроде и делает что-то, но потом мало что

помнит. Иногда даже знакомых не узнает...

– Летаргию, говорите? – Маркус нахмурился.

– Не я говорю, а Манфред. Больше вроде никто этого не замечал, хотя, он больше ни с кем и не общался, насколько мне известно.

– Летаргия... – задумчиво повторил Маркус.– Видите ли, мой друг, причин у подобной летаргии может быть множество, включая и самые обыденные. Например – лунатизм или падучая. Но, проверить этого приятеля все-таки стоит. Вы знаете кто это?

– Да, знаю. Это – учитель в женской гимназии – Густав Йоркович.

– Йоркович? Знакомая фамилия... Где же я ее слышал? И редкая довольно-таки, нездешняя... Видимо, он откуда-то из Трансильвании или даже с Черных гор...– Маркус поднял голову, и, почти полностью прикрыв глаза, стал шевелить губами...

– Вам она действительно знакома? – удивился Альфред.

– Вроде бы... хотя, быть может – и дежавю... Но ощущение, впрочем, весьма устойчивое...

– Может, человек с такой фамилией заходил по каким-то сыскным делам?– предположил Альфред.

– Может быть, но это как раз вряд ли. Клиентов я, как правило, помню всех и довольно долго... Тут что-то другое... Какая-то устойчивая ассоциация... какой-то большой зал и кафедра...!

– Университет? – подсказал Альфред.

– Тоже вряд ли... Там я давно не бывал... Благотворительный бал, быть может... Нет, нет, все – не то... – Маркус стал размахивать кулаками. – Все не то! Не то! Зал заседаний... Нет не то, не то...

– Может, есть проповедник с такой фамилией? Вещал с кафедры, а вы и запомнили?

– Нет! Не то... – Маркус кусал губы, мучительно пытаясь вспомнить имя.

Затем Маркус вскочил со стула и стал носиться по комнате из угла в угол. Иногда он останавливался, шипел и снова рубил кулаками воздух. Затем он сел в кресло у окна и глаза его стали ясны:

– Послушайте, Альфред, я вспомнил! Честное слово! – Маркус сиял – Этот самый Йоркович был свидетелем защиты на суде Клавдии! Ей богу!

– Вот как? Вы уверены? – Альфред был немного поражен предыдущей сценой. – И что нам это дает? Что он говорил, каким образом свидетельствовал, я имею в виду?

– Он выступал всего один раз и совсем недолго, минут десять от силы. Но, по сути, его свидетельство было ключевым. Он сказал, что у его соседки начались роды, а муж ее был в отъезде уже почти с неделю, и что он приехал за Клавдией, чтобы та помогла. Таким образом, в ночь смерти старосты, ее не было в городе, и потому обвинения в убийстве старосты с нее были сняты.

– Стоп, стоп! Маркус, какой еще староста? – замахал руками Альберт.

– Ах, ну да... Дело в том, что Клавдию судили по совокупности дел. Во-первых – вызов черного ветра и последующий мор скота, а во-вторых, ее обвиняли в убийстве старосты деревни, где Клавдия и проживала. Староста тот, якобы обладал неопровержимыми доказательствами того, что черный ветер вызвала именно она. Но я уже не помню, откуда взялось это предположение. И потом со стороны защиты, было еще выступление врача, который считал, что староста умер от апоплексического удара...

– Апоплексического удара? – переспросил Альфред. – Тогда откуда они взяли, что его убили?

– Я уже не помню точно, можно будет уточнить. Но обвинение настаивало, что смерть была неестественной, и являлась следствием колдовства Клавдии.

– Хорошо, а кто-нибудь проверял, действительно ли она была на родах? И если это колдовство, то какая разница, где именно она была в это время?

– Относительно ее места нахождения в момент убийства или же – естественной смерти старосты – ничего не знаю, если честно. Меня тогда интересовала только магическая сторона дела. Но, думаю, это не поздно проверить и теперь. А в плане колдовства, ей как будто инкриминировали, что она сотворила «ложе Иштар», вы знаете, что это такое?

– Пожалуй, в общих чертах... Там используется некая ма-

нипуляция с пентаклями⁵

– Ну, в общем – да. Создается два пентакля – Сатурна и Луны. Обязательно в халдейской традиции. Затем пентакль Сатурна подкладывают под матрас тому, кого хотят убить. А с пентаклем Луны нужно выйти к окну будущей жертвы. В момент полнолуния, пентакль следует поднять над головой и сказать заклинание, относящееся к демонам Намтара и Идпа⁶. Если силы у мага достаточно, и если удастся склонить демонов на свою сторону, то тот, против кого направлено колдовство умрет от скоротечной лихорадки или же апоплексии. Но все дело в том, что при этом колдовстве нужно быть рядом с будущей жертвой. А защита как раз и строилась на том, что Клавдии в тот момент в поселке не было.

– Понятно. А почему решили, что он умер именно в результате такого рода колдовства?

– Симптомы...

– Симптомы? – переспросил Альфред

– Ну да... Врач установил смерть от апоплексии, но там еще что-то было, что и дало основание затевать процесс о колдовстве.

– Да, это очень любопытно, и надо бы все-таки узнать о

⁵ **Пентакль** – предмет, похожий на медаль, который изготавливается из разных металлов, в зависимости от назначения. На аверсе обычно изображают печать ангела или духа той или иной планеты, а на реверсе – обращение к божеству, ангелу или демону на каком-либо магическом языке.

⁶ **Намтара** и **Идпа** – демоны чумы и лихорадки в халдейской мифологии и магии.

деле Клавдии подробнее, но одному мне не справиться. Надо ведь и в поселок к ней съездить, и с этим Йорковичем переговорить. А вы ведь пока что не должны появляться на людях, поскольку вы вроде как в отъезде. Но меня вот еще что волнует: почему бургомистр не уволил секретаря, да и Феррано тотчас же? Чего он ждал? Особенно, если принять во внимание его тяжелый характер.

– Да, в самом деле... – задумчиво ответил Маркус, – ведь прошло не меньше месяца.

– Тридцать восемь дней, – уточнил Альфред сухо.

– Да... это неясно. Но как теперь это выяснить? – Маркус почесал в затылке.

– Пока не знаю, но думаю, стоит еще раз потолковать с нашим новым приятелем Манфредом, – задумчиво сказал Альфред.

– Знаете, я, пожалуй, поищу в архиве, может какой-то след покажется. Дело в том, что после смерти бургомистра, часть его бумаг из кабинета была опечатана и передана на хранение в архив вплоть до вступления в должность нового бургомистра.

– Интересно. И как вы собираетесь вскрыть печати? – поинтересовался Альфред.

– Не знаю пока. Надо сначала осмотреться. А помощник, я думаю, у нас есть. Видите ли, у меня есть племянница. Смышленная и довольно образованная девушка: гимназию окончила с отличием, причем училась по усложненной про-

грамме. Сестра мне все пишет, чтобы я куда-нибудь ее пристроил гувернанткой или же экономкой. Я до сих пор отделивался общими фразами, но, похоже, нам стоит ее использовать, как вы полагаете? Ну, а если все сложится, и она себя зарекомендует, то, быть может, в вашем Министерстве найдется место и для женщины тоже?

– Не знаю, не обещаю, – ответил Альфред задумчиво, – но давайте попробуем. Мне выделена небольшая сумма для оплаты наемных помощников, так что ваша племянница в накладе не останется, я думаю.

– Вот и отлично! – Воскликнул Маркус – Завтра же отпишу сестре, и дня через три-четыре, максимум – через неделю, думаю, она будет здесь!

– Прекрасно, – ответил Альфред. – А пока – вы поработайте с архивами, а я еще раз всех допрошу.

– Что ж, до встречи! – Маркус протянул руку и улыбнулся своей широкой улыбкой.

Альфред надел перчатки, взял со стула трость и шляпу, и, ответив на крепкое рукопожатие Маркуса, направился к двери.

Глава 4

Альфред спросил у трактирщика пинту темного пива, холодной телятины с горчичным соусом и вечернюю газету. Когда же Кривой Ласло, наконец, принес заказ, Альфред с удовольствием откинулся на спинку кресла, отхлебнул холодной горьковатой пены и развернул серый, еще пахнущий краской газетный лист. Он пробежал по диагонали все городские новости, которые, в сущности, и новостями-то можно было назвать с известной натяжкой, а затем перевернул лист, где были расположены частные объявления. В правом верхнем углу, обрамленный в витиеватую рамку, был напечатан следующий текст:

«Оказываю мелкие услуги по дому или же в конторе. Большой опыт работы секретарем и переводчиком. Читаю и пишу на пяти языках. При необходимости могу также быть и телохранителем. С предложениями о работе обращаться к Ноаху Бакстеру, трактир «Золотое колесо»»

Ясно. Маркус просит о срочной встрече. Что-то случилось. Но что? За все время расследования этот способ связи использовался всего раза три-четыре, и только Альфредом. Например, когда чуть не сгорел дом, где он снимал комнату, или же когда он вдруг почувствовал странную слезку, наподобие того, как это было в доме Маркуса, и когда появились

кое-какие важные находки из полицейских протоколов. В сущности, Маркус тоже вполне мог использовать этот канал связи, но все же он прежде предпочитал другие. Не допив пиво, и не притронувшись к мясу, Альфред встал, и, оставив на столе несколько монет, зашагал к выходу. В объявлении было использовано слово «телохранитель», что означало: встреча состоится в таверне «Змея и лев». До нее было минут двадцать ходу быстрым шагом. Если в объявлении не было никаких цифр, связанных с ценой, скажем: «Прошу 15 крон в неделю», то это означало, что встреча должна состояться в восемь вечера. Альфред еще раз глянул на часы: была половина восьмого.

Шел мелкий осенний дождь, и булыжники мостовой сделались очень скользкие, что совсем не способствовало быстрой ходьбе. Уже почти совсем стемнело, и кое-где фонарщики стали неспешно зажигать фонари. Улицы города начали понемногу пустеть. Впрочем, то тут, то там все еще встречались пьяные матросы, подхваченные шустрými проститутками, лавочники, торопящиеся домой к ужину, да, в общем-то, и все. Еще по дороге к таверне Альфред встретил едущую навстречу двуколку с двумя пассажирами – довольно прилично одетым джентльменом и дамой, очевидно – его женой.

Спустя минут двадцать пять, Альфред увидел знакомый фонарь у входа и вывеску, на которой злобный лев терзал уже едва живую змею. Войдя в таверну, он огляделся, но не

увидел никого из знакомых. Как и всегда, в заведении было полно пьяного отребья: мастеровых, мелких приказчиков, девок и их сутенеров. Откуда-то неслась хриплая ругань, стоял страшный гомон, от которого начинало немедленно распырывать голову, и поверх всего этого висел почти непроглядный табачный дым и кухонный чад. Вдруг Альфред заметил, что из правого угла, почти возле самой лестницы, ведущей на второй этаж, ему кто-то машет. Сделав безразличное лицо и дав отворот-поворот какой-то пьяной шлюхе, с давно невымытыми волосами, попытавшейся было привязаться, он двинулся в сторону лестницы. Подойдя поближе, он увидел довольно крупного матроса, видимо, боцмана, который, скорее всего, служил на испанском судне. На столе стояло уже несколько пустых деревянных кружек, и дымилась трубка. Испанец улыбался во весь рот, он был явно чем-то очень доволен.

– Прошу садиться, – сказал он, указывая на стул, и при этом без малейшего акцента.

– С кем имею честь? – осведомился Альфред холодно.

– Мигель Санчес, – ответил тот, протягивая руку. – Садитесь, садитесь. Ваш друг скоро придет.

– Какой еще друг? – насторожился Альфред.

– Ну, Маркус де Ниро, вы ведь с ним пришли встретиться, не так ли?

Альфред сел, положил шляпу на стол и закинул ногу на ногу.

– А кто вы такой? И вообще, откуда вы меня знаете?

– Да как вам сказать... Давайте так. Я вам кое-что расскажу, но вы мне должны дать слово, что не уйдете до тех пор, пока я не закончу. Хорошо?

– Обещать ничего не буду, но, я вас, так и быть, внимательно выслушаю. Итак...

– Дело в том, что я и есть Маркус! Спокойно, барон! Прошу вас, сидите! Вы ведь мне практически пообещали! И времени доказать это много не займет. Итак, я – Маркус, и мне, наконец-то удался опыт великого Арнольдо де Вилланова⁷, а это значит, что теперь я могу временно изменять свою внешность.

– Вот как? Как зовут свидетеля защиты на суде Клавдии?

– Густав Йоркович. – ответил Мигель спокойно.

– Как зовут любовника секретаря?

– Манфред... – ответил испанец после секундной паузы, –

Еще вопросы?

– Да... – уже не совсем уверенно ответил Альфред. Он был совершенно сбит с толку. Его разум отказывался принимать то, что он видел. – Если вы Маркус... Вы кое с кем поспорили около года назад. И выиграли двадцать монет. О чем был спор?

– Если вы о вороне, которую я сбил из арбалета со шпиля

⁷ Арнольдус де Вилланове – испанский врач и алхимик, стоял у колыбели медицинской алхимии, автор «Салернского кодекса здоровья». Дал описание ядов, противоядий, лечебных свойств различных растений и способов их употребления. Автор многих алхимических трактатов.

собора святого Маврикия, то спор был не на двадцать, а на двадцать пять талеров. Теперь все? Или еще есть сомнения? Не стесняйтесь, спрашивайте! – испанец довольно улыбался.

– У меня нет слов! Я не понимаю, что происходит.

– Успокойтесь мой друг. Ничего особенного не происходит. Просто мне – скажу еще раз – наконец-то удалось воспроизвести, опыт де Вилланова. Правда, он, в своих трактатах допустил, мягко говоря, неточности с пропорциями, но теперь это уже неважно.

– Что за опыт? – спросил Альфред возбужденно.

– Ну, как же! Де Вилланова утверждал, что посредством довольно простого алхимического деланья можно получить эликсир, способный временно изменять внешность. Вы наверняка слышали о таком. Верно?

– Слышать-то я слышал, но признаться, я еще ни разу не встречал человека, кому бы это удалось повторить. И вообще, я считал, что это выдумки.

– Как видите – нет: мне это удалось. Но – к делу. Штука в том, что измененная внешность, – испанский боцман говорил довольно отрывистыми фразами, и это было немного странно, – особенно при первых попытках, держится недолго – всего несколько часов. Так что, вы – сами понимаете, мне нужно поскорее скрыться в надежном месте. И конечно же до того, как прежняя внешность начнет возвращаться. Не то, если я начну меняться на глазах у окружающих нас людей, может получиться, мягко говоря, конфуз, не так ли? И очень

даже возможно, что в таком случае мне и ваше Министерство не поможет. В общем, так: у нас теперь есть преимущество, и я снова в деле. Недостаток метода, однако, в том, что я могу создавать желаемую внешность лишь отчасти. В основном, новый облик мало предсказуем. Так что, возможно, не всякое изменение будет нам полезно. Но – это лучше, чем ничего. Думаю, что к утру я приму свой прежний вид, и вы, если захотите, сможете меня навестить.

– Э, нет! – ухмыльнулся Альфред. – Если все так, как вы говорите, то я буду присутствовать при вашем изменении. В противном случае... – он развел руками. – Сами понимаете...

– Понимаю... – Ответил Мигель-Маркус, – Ну что же.... Тогда пойдем, не будем терять времени. Думаю, что моя настоящая внешность начнет возвращаться довольно скоро.

С этими словами он встал и двинулся к выходу. Альфред, на всякий случай, проверил стилет, спрятанный в трости, и двинулся вслед за испанцем.

Уже при выходе, Мигель-Маркус прошептал:

– Идите шагах в двадцати, а еще лучше, поезжайте в гостиницу «Корона» на извозчике. Я там снял комнату. Подниметесь на третий этаж. Комната 32. Понятно?

– Хорошо. Это далеко?

– Да нет – пару кварталов прямо, потом направо.

– Понятно. Надеюсь, это не розыгрыш.

– Перестаньте, Альфред! До розыгрышей ли теперь? В об-

щем, буду ждать вас минут через сорок. Постучите нашим обычным кодовым стуком, договорились?

– Хорошо, до встречи!

Выйдя из таверны, Альфред свернул направо, а Маркус двинулся влево, вверх по улице. Вскоре Альфред остановил извозчика, и велел тому ехать в «Корону». Кучер деловито присвистнул лошадям, и те бодро зацокали копытами по мокрой скользкой брусчатке.

Под стук колес думается особенно легко и приятно, это всякий скажет. Альфред вспомнил университетские лекции по курсу алхимии. О, да! Великий Арнольдо де Вилланова! Как же, как же! Выдающийся ученый, философ и врач. Один из немногих, кто действительно получил философский камень... Профессор университета в Париже... Как далеко бы он мог пойти, и сколько всего еще мог бы открыть, если бы не слишком «длинный» язык, невероятная способность постоянно ввязываться во всевозможные скандалы, и недюжинный талант наживать себе самых опасных врагов. Даже дружба с Папой ему, увы, не помогла. Впрочем, все это было так давно... И потом, большая часть его рукописей все равно была либо уничтожена, либо просто утеряна. Откуда же Маркус взял его записи? Хотя, в его коллекции рукописей, видимо, можно, при желании, отыскать и не такое...

Коляска подкатила к гостинице и плавно остановилась. Альфред протянул кучеру плату вместе с хорошими чаевыми, и после, поблагодарив, сказал, что тот может быть сво-

боден.

Пройдясь вдоль квартала вперед и назад, он остановился на пороге гостиницы. Оглядевшись еще раз, и убедившись, что хвоста нет, Альфред ступил вовнутрь довольно обширной, но несколько мрачноватой прихожей. На него никто особого внимания не обратил: гостиница была самая заурядная, из дешевых, не выдавшая ремонта уже, поди, много лет. Относительно того кто приходит и кто уходит – здесь, похоже, никому дела не было. Весьма пожилой консьерж дремал у себя за конторкой, и лишь изредка просыпался, вздрагивая, когда кто-то из постояльцев швырял ключи на его бюро. Альфред, ничего не спрашивая, стал подниматься по скрипучей истоптанной лестнице, опираясь на липкие перила. Бордовая ковровая дорожка, покрывавшая лестничные марши давно выцвела, и местами в ней даже зияли дыры. Освещение и вовсе было скуднее некуда: лишь на поворотах кое-где горели подвешенные на крюках керосиновые лампы. Третий этаж был последним, и, видимо, самым дешевым. То там, то тут за дверями раздавались пьяные крики, где-то, похоже, дрались, и во всем коридоре стоял неизбывный смрад табачного перегара и еще какой-то кислотины.

Комната за номером тридцать два находилась по левую руку от просторного эркера, куда и вела лестница, и из которого затем в стороны расходились коридоры. Альфред нажал на кнопку предохраняющую стилет от случайного раскрытия. После еле слышного щелчка, лезвие высунулось

из трости на толщину ногтя. Альфред тихо подошел к двери и постучал, но не условным стуком, а первым пришедшим в голову – три легких удара, разделенных короткими паузами, и затем – двумя длинными. За дверью тотчас послышалась какая-то возня, и затем дверь открыл смуглый человек, во все не похожий на того испанского боцмана, с которым Альфред недавно разговаривал.

– Входите, входите, прошу вас... – сказал человек. – И побыстрее, я уже начал меняться, как видите.

Альфред ступил внутрь весьма убого обставленной, но довольно чистой комнаты, которую, очевидно и снимал человек, утверждающий, что он Маркус. Также как и все прочие помещения гостиницы, комната была освещена лишь керосиновой лампой, фитиль которой был убран почти до самого края.

– Я могу присесть? – спросил Альфред.

– Что вы спрашиваете, дружище! Разумеется, садитесь, где вам будет угодно!

Альфред уселся за стол, и, положив стилет на колени, снова взглянув на человека. Хозяин номера снова изменился настолько, что Альфред чуть, было, даже не вскрикнул, и теперь он был абсолютно не похож на того, который открывал дверь. Теперь это был довольно пожилой господин, с вытянутым небритым лицом, седоватыми бакенбардами и очень печальными глазами.

– Как это происходит? – едва сумел выдать из себя во-

прос Альфред.

– Я бы сказал – скачками, – спокойно ответил пожилой господин, – причем, очередные изменения происходят через разные промежутки времени. Одним словом – процесс весьма спонтанный.

– Вот как? – Альфред действительно был не на шутку удивлен. – А как вы знаете, что трансформации прекратились? Я имею в виду, ту фазу, когда вы превращаетесь в кого-то, а не обратно в себя.

– Ну, как вам сказать. Я ведь все-таки стремлюсь прийти к некоторой желательной внешности. И каких-то черт мне все-таки добиться удастся, пусть и ценой гигантского напряжения. К слову, портретного сходства с желаемым образом не мог добиться и сам мэтр де Вилланова.

Внезапно произошло еще одно превращение. Перед Альфредом уже сидел рыжий мужчина средних лет в темно-коричневом клетчатом костюме – явно из портовых складских приказчиков. Альфред даже отшатнулся от неожиданности.

– Ага... вот снова произошло, – констатировал рыжий, – Думаю, еще одно-два превращения и все закончится.

– Все это так необычно! Я бы ни за что не поверил в такую возможность, если бы только сам не увидел это своими глазами!

– Да, это довольно необычно. Я согласен, – кивнул рыжий приказчик.

– А бывает так, что промежуточная внешность, скажем

так, не мужская, или вообще не человеческая?

– Нет, о таком я не слышал ни разу. Если превращение делает мужчина, то и все образы мужские, если женщина – то образы будут соответственно – женские. Почему так – не знаю, но смутно догадываюсь.

– Правда? – с любопытством спросил Альфред.

– Да. Дело в том, что я, как мужчина использовал мужскую версию алхимического деланья по трактатам де Вилланова. Но, Мария Коптская⁸, например, утверждала, что существует и женская версия этого процесса, и что она также сумела достичь подобного превращения, используя лишь женские элементы. Ну, вы понимаете: сурьма вместо висмута, черное серебро вместо белого и так далее...

– Да, понимаю, конечно, – ответил Альфред задумчиво, – но об этом еще меньше свидетельств, чем об экспериментах де Вилланова.

– Это точно! Лично я видел ее рукопись всего однажды, да и то мельком.

– Правда? И где же?

– Да, знаете ли, давно это было... Кажется, в каком-то монастыре на юге...

– Правда? Вы не рассказывали, что путешествовали по южным монастырям.

⁸ **Мария Коптская** – первая женщина-алхимик, предположительно жившая в I или 3 в. н. э.; возможная основательница александрийской алхимической школы, изобретательница ряда химических аппаратов и процессов, используемых по сей день. В частности – изобретательница метода подогрева на «водяной бане».

– Не то, чтобы я путешествовал... – рыжий вздохнул, – я ведь итальянец... А Италию я в молодости изрядно исколесил, да, знаете ли, – жизнь заставила.

– Вот как? Интересно будет как-нибудь послушать о ваших странствиях подробнее, – Альфред пытался держаться как можно естественнее.

– О, само собой! Когда все закончится, мы непременно поболтаем и об этом тоже! – рыжий клерк зажмурился, словно от боли, и закрыл лицо руками. Он сжимал лоб, словно пытаясь сдержать крик, способный вырваться из горла в любую минуту, а затем все как-то резко прошло, и, изумившись, Альфред увидел, что перед ним сидит Маркус.

– Вот это да! – ахнул Альфред и откинулся на стуле.

– Да, кажется, все закончилось! – с некоторым облегчением вздохнул Маркус и провел ладонью по лицу. – Да, но теперь давайте вернемся к «нашим баранам»...

– «Баранам»? – переспросил Альфред

– Ну, это такая английская поговорка... вы не слышали прежде? Что-то вроде «вернемся к нашим делам насущным»...

– Нет, не слышал. Так о чем вы желали бы поговорить? Что-то случилось, кроме удачного эксперимента с изменением внешности?

– В силу того, что я снова в деле, я хотел бы обсудить наши дальнейшие шаги. Во-первых, я думаю, больше нет смысла жить в моем теперешнем убежище. Изменяя внешность, я

могу жить в любой гостинице или трактире, верно?

Альфред кивнул.

– Далее. Что нам известно о смерти бургомистра? Первое – он отправился на тот свет не по своей воле. Так?

Альфред как-то невнятно кивнул, и едва заметно пожал плечами.

– Но нам не совсем понятно, каким именно образом. Верно?

– Мы ведь вроде уже говорили насчет яда, правда, не совсем ясно какого именно. Вам удалось что-то разыскать? – спросил Альфред.

По лицу Маркуса пробежала едва заметная даже в полутьме легкая «тень»:

– Нет, я пока ничего с этим не выяснил. Но, я все-таки склоняюсь к тому, что это кураре.

– От кураре губы не чернеют. И не наблюдается подобного окоченения. Нет, это яд экзотический, каким, видимо, не столько убирают с дороги, сколько наказывают. Мы ведь уже говорили об этом. Вы забыли? – невозмутимо спросил Альфред.

– Ах, да, конечно. Я встречал кое-какие упоминания о ядах туземцев Новой Индии, они очень сложные по составу, но некоторые используются именно для наказания, ибо вызывают страшные муки. Однако, я пока не нашел ничего относительно почернения губ и позы кулачного бойца...

– Ну, это выяснить очень важно, однако, не менее важно

найти того, кто был бы в этом заинтересован. Как я понял, у всех наследников – алиби, не так ли? Или нет?– спросил Альфред, невозмутимо разглядывая свои ногти.

– Я еще проверяю некоторые факты, но пока что – да. В основном, все алиби подтверждаются, – ответил Маркус

– Ну что же... Будем накапливать факты...– задумчиво проговорил Альфред.

– Да, конечно, – ответил Маркус, вставая. – Думаю, нам пока стоит двигаться в том же направлении.

– Несомненно. – Альфред тоже встал. – Если вы снова измените внешность, и вам нужно будет встретиться, я буду каждый день в трактире «Золотое колесо» в шесть вечера. Скажете пароль : «Сеньор Родригес велел вам передать, что в прошлый раз вы забыли у него свою табакерку»

– А какой будет отзыв? – спросил Маркус.

– Ну, я, вообще-то внешность менять не собираюсь. Хотя, возможно, вы правы... Отзыв такой: «Сеньор ошибается. Я не нюхаю табак. Я лишь курю трубку»

– Ясно. Тогда до встречи! – Маркус протянул руку.

Альфред пожал ее, и отметил, что рукопожатие было вялым, в отличие от сухого и крепкого, каким его обычно одаривал Маркус. С тем он и направился к выходу. Уже у двери Альфред обернулся и невольно вздрогнул: у стола в той же позе стоял вовсе не Маркус, а какой-то другой человек, которого Альфред прежде никогда не встречал. Это был молодой, довольно высокий худой человек, с вытянутым, слов-

но лошадиная морда, лицом и с длинными давно немытыми и нечесаными волосами. Впрочем, видение длилось лишь какое-то мгновение, а после привычный вид Маркуса снова вернулся, и Альфред, мотнув головой, словно прогоняя мотылек, развернулся и ступил в темный, коридор. В остальных комнатах этажа уже притихли, и даже свои собственные приглушенные шаги по ковру стали вполне различимы.

Альфред щелкнул кнопкой стилета, закрывая его, и затем быстро спустился в холл, где консьерж все также клевал носом за своей конторкой.

Глава 5

Тем же вечером, не заходя домой, Альфред отослал мальчика-посыльного в агентство «Гончие псы» с запиской лично Маркусу де Ниро:

«Дорогой друг, я нашел то, что вы хотели: продается породистый жеребец пегой масти. 190 талеров. Обращаться следует в контору конного завода Елизара Менаше»

Вообще-то, этот текст был предназначен для газетного объявления, но теперь, поскольку возникли кое-какие сомнения, Альфред решил послать это сообщение напрямую. В конторе наверняка знали, как переправить эту депешу непосредственно в руки Маркуса. Это объявление было одним из «аварийных», где требовалась не только срочная встреча, но также высказывалась настоятельная рекомендация быть чрезвычайно внимательным в плане слежки. Встретиться предлагалось в трактире «Луна и яичница», ибо в объявлении было использовано слово «пегий», а поскольку было упомянуто число 190, от него следовало отнять число месяца, то есть получалось – 180, а это означало, что Маркус должен прибыть к шести вечера, завтра.

Позавтракав в «Золотом колесе», Альфред направился в полицейское управление, намереваясь изучить происшествия последних двух – трех лет, которые по своему характе-

ру были бы похожи на ситуацию, связанную со смертью бургомистра. На этот случай, министерство снабдило его специальным документом уполномоченного по делам внутренних расследований при главном полицмейстере. Это удостоверение открывало практически все двери для любых инспекций, и включало даже возможность вмешательства в некоторые следственные действия по текущим делам.

Альфред вошел в управление и, оглядевшись по сторонам, направился к остекленной загородке. Именно там, должен был восседать шеф полиции города. Пройдя ряд столов, где сидели обычные клерки и констебли, он, не постучавшись, вошел за загородку. Сняв шляпу, и после легкого поклона, направленного в сторону лысины, согнувшейся над столом, Альфред сообщил, что хотел бы видеть шефа полиции. Лысина оторвалась от бумаг, и на Альфреда направился недовольный и весьма суровый взгляд.

– Доброе утро, господин шеф полиции, – сказал Альфред бесцветным голосом. – У меня к вам небольшое дело. Надеюсь, это не отнимет у вас времени больше, чем потребуется.

С этими словами он подошел к столу и протянул визитку и удостоверение.

Шеф принял бумаги, и, шевеля губами, прочел, после чего, выражение его лица резко изменилось. Он вышел из-за стола и протянул пухлую руку для пожатия.

– Приятно познакомиться! Шеф здешней полиции – Карл Вольф! – кивком головы он поклонился. – Все, что вам нуж-

но – будет предоставлено незамедлительно! – шеф снова убедительно кивнул.

– Спасибо, герр Вольф. Мне нужны дела об убийствах и странных смертях за последний месяц – и это в первую очередь. А затем и за последние года два, или лучше даже – за три. Это возможно?

– Разумеется, герр Ланге! Прошу вас присесть! Не угодно ли чаю, пока я буду отдавать необходимые распоряжения?

– Благодарю вас, – ответил Альфред таким же бесцветным голосом, – вы очень любезны.

Шеф выскочил за пределы загородки и зашикал на подчиненных. Через пару минут в загородку вошла пожилая дама с подносом. На подносе стоял подстаканник с крепким чаем, блюдечко с нарезанным лимоном, небольшая хрустальная сахарница, из которой торчали маленькие серебряные щипцы и тарелочка с имбирным печеньем, щедро присыпанным корицей.

– Благодарю вас, мадам... – сказал Альфред, принимая поднос, – вы очень любезны!

– Вообще-то... фрау Таттенбах, – ответила дама с достоинством и вышла за загородку.

Альфред отхлебнул чаю, и отметил, что он заварен с большим знанием дела и вообще очень хорош, видимо, привезен откуда-то из колоний. Печенье тоже было выше всяких похвал, и явно испечено совсем недавно. В общем, чаепитие из вежливости, на поверку оказалось очень даже приятным

сюрпризом.

Как только Альфред поставил пустой стакан на поднос, – и ни секундой раньше, – в загородке появился клерк довольно заурядной внешности, как, впрочем, и большинство в этом здании. На нем был черный костюм, который создавал ощущение, что он несколько маловат для его хозяина, отчего последний немного походил на диванный валик. При этом ворот сорочки был явно большего размера, чем требовалось. Волосы вошедшего были щедро покрыты бриллиантином и расчесаны на прямой пробор. Клерк сообщил, что часть интересующих инспектора материалов уже находится в комнате секретной части, а остальное будет передано по мере доставки.

«Сколько же это у вас убийств!?» – подумал про себя Альфред, но вслух произнес, – Благодарю вас! Не проводите ли вы меня в эту самую секретную часть?

– С большим удовольствием, герр Ланге! – ответил тот.

«...хм... а быстро они тут ориентируются..»: – подумал Альфред.

Они прошли по коридору в самый конец, где клерк открыл перед Альфредом дверь:

– Прошу вас, герр Ланге. Все интересующие вас дела здесь, – клерк указал рукой на один из трех столов, где уже возвышалась объемистая пирамида из папок.

Альфред кивнул:

– Благодарю вас, вы свободны. Да, вот еще... Могу я оста-

вить материалы прямо тут, когда закончу изучение?

– Да, разумеется. Единственная просьба – сообщите шефу или мне, что вы уже уходите. Я – старший делопроизводитель, мой стол по правую руку от секции, где сидит шеф.

– Понятно. – Альфред кивнул.

Клерк поклонился и закрыл за собой дверь.

Альфред повесил пальто и шляпу и направился к столу, где лежали папки. Стол, надо сказать, как, впрочем, и вся мебель в этой комнате – «видал виды». Лак на его деревянных частях давно облупился, а дерматин, которым была обита столешница, и вовсе прохудился в нескольких местах.

Стул был колченогий и невероятно твердый, и Альфред прошелся к остальным столам, в надежде заменить это мебельное чудо чем-нибудь поудобнее. Однако, остальные оба стула, которые он обнаружил, были ничуть не лучше. Вздохнув и смирившись, Альфред осторожно уселся на твердого шатающегося уродца, и, раскрыв папку с первым делом, принялся ее листать.

Прочитав за несколько часов большую часть материалов, Альфред встал, и, потянувшись, достал из жилетного кармана часы. Было уже половина пятого, а, следовательно, нужно было заканчивать, и собираться на встречу с Маркусом. Собрал разложенные документы, и завязав тесемки на открытых прежде папках, Альфред вернул дела напомаженному старшему делопроизводителю и вскоре покинул здание по-

лицейского управления. На счастье мимо проезжал свободный извозчик, и Альфред, обрадовавшись такой удаче, тотчас остановил его и велел ехать к «Луне и яичнице».

Около половины шестого пополудни, Альфред занял столик в углу обеденного зала, откуда было удобно наблюдать за входом и при этом не бросаться в глаза. Люди приходили и уходили самые разные, и при этом самые обыкновенные: приказчики, работники из мастерских, пару раз заходили крестьяне – видимо, доставляли хозяину свой товар, и вся эта кабацкая суeta перемежалась истошными криками, мелкими потасовками – то тут-то там, и хозяйскими окриками, дабы присутствующие вели себя потише.

Как и ожидалось, в шесть без пары минут в дверях появился Маркус и стал медленно обводить взглядом зал. Альфред, немного привстав, помахал ему свернутой в трубку газетой и тот, кивнув, стал продвигаться по направлению к Альфреду, лавируя между столами. Точно также как вчера в «Змее и льве», когда Альфред направлялся к столу «испанского боцмана», Маркус, передвигаясь, оттолкнул от себя пару-тройку назойливых пьяных нагловатых девок и вскоре успешно добрался до места.

Подойдя, он слегка кивнул, а затем, немного поерзав, уселся на лавку. Сложив руки, словно школяр, Маркус вопросительно взглянул на Альфреда, точь-в-точь, как при первой встрече.

– Как дела? – спросил он спокойно.

– Вроде неплохо. – Альфред отложил газету на край стола.

– Что-то случилось? – немного тревожно спросил Маркус.

– Случилось. – Альфред достал сигару, зачем-то понюхал ее и после стал, неспеша раскуривать.

– И что же? – Маркус ерзал на стуле, из чего было понятно, что он уже сгорает от любопытства.

– Вы знаете что-нибудь об экспериментах де Вилланова?

– Ну... вообще-то у него было немало открытий. – Немного подумав, ответил Маркус, – Среди прочего, он один из тех, кто получил философский камень, и это, к слову, достоверно... А что такое, собственно?

– А как насчет опытов с переменной внешности? – спросил Альфред, попыхивая и глядя сквозь дым на Маркуса.

– Ну, – Маркус слегка замялся, – я не думаю, что это серьезно. Легенд относительно этого существует множество, но я, признаться, не встречал ничего заслуживающего доверия. Есть лишь упоминания об этом эксперименте в рукописях его учеников, но повторить этот опыт, насколько я знаю, никому не удалось.

– Думаю, вы ошибаетесь.

– Правда? И кто же этот гений?

Альфред рассказал все, что с ним происходило накануне. Маркус изумленно смотрел на него, лишь время от времени потирая руки. За все время рассказа он ни разу не перебил собеседника, что прежде случалось не так уж часто, и что явно свидетельствовало о его огромном интересе.

Когда Альфред закончил, Маркус еще какое-то время молчал, а после сказал:

– Да, мой друг... Это действительно поразительно. Но какова была цель всего этого спектакля?

– Не знаю точно, но думаю – банальная рекогносцировка. Кто-то хотел разузнать, что именно нам известно и куда мы движемся с нашим расследованием. Я почти сразу понял, что тут что-то не так. Во-первых, я постучал в дверь произвольно, а не условным стуком, и этот тип открыл! Во-вторых, я вас уже узнал довольно близко, и знаком с некоторыми вашими привычками. Можно скопировать внешность, пусть это и невероятно трудно, но нельзя до точки скопировать личность. Например, у того самозванца была привычка проводить ладонью по лицу, словно бы снимая паутину, а за вами я этого не замечал. Кроме того, мы хоть и стали довольно близкими друзьями, но вы ни разу не обратились ко мне: «дружище». В общем, не все там было гладко, но неясно главное – кто это был. Впрочем, в силу того, что я ему ничего так и не рассказал, думаю, визиты еще повторятся.

– То есть нам следует полностью сменить всю систему оповещений и кодов... – задумчиво сказал Маркус. – А, собственно... Как он узнал, какие именно вопросы вы будете задавать? Ну, хорошо, про любовника – это ладно. Он или даже они, ибо вполне вероятно, что этот человек действует не в одиночку, видимо тоже расследует это дело. Но вот насчет того спора о вороне?

– Знаете, я думаю, что это как раз довольно просто. Я как-то проводил один эксперимент, еще в университете. Так вот, если вы попросите сотню человек быстро задумать какой-то цвет, а затем немедленно задумать какой-то инструмент, то, примерно девяносто из них подтвердит, что задумали «красный молоток». Когда времени на размышления нет, и нужно говорить первое попавшееся, на ум приходит самое простое, самое яркое и то, что на поверхности памяти. Это может быть что-то недавно произошедшее, или же то, что поразило когда-то очень сильно. Разумеется, он рисковал, но рассчитывал на то, что, не имея времени на размышления, я спрошу нечто для него предсказуемое. Случай о споре с вороной, в сущности, известен всему городу. Так что, ничего особенно невероятного в его ответе не было. Ну, а если бы он и не ответил, то понятно, что шума я бы не стал поднимать, а скорее всего, просто бы удалился восвояси. Так что риск был для них не так уж и велик. Но, я не понимаю другого: допустим, можно изменять собственное тело, но каким образом при этом меняется все, в том числе и одежда!?

– Честно говоря, – спокойно ответил Маркус, – я не думаю, что вообще меняется что-либо физически. Скорее всего, изменяется восприятие окружающих. Вы просто «видите» перед собой другого человека, ну или даже все вокруг видят, причем не факт, что все видят одно и то же. Собственно, тем же вопросом задавался ученик де Вилланова – Раймонд

Луллий⁹. В одном из трактатов¹⁰ он написал, что если бы во время «перемен лица» происходило физическое превращение, то непременно должен был бы меняться вес превращаемого субъекта. Ему вроде бы удалось не только повторить опыт де Вилланова, но и провести эксперимент с взвешиванием превращаемого. В силу того, что вес не менялся, он и пришел к выводу, что изменяется лишь восприятие окружающих.

– Интересно! И что же, все окружающие видят одно и то же? Ну, вот, скажем тогда в «Золотом колесе», все видели испанского боцмана? Хотя, да... вы уже сказали...

– Я пока не знаю точно. Хотя у того же Луллия я встречал некое упоминание мимоходом. Он писал, что просто изменить внешность – не бог весть, какая сложная задача, и ее может при известном усердии решить и довольно средний алхимик. Но вот добиться, во-первых, желаемого образа, а во-вторых, устойчивого – вот тут я как раз и подумал, что он имеет в виду ситуацию, когда все видят измененные образы одинаково. Так вот эта задача очень нетривиальная и доступна единицам. Он не написал, однако, удалось ли это кому-либо, включая его самого или же его учителю – де Вилланова.

⁹ **Раймунд Луллий** (ок. 1235, Пальма-де-Мальорка – 1315, Пальма-де-Мальорка) каталанский миссионер, поэт, философ, теолог и алхимик. Один из наиболее влиятельных и оригинальных мыслителей средневековья.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду трактат R. Lully “Acerca de las formas de cambio de apariencia” 1685, Toledo. Этот трактат был переиздан по рукописной книге 1285 г.

– Да... Я понимаю... – Альфред потер ладонями виски, словно пытаясь отогнать головную боль.

– Противник умен, тут слов нет... И каковы будут наши выводы?– спросил Маркус.

– Выводы очевидны, я думаю. Но есть кое-что еще,– сказал Альфред, убрав руку от головы.

– Что именно?

– Понимаете, прежде, чем мы примем новую систему кодов, вам придется доказать мне здесь и сейчас, что вы – это вы, и что я не говорю снова с самозванцем.

– Разумно, – заметил Маркус без всякой иронии, – Что ж... через час я жду вас у себя дома. Вы зайдете и скажете Иосифу – это мой слуга – вы его знаете, что я просил вас, меня обождать. Это на тот случай, чтобы вы не подумали, будто я с Иосифом в сговоре. А дальше – сами увидите. Не помню точно зачем, но мы с ним придумали систему из шестнадцати чисел, вроде паролей с отзывами. Ну, суть в том, что человек может измениться и без опытов де Вилланова. Скажем – получить ожоги или шрамы. Так вот, чтобы в таком случае не возникло сомнений, мы и придумали эту систему.

– Ну что же, давайте попробуем...– Альфред встал и двинулся к двери,

– До встречи, – Маркус помахал ему ладонью.

В квартале вверх по улице, Альфреда, как и было оговорено, поджидал извозчик. Экипаж стоял на обочине, лошадь переминалась с ноги на ногу, а ее хозяин – немолодой уже

человек с желтоватым худым лицом, подремывал, закутавшись в старую солдатскую шинель. Альфред тронул его за плечо и велел ехать на улицу Медников. Возница молча кивнул и натянул вожжи.

Спустя некоторое время тряской дороги, экипаж остановился возле дома, где Альфред снимал комнату. Дабы не привлекать внимание, он извозчика отпустил, условившись, что тот его будет ждать завтра утром на площади святой Катарины. Сам он поднялся к себе, довольно громко топая по ступеням, и после шумно хлопнув дверью. Затем обождав минут пять, и, прислушиваясь к тишине в коридоре, Альфред приоткрыл дверь. Убедившись, что там никого нет, он вышел, тихо защелкнув замок. Затем, на цыпочках, словно бы кого-то опасаясь, он перешел к лестнице черного хода, и, ступая по самому краю ступенек, дабы избежать скрипа, спустился вниз, и затем выскользнул наружу. Пройдя через палисадник, он вышел на улицу Медников. Следовало не спеша прогуляться до перекрестка, а затем, убедившись, что слежки нет, спуститься вниз по Угольной улице – довольно кривой и узкой. Здесь в доме Маркуса была дверь черного хода, куда бакалейщики доставляли продукты, и откуда прачки забирали корзины с бельем. Альфред постучал условным стуком. Иосиф его знал. Дверь отворилась на ширину ладони, и после, когда Иосиф убедился, что ничего опасного нет, позволил Альфреду войти.

– Иосиф, – не дожидаясь вопросов, сказал Альфред, – го-

лубчик, не будете ли вы так любезны, и не проводите ли меня в гостиную? Хозяин просил его обождать. Он скоро прибудет.

Иосиф важно кивнул и жестом пригласил следовать за ним. Они пришли в большую комнату с камином, где Альфред с Маркусом провели не один вечер за бокалами шерри. Отдав пальто и шляпу слуге, Альфред с удовольствием уселся в кресло у самого огня, и вытянул уставшие за целый день ноги.

– Не желаете ли чего-нибудь выпить, герр Ланге? – осведомился Иосиф.

– Благодарю. Немного коньяку, думаю, не повредило бы, – он улыбнулся.

Иосиф кивнул и удалился, а затем вернулся через минуту с подносом, на котором стоял пузатый бокал дымчатого стекла, наполненный янтарной жидкостью.

Альфред принял бокал и поблагодарил, слегка кивнув.

Иосиф поклонился и направился прочь из комнаты, слегка размахивая подносом. Альфред раскинулся в кресле, закинув ногу на ногу, и попытался размышлять о прошедших событиях. Однако, не успел он расслабиться и сделать хоть пару глотков, как в прихожей хлопнула дверь и послышалась какая-то суета. «Похоже, вернулся Маркус»: подумал Альфред и поставил бокал на низкий столик. Маркус был, как обычно, весел и бодр. Шумно ввалившись в комнату, он шутил, стряхивал с бороды капли дождя, улыбался и давал

Иосифу по ходу какие-то поручения по хозяйству. Обменявшись с Альфредом рукопожатиями, они сели у огня.

– Итак... – напомнил Альфред.

– Да-да, конечно. Иосиф, задержись на минуту, пожалуйста.

Иосиф повернулся и слегка поклонился.

– Если угодно, – сказал Маркус, обращаясь к Альфреду, – запишите то, что вы сейчас услышите, на всякий случай.

Альфред кивнул и достал блокнот с карандашом в золотом футляре.

– Итак, Иосиф... Четыре!

– Четырнадцать, – невозмутимо ответил тот, будто только и ждал подобного.

– Пятнадцать, – продолжал Маркус

– Один, – ответил Иосиф с той же невозмутимой интонацией.

– Шесть...

Иосиф молчал

– Ах да, виноват: девять! – выпалил Маркус, махнув рукой.

– Семь... – сказал Иосиф с некоторым, как показалось, облегчением.

– Вот теперь – шесть!

– Двенадцать.

– Пять.

– Одиннадцать.

– Десять.

– Восемь, – Иосиф кашлянул, – Простите, сэр.

– Шестнадцать, – продолжал Маркус.

– Два.

– Три.

– Тринадцать, сэр...

– Спасибо, Иосиф, все ли сказано мной правильно?

– Осмелюсь доложить – абсолютно верно. За исключением случайной оговорки, после которой вы быстро поправились.

– Благодарю, вы свободны.

Иосиф ушел в кухню, а Маркус жестом предложил следовать за ним. Они оказались в библиотеке.

– Итак, запишите, дорогой друг, названные цифры в виде квадрата.

– В этом нет нужды. Я вижу, что это квадрат Юпитера.

– Верно, и все же, давайте для верности запишем.

Альфред повиновался, и затем протянул блокнот Маркусу. В блокноте был начертан квадрат Юпитера.

– Все верно, – подтвердил Маркус, – и каковы его свойства? Вы помните?

– Не помню, если честно. – Признался Альфред.

– Сумма любого столбца или строки равна тридцати четырем, а всего квадрата, соответственно – ста тридцати шести. Прошу вас выбрать тридцать четвертую книгу в этой библиотеке.

– А откуда считать?– немного удивленно спросил Альфред.

– Да, действительно, – изобразил удивление Маркус. – Откуда? Ну, скажем, а откуда мы начинаем строить гороскоп?

– От асцендента¹¹... – ответил Альфред, всем своим видом показывая, что не понимает, к чему тот клонит.

– Верно! То есть от Востока. – Он подошел к камину и взял с полки небольшую, размером с пятиталлеровую монету, медную коробочку и протянул ее Альфреду. Тот открыл и обнаружил внутри миниатюрный компас, корпус которого был вырезан из слоновой кости, а все надписи и азимуты были нанесены золотом и серебром. Компас, очевидно, был старинным и тончайшей китайской работы. – Какая красивая вещь! – невольно воскликнул он.

– Не отвлекайтесь, мой друг, – ответил Маркус, – Отыщите лучше центр комнаты.

Альфред повиновался и затем почти сразу сориентировался по сторонам света. После он подошел к шкафу, который находился точно на востоке от центра и нашел тридцать четвертую книгу, считая сверху и слева направо. Маркус трепливо ждал. Открыв книгу, и пролистав ее Альфред ничего не обнаружил и вопросительно посмотрел на Маркуса.

– Друг мой, вы неверно считали! – улыбаясь заметил Мар-

¹¹ Асцендент – точка в Зодиаке, которая на момент события или же рождения, была точно на Востоке.

кус, – Компас, как вы верно заметили – китайский, а китайцы пишут сверху вниз и справа налево!

Альфред хмыкнул и стал снова считать книги, но уже передвигаясь от верхней полки к нижней, и так снова и снова. Наконец, он нашел искомую.

– Превосходно! – искренне отметил Маркус. – Теперь откройте ее на сто тридцать шестой странице, ибо, как я сказал, общая сумма квадрата равна ровно ста тридцати шести.

– Сто тридцать шесть – это в нашей системе, или тоже в китайской? – огрызнулся Альфред.

– Сто тридцать шесть – это во всех системах одинаково, – невозмутимо ответил Маркус.

Альфред нашел нужную страницу, и обнаружил там сложенный пополам листок бумаги.

– Здесь что-то спрятано, – сказал он, протягивая листок Маркусу.

– Я знаю, – ответил тот все тем же бесцветным голосом. – Прошу вас, откройте и прочтите.

Альфред отложил книгу и раскрыл листок довольно дорогой бумаги с водяными знаками. На нем каллиграфическим почерком было выведено:

«Настоящим заверяется, что человек, стоящий перед вами – есть Маркус де Ниро и никто иной, в силу того, что вероятность совпадения всех факторов, коим вы были свидетелем, составляет примерно один к восемнадцати триллионам, что гораздо больше, чем даже общее количество всех

зерен риса на земле»

– Ну, что ж... – сказал Альфред примирительно, – Вы меня убедили.

– Замечательно. – Ответил Маркус. – Но что нам делать в дальнейшем, дабы избежать подобных проверок. Во-первых, это долго, а во-вторых, у меня не так много подобных козырей в рукаве.

– Ну, во-первых, – сказал Альфред, – следует сейчас же создать более серьезную защиту дома, скажем, по методу Гумбольта Касайского.

– А что... – ответил Маркус, – это и вправду хорошая мысль! Хотя, она и работает отсылы недели две... Но она вполне надежна, да и по прошествии срока, мы ведь всегда сможем ее повпорить. Вот только, я не уверен, что у меня найдется столько соли и гвоздей!

– Это ничего! – заверил его Альфред, – используем то, что имеем. Кстати, который час? – он достал из кармана часы... – Восемь с небольшим... Что ж... Вы не против, если Иосиф сходит, скажем, в «Золотое колесо» с моей запиской к Ласло, и купит пару фунтов соли?

– Это, пожалуй, было бы неплохо! – обрадовался Маркус.

– Тогда за дело! – Альфред написал записку в блокноте, вырвал страницу и вручил ее Маркусу, а тот, позвав Иосифа, передал ее ему.

– Я пока принесу соль, ту, что есть... – сказал Маркус, и уже было собрался идти на кухню.

– Оставьте примерно четверть фунта для прокаливания! – напомнил Альфред.

– Конечно! Я отсыплю, – ответил Маркус и ушел на кухню. Альфред последовал за ним.

– Маркус, – посоветуйте, где бы взять мелких гвоздей и молоток полегче? – спросил Альфред уже почти в спину приятелю.

– Ах, да... Пойдемте, я вам покажу кладовую, а дальше вы уж сами, согласны?

– Само собой, – кивнул Альфред, пожимая плечами.

– Вот и отлично! – Маркус провел его коридорами и подвел к двери кладовой. – Возьмите, мой друг, все, что нужно и входите в любые комнаты без стеснения.

– Благодарю вас, – ответил Альфред и Маркус удалился.

Альфред нашел относительно небольшой молоток, клещи, мелкий напильник и банку с гвоздями. Все это он сложил в кожаную сумку и затем, прихватив фонарь с восковой свечой, вышел через черный ход на улицу. Далее его действия со стороны могли бы показаться более, чем подозрительными, но, слава богу, на улице в такой час никого не было. Альфред прошел вдоль всего первого этажа, и вбил в каждую оконную раму по гвоздю. Причем, вбив гвоздь примерно на половину, он скусывал клещами шляпку, и затем затачивал напильником до остроты, каким бывает сапожное шило. Когда весь первый этаж был обойден, он спросил у Маркуса лестницу, и проделал все тоже и с окнами второго

этажа.

Примерно через час Альфред вернулся в дом, где Маркус в каждой комнате раскладывал по углам горки соли, отмеряя их наперстком.

– Не возражаете, если я пока прокалю соль? – спросил Альфред.

– Да, сделайте такое одолжение, прошу вас, а я скоро уже закончу и присоединюсь к вам, – ответил Маркус.

– Договорились, – ответил Альфред и отправился на кухню, где увидел оставленные Маркусом на столе четверть фунта крупной соли. Он ополоснул чугунную сковороду, и затем протер ее насухо, заодно убедившись, что на ней не осталось прежнего жира или копоти.

Не спеша, он развел огонь в печи, и поставил сковороду на конфорку. Через несколько минут, когда было очевидно, что сковорода нагрелась и отдала весь дым, он бросил на нее пригоршню соли. В свете фонаря, Альфред увидел, что соль ведет себя очень странно: она, то собиралась в концентрические кольца, то скукоживалась, образуя горку, а затем почернела и, тогда раздался довольно громкий хлопок, соль разлетелась по всей сковороде, став совершенно черной.

В кухню вошел Маркус:

– Что тут у вас, мой друг?

Заметив перемены с солью, он тихо присвистнул, и сказал:

– Я сейчас возьму ковш воды, а вы берите сковороду и идите на улицу. Я – за вами.

Альфред кивнул, и, взявшись за ручку сковороды попавшейся под руку тряпкой, и прихватив другой рукой фонарь, стал продвигаться к черному ходу.

Подойдя к двери, он остановился – руки были заняты, и открыть ее он не мог.

– Я здесь, я здесь, – казал Маркус откуда-то сзади, – я открою, не беспокойтесь.

Он открыл, и Альфред ступил на улицу. Дойдя до перекрестка улиц Медников и Угольщиков, он высыпал соль на мостовую, а Маркус залил ее сверху водой, тихо сказав при этом: «Анаэль, Самаэль, Фарам!»

На третий раз, соль уже перестала менять цвет, и вообще более ничего подозрительного не наблюдалось.

– Что ж... – констатировал Маркус, похоже, мы отбились, – и, кстати, маловероятно, что они за нами следили и сейчас тоже, поскольку соль взорвалась не очень сильно.

– Согласен, – ответил Альфред, – но завтра, я настоятельно рекомендую поручить Иосифу большую уборку. Пусть наймет человек пять, поскольку нужно будет справиться от рассвета до заката и при этом заглянуть во все щели, отодвинуть все шкафы... Но, вы и сами, верно, знаете, что к чему! Так что, не буду вас утомлять.

– Да, знаю. Конечно! – улыбнулся Маркус.

– Что ж, тогда давайте вернемся к тому, как нам быть с системой идентификации друг друга. Я думаю, нужен какой-то парный предмет, который можно было бы, скажем, положить

на стол, и при этом не вызывать подозрений, что это пароль.

– Верно... – ответил Маркус. – Многие прежде пользовались парными перстнями, но у меня таких нет. Впрочем, у меня есть одна идея! Вы слышали прежде о кельтском огаме?

– Нет... не приходилось, – ответил Альфред прямо. – А что это?

– Ну, в сущности, это один из довольно примитивных методов шифрования, одной букве или цифре ставится в соответствие один символ. Так вот в качестве символа кельты использовали деревья, цветы... да что угодно. Среди прочего, можно использовать цвета, например. Допустим, мы ставим в соответствие каждому цвету одну цифру: Красный – один, оранжевый – два и так далее, плюс еще черный и белый. Получается ряд от одного до девяти. Желательно располагать цифры по отношению к цветам случайным образом. Затем вы и я задумываем трехзначное число – каждый свое. И тогда мы можем составить задуманное число из цветных шнуров, какие используют для рукоделия. Например, ваше число, предположим – 586. Тогда комбинация цветов будет – голубой, черный и синий. Голубой – в упомянутом мной ключе – это 5. Но лучше, как я уже сказал, чтобы цифры не шли подряд. В дальнейшем, задуманные числа можно менять нечасто, а вот систему число-цвет, то есть ключ – надо менять при каждой новой встрече. Скажем, на четных встречах, я передаю новый ключ вам, а на нечетных – вы мне. Поэтому не сложно. Таким образом, при встрече, вы кладете

на стол кiset или кошелек, к которому приделана кисть из цветных шнуров – ничего подозрительного, верно? Я кладу свой предмет в ответ – вы считываете мое число, вы его должны помнить, и на этом идентификация оканчивается.

– Да, неплохо... И выглядит довольно надежно. Что ж, мое число будет – 496.

– А, понятно! – Маркус улыбнулся. – Единственное трехзначное совершенное число¹²

– Верно! – ухмыльнувшись, ответил Альфред. – Вас ни с чем нельзя застать врасплох!

– Ну, знаете ли, пифагорейство не менее изящно, чем хорошая музыка. И меня эта наука очень вдохновляет.

– Это верно. Меня магия чисел тоже чем-то завораживает.

– Понимаю, – задумчиво сказал Маркус, – что ж... в таком случае, мое число будет... Ну, вот хотя бы – 325.

– Почему 325? – удивился Альфред.

– Да ничего особенного! Конечно же, это число не настолько ярко и значимо, как, выбранное вами. Но, в магии чисел, а конкретно – в халдейской традиции, оно трактовалось как $32+5$, где 32 – это максимальное проявление силы духа и мысли, а 5 – это божественная помощь. В общем, помощь свыше, нам, думаю, совсем не помешает, ибо загадок у нас впереди еще очень много. Вы согласны?

¹² **Совершенное число** – целое положительное число, равное сумме всех своих собственных делителей. 496 имеет следующие собственные делители: 1, 2, 4, 8, 16, 31, 62, 124, 248; их сумма равна 496

– Ну что же, вы правы, что тут возразишь... – Альфред пожал плечами.

– Тогда я запишу первый цветовой ряд, а на следующей встрече вы мне передадите свой вариант.

– Согласен. – Ответил Альфред.

Маркус присел к бюро, стоящему у окна, вынул лист бумаги и стал писать. Через пару минут он вручил Альфреду лист, на котором было написано:

«Красный – 2, Оранжевый – 9, Желтый – 1, Зеленый – 3, Голубой – 8, Синий – 7, Фиолетовый – 4, Белый – 5, Черный – 6»

– Итак, мой друг, на следующей встрече, к вашему кошельку должна быть приделана кисточка из трех шнуров: фиолетового, оранжевого и черного. У меня же будет – зеленый, красный и белый. Теперь об оповещении... Предлагаю пройти в мой кабинет и там все обсудить.

Маркус, спустя час или чуть больше, вышел из кабинета, и стал спускаться по лестнице, ведя Альфреда под локоть и освещая тройным подсвечником дорогу. При этом они продолжали что-то обсуждать. Присев у камина с бокалами, они продолжили беседу.

– Ну, а теперь, думаю, следует обсудить то, что вам удалось выяснить в полиции? – спросил Маркус

– Знаете, я немного устал. Ничего особенного я там пока не открыл, хотя поговорить все-таки нужно непременно. Вы завтра на службе?

– Вообще-то нет. Думаю, мне пока еще рано «возвращаться» из своего «вояжа».

– Пожалуй, вы правы. Тогда поговорим за завтраком в восемь в «Луне и яичнице»? Как вам такая идея?

– Превосходно. Буду ждать вас к восьми, – ответил Маркус.

С этими словами Альфред встал, кивком головы изобразил поклон, и направился к двери.

Глава 6

Наутро, Альфред появился в «Луне и яичнице» уже без четверти восемь. Хоть Маркуса все еще и не было, он, тем не менее, заказал завтрак на двоих. Большой Карлос понимающе кивнул и мигом удалился на кухню.

Вскоре в дверях появился Маркус. На нем был темный деловой сюртук, темные панталоны, белые чулки и темные башмаки с блестящими пряжками. Он чинно подошел к столу, и медленно отодвинув стул, стал усаживаться. Усевшись, он еще поерзал немного, усаживаясь поудобнее, а затем закинул ногу на ногу, и сложил руки на животе. Все это означало, что он явно предвкушал: новости будут интересными.

– Доброе утро, дорогой Маркус! Хорошо ли вы спали?

– Я всегда сплю хорошо, – ответил Маркус, с улыбкой и положив на стол кисет с зеленым, красным и белым шнурами. Альфред выложил свой кошелек с кисточкой, состоящей из нитей фиолетового, оранжевого и черного цветов, и, затем кивнув, передал Маркусу бумажку с новым цветовым ключом.

– Итак, примерно за месяц до убийства бургомистра, – начал Альфред, – произошло следующее. Да, к слову, вы знали о существовании в этом городе некоего специального отдела библиотеки, с крайне ограниченным доступом?

– Не скажу, что знаю много, – ответил Маркус. – В свое

время я хотел получить туда пропуск, но мне было отказано.

– Интересно. И на каком основании? – удивился Альфред.

– Да, в общем-то, без особых разъяснений. – Маркус пожал плечами, – Главный упор был сделан на то, что книги в этом хранилище чрезвычайно ценные и при этом находятся в плачевном состоянии. А потому, доступ мне будет разрешен сразу же по окончании реставрации фонда.

– И такая реставрация действительно велась?

– Не знаю. Я не встречал никого, кто имел бы к этому отношение, кроме самого бургомистра, конечно. Собственно, именно он почему-то и выдавал пропуска в этот отдел.

– Вот как? А вы знаете людей, у кого был бы такой допуск?

– Никого, кроме самого бургомистра, его секретаря и архивариуса. Как же его звали-то, ну, этого смотрителя хранилища... Золтан... Золтан... – Маркус стал щелкать пальцами, пытаясь припомнить фамилию хранителя. – Ковач, кажется...

– Понятно. Так вот, за месяц до смерти бургомистра, в хранилище был обнаружен труп неизвестного, убитого ножом в сердце. Опознать его так и не удалось. Были допрошены все, кто мог иметь касательство к хранилищу, но это ничего не дало.

– А что говорит сам этот архивариус? – спросил Маркус с некоторым удивлением.

– Да ничего. Он показал под присягой, что никогда прежде не видел убитого. Собственно, он его и обнаружил

во время утреннего обхода.

– Что-нибудь пропало?

– Достоверно сказать сложно, – ответил Альфред, – нужна основательная инвентаризация, поскольку секция эта довольно обширная: пять залов, да еще и запасник. Сами понимаете... Кроме того, там ведь не только книги. Это вообще-то, скорее даже небольшой музей, имеющий отношение к довольно экзотическим разделам магии и алхимии, в основном. Да, так вот, этот самый Ковач – так, кажется, вы его назвали? – провел по требованию следствия поверхностную ревизию и доложил о пропаже некоего малоценного экспоната. Это была бутылка с запечатанным в ней фантомом какого-то растения. Кто и когда сделал этот экспонат, в деле никаких упоминаний нет. Однако, Ковач отметил, что извлечение подобного фантома – процесс довольно тривиальный¹³, а потому данный экспонат не считался очень ценным.

– Понятно. – Маркус задумался. – Продолжайте, мой друг, прошу вас.

– Ну, собственно, это пока что все. – Альфред откинулся на спинку стула и глотнул принесенный кофе.

– Может быть, стоит поговорить с этим Ковачем? – спросил Маркус немного озадаченно.

– Не думаю. Во всяком случае, не сейчас. Если он тогда ничего не сказал, то вряд ли и теперь скажет. Если мы решим

¹³ См. Приложение 1. «Способ получения растительного фантома по Парациельсу и Э.Келли»

его допрашивать, то нужен какой-то серьезный «козырь». Иначе – вряд ли это что-нибудь даст.

– Пожалуй... – Маркус снова задумался. – Скажите, барон, вы случайно не делали заметки относительно украденного экспоната? Мне любопытно, фантом, какого именно растения там был запечатан, ну и вообще... Я бы покопался в архивах, вдруг что-то интересное.

– Да, разумеется. – Альфред достал блокнот и, полистав, сказал, – Это был фантом *Platanthera bifolia*, предположительно полученный одним из учеников самого Василия Валентина. Это некое цветковое растение вроде бы... Я о нем ничего прежде не слышал.

– Хм, *Platanthera bifolia* ... Она же – ночная фиалка... Что ж... Тогда действительно... – сказал Маркус задумчиво.

– Что действительно? – удивился Альфред.

– Видите ли... Это довольно редкое растение и является магическим растением Луны.

– Ну и что? Мало ли магических растений Луны? – возразил Альфред.

– Это верно. Но, по большей части растения Луны способствуют удачному разрешению от бремени, хорошим свидениям и даже помогают при несварениях желудка. Но далеко не все при вдыхании соответствующих паров вызывают сомнамбулизм.

– То есть? – переспросил Альфред.

– Дело в том, что правильно собранное растение, а затем

правильно приготовленный из него декокт, а того пуше – спиртовой настой – способен склонять любого, вдохнувшего его пары, отвечать на все вопросы правдиво. И уж поверьте мне, даже на самые щекотливые вопросы. И при этом эффект может длиться в течение достаточно долгого времени, все зависит от умения и способностей мага. Фантом же и во все обладает огромной силой. И при этом даже вдыхать ничего не нужно. Тому, кто желает знать ответы, достаточно просто держать эту бутылку при себе. Понимаете?

– Что ж, возможно, это все меняет. И теперь вполне можно предположить, что приходили именно за этим экспонатом. – Альфред почесал подбородок.

– Не торопитесь, мой друг. Во-первых, мы пока еще не доказали, что приходили именно за ним. Могла пропасть, например, небольших размеров тетрадь с письменами, на никому неизвестном языке, и что там было – бог весть... Понимаете? А бутылка – это так сказать... попутный продукт – первое, что попало под руку, если вообще эта кража – не является способом отвлечь внимание от чего-то более существенного. А, кроме того, я не знаю доподлинно, как ведет себя фантом с тем, кто его украл, а не приготовил. Тут возможны сюрпризы. Мне нужно порыться в своих книгах. Ясно одно – я бы не торопился с выводами.

– Хорошо. Тогда – ваши соображения.

– Я же сказал – я не знаю пока. Но история с ночной фиалкой навела меня на определенные мысли. А не изготовить

ли и нам такой фантом? На будущее?

– Ну, во-первых, придется ждать весны или лета, как я понимаю. То есть, пока это растение взойдет и зацветет. А во-вторых... – Альфред пожал плечами.

– Что?

– Да ничего... Но, насколько я понимаю, мне Министерство не даст тут сидеть до лета. Тут и говорить нечего!

– Это – верно... – ответил Маркус смущенно. – Но я не это имел в виду. Главное – кое-что проясняется. Кто-то ищет сведения. И человек, видимо, серьезный. Фантом фиалки... Это вам не экстракт из корня одуванчика, скажу по чести... Но! У меня есть один рецепт. Я его никогда еще не опробовал, но... может быть, настало время?

– Что за рецепт?

– Вы знакомы с работами Бернардо де Тревизо¹⁴

– Ну, Добряк из Тревизо... Любой студент знает это имя.

– Держу пари, что вы о философском камне, который он точно открыл в восемьдесят два года?

– Ну, не только... – ответил Альфред смущенно.

– О, нет, мой друг. Философский камень был найден десятками алхимиков. Мэтр де Трэвизо обнаружил также и множество других вещей, куда более интересных. В том числе и, так называемый эликсир искренности.

¹⁴ **Бернардо, Добряк из Тревизо** (1406-1490). Видный алхимик своего времени. Граф небольшого итальянского пограничного государства, подчинявшегося Венеции. Начал свои труды в 14 лет. А философский камень был им найден только в 82 года. Написал множество трактатов по алхимии и магии.

– Искренности? – удивился Альфред.

– Именно! – подтвердил Маркус. – Это, конечно, не фантазм... Но вам достаточно смазать свои руки этим эликсиром и держать их перед собой, чтобы собеседник был предельно откровенен! Так утверждает трактат. И чтобы сделать этот эликсир потребуется не так много: полфунта серебра, немного ртути..., а остальное у меня есть. Так что? Хотите? Думаю, нам это пригодится.

– Что ж... давайте попробуем. – Альфред полез в карман и извлек оттуда небольшой мешочек. Думаю, здесь хватит на все. Включая и полфунта серебра. Кстати, я должен откланяться. Мне нужно еще поработать с полицейскими протоколами. Да, вот еще... Дело в том, что хозяин трактира «Змея и лев» – мой осведомитель. Он прислал сообщение о том, что ждет встречи. Сегодня.

– Вы уверены, что хотите пойти туда один?

– Не уверен. Но если вы приклеите бороду, и сумеете смешаться с тамошним сбродом, думаю, мне бы это не повредило.

– Само собой! – Маркус заулыбался. – Иосиф отлично умеет клеить все эти театральные аксессуары.

– Что ж... встреча в четыре. Если в четыре-пятнадцать, меня в зале не окажется. Значит – что-то случилось.

– Понимаю. При вас будет оружие? – спросил Маркус.

– Только стилет, я думаю. Все прочее слишком громоздко, а наш информатор пока что себя ничем не скомпромети-

ровал.

– Будьте осторожны, мой друг. Я постараюсь в случае чего быть полезен. – Маркус лукаво подмигнул.

Ступив на порог грязного кабака «Змея и лев», Альфред обвел глазами стойки в поисках хозяина. Обычно тот стоял и протирал кружки, одним глазом поглядывая на происходящее в залах. В драки он вмешивался редко, и только в тех случаях, когда начинали ломать мебель. Впрочем, все становилось в высшей степени благопристойно уже в тот момент, когда он, подбоченившись, выходил из-за своей стойки и, ступив в зал, закатывал правый рукав.

– Вот то-то! – обычно говаривал он, в тот момент, когда в зале, словно по мановению волшебной палочки, все стихало, и все смутьяны чинно рассаживались за свои столы.

Изрыгая страшные ругательства в адрес мерзавцев, затевавших очередную потасовку, хозяин снова возвращался к своим кружкам.

Это был никто иной, как сам одноглазый Милашка Гарри. Поговаривали, что он родился под лавкой в одном из притонов, и выжил только потому, что мамаша его была вдрызг пьяна, а то бы непременно придушила, еще до первого вопля. Кто-то из шлюх, говорят, его тогда пожалел и не дал сдохнуть в первые же, самые важные месяцы жизни. После, когда Гарри подрос и окреп, он стал бродяжничать и попрошайничать, научился ремеслу карманника и форточника, и после

уже прибивался то к одной банде, то – к другой. Спустя годы, став мужчиной, он прошел две или три войны, где как говорят злые языки, мародерствовал люто, что, видимо, и стало основой его небольшого капитала, который он и пустил на покупку весьма задрипанного кабака, который после почему-то назвал «Змея и лев». В общем, в тонкостях, касающихся вопросов чести, Милашка Гарри был несилён, а уж по части доктрины о бесценности человеческой жизни и вовсе имел самое поверхностное представление. По этому поводу он высказывался лишь в том смысле, что ежели надо кого-то пришить, то делать это стоит по-тихому, и без лишних угроз, а то ведь могут ненароком и «шейный платочек намылить».

Однажды, Милашка посмел налить Альфреду прокисшего пива. Альфред решил этим воспользоваться. Он выволок его в подвал и затем долго объяснял, в чем именно он – Милашка Гарри – был неправ. Нет, не подумайте, это было совсем непросто. Милашка весил килограммов на тридцать больше Альфреда. Однако, Министерство обучало своих следователей и дознавателей технике допроса в подобных случаях довольно тщательно, и, судя по всему, обучало довольно неплохо. Через час Милашка сознался в сутенерстве, а еще через час согласился сообщать Альфреду обо всем подозрительном.

Здесь Альфред проделал эффектный фокус, которому его также обучили в Министерстве. Он сделал надрез на пальце Милашки, а после тотчас его заживил. Затем велел со-

лгать в ответ на какой-то вопрос, и рубец тотчас вновь начал кровоточить. Этот простенький фокус, на удивление, произвел на Гарри огромное впечатление, и далее он уже работал на совесть, хотя и постоянно канючил о надбавке к своим скромным «гонорарам». Впрочем, в его заведении происходило мало такого, что могло заинтересовать Министерство. Например, на прошлой неделе некий Жульен, по прозвищу Рыбий Глаз зарезал проститутку. Или чуть раньше, небезызвестный в округе Себастьян-кастрат где-то подломил кассу и уже неделю прогуливал украденные деньги... В общем – ничего особенного. Альфред и в этот раз шел без особого интереса, но идти было нужно. Этот люд мог простить даже сломанный во время светской беседы нос, но игнорирование их драгоценной особы – никогда.

– Наверное опять какой-то матрос устроил поножовщину... Или что-то в том же роде, – размышлял Альфред, поскальзываясь время от времени на обедках, выброшенных на мостовую.

Чуть раньше назначенного времени, он оказался на пороге заведения «Змея и лев» и тотчас увидел у стойки озабоченного Милашку Гарри. Тот, увидев Альфреда засуетился, и со значительным видом направился в подвал. Альфред, стараясь не привлекать внимание, прошел к столику у подвальной лестницы. Он сел и, заказав пива, через пару минут тоже нырнул под лестницу. Гарри сидел на мешках недовольный и даже злой.

– Гарри? – Альфред поднял бровь.

– Садитесь, чего уж... – буркнул он. – Пива хотите? Или чего покрепче?

– Потом. Не тяни. Сначала о деле.

– Ладно. – Гарри стал еще мрачнее. – Я вам тогда не ска- зал... Ну, в общем... у меня тут играют по маленькой...

– Ну, я догадывался. И что?

– А то! Приходил тут ко мне один тип. Ну, не из наших, короче. Играл уже не один год. Когда проигрывал, когда вы- игрывал – как все, в общем. А тут... Я думаю, что уже месяц тому... является в новом костюме и делает большую ставку, и представьте, золотыми монетами! Старинными. И что за монеты – никто не знает. Но золото отменное. Тут все чин чином.

– Так, и что? – не удержался Альфред.

– А то, что прежде, он приносил те же самые монеты, но были они серебряные, а то и вовсе медные! Серебряные мы еще брали, а вот медь я лишь раз взял как диковину.

– Вот эти! – Гарри полез в карман и достал пригоршню монет.

Альфред достал лупу и стал их разглядывать. Монеты бы- ли явно греческие и довольно древние. Но самое поразитель- ное было то, что совершенно одинаковые монеты были и зо- лотые и серебряные.

– Ясно. Вот тебе возмещение, – Альфред протянул Гарри мешочек. – А это я должен забрать. Сам понимаешь: госу-

дарственное преступление.

– А как же я? – возмутился Гарри.

– Спокойно, Милашка! Для прокола я напишу, что эти деньги были изъяты у Селестины. Ну, у той проститутки, которую пришили недавно, помнишь? Так пойдет?

– Пойдет, не очень уверенно ответил Гарри, пересчитывая монеты, которые ему Альфред дал на откуп.

– Все в порядке, Милашка? Или чего-то не хватает?

– Все в порядке, милорд, – ответил Гарри, суя кошелек за пазуху.

– А кто был тот человек? Ты его запомнил? – спросил Альфред.

– Запомнить–то запомнил, но не знаю кто он. Худой, высокий. Бородка эспаньолкой. Неплохой боец, к слову. Одному тут рыло начистил, даже я был в восхищении!

– Вот как?

– Да, ходит, кстати, с тростью, как и вы.– Заметил Гарри.

– А во что играет? – осведомился Альфред.

– Не поверите! В маджонг с китайцами!

– Это еще что? – удивился Альфред.

– Ну, что-то вроде нашего домино, но сложнее. Картинки там всякие китайские.

– И что же наш иногда и выигрывал?

– То-то и оно! Еще месяц назад – как все. А уже с месяц – только выигрывает. Глядишь – меня по миру пустит!

– Вот как? Значит так Гарри. Теперь дело нам обоюд-

но выгодное. Как только появится этот игрок, пришли мне мальчишку посыльного, вот с этим предметом. Ты знаешь, где меня найти. – Альфред порылся в карманах и достал оттуда чистый носовой платок со своим вензелем.

– Будет сделано, милорд.– Гарри даже изобразил подобие поклона.

– Ну, вот и хорошо. Ступай к своим смутьянам, – сказал Альфред почти ласково.

Гарри кивнул и стал подниматься вверх по лестнице. Спустя несколько минут поднялся и Альфред. Он бросил взгляд на пьяного купца, очевидно – итальянца, развалившегося за столом у самой двери в подвал. Тот, видимо, уже был изрядно пьян, и клевал носом над своей кружкой, и лишь при появлении Альфреда, бросил довольно негодующий взгляд, хотя, впрочем, уже в следующее мгновение, он снова склонился над своей кружкой, кляя носом, в знак презрения ко всему трезвому миру.

Глава 7

Альфред вышел из таверны «Змея и лев» примерно в половине пятого, и тотчас вскочив в проезжавший мимо экипаж, велел вознице ехать на улицу Медников.

– С вас три сантима придется! – проворчал возница.

– Езжай, езжай! Дам и пять, если не будешь тащиться, словно неживой, – буркнул в ответ Альфред.

– Да, уж! Все так говорят... – снова проворчал возница уже в полголоса, но все-таки стегнул лошадь, и та побежала живее.

Добрались довольно быстро и, Альфред сдержав слово, выдал вознице обещанные пять сантимов. Тот, явно не ожидая такой удачи, благодарно закивал. Альфред, как прежде, решил зайти в дом Маркуса с черного хода, и потому двинулся вверх по улице. Он свернул в кривоватый переулок и вскоре подошел к двери с обратной стороны дома, что выходила на улицу Угольщиков. Он еще раз огляделся, и, убедившись, что слежки нет, постучал условным стуком. За дверью не было слышно никакого движения, и потому он стал ждать. Вскоре дверь отворилась, но на пороге – Альфред даже отшатнулся – стоял не Иосиф, как это обычно бывало прежде, а, кажется, тот самый купец-итальянец, что сидел подле входа в подвал. Только теперь итальянец был вполне трезв, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

– Что, не узнали!? – Засмеялся он громко, во всю глотку. – Я же говорил, что Иосиф мастер по части театрального грима!

Альфред очень смутился, ибо только теперь узнал в итальянце Маркуса.

– Черт меня побери! Но до чего же искусен ваш Иосиф! – воскликнул Альфред.

– Это верно! – согласился Маркус. – Но вы входите, зачем торчать на улице у всех на виду.

– Да, конечно, – ответил Альфред, ступая на порог.

Они прошли в гостиную.

– Друг мой, – сказал Альфред, – я бы с удовольствием обождал вас, пока вы примете свой обычный облик. Думаю, торопиться нам пока что некуда.

– Ну что ж... Иосиф! – крикнул Маркус слуге.

Через минуту на пороге появился Иосиф и слегка поклонился.

– Иосиф, будь добр принеси господину Ланге чаю, а после пойдем, поможешь мне снять грим.

– Слушаюсь, – ответил слуга, снова поклонился и удалился из комнаты.

– Ну что ж, я пойду, начну пока что, – сказал Маркус Альфреду.

– Конечно, – ответил тот, усаживаясь в кресло, и беря со стола вчерашнюю газету.

Через полчаса Маркус снова появился в гостиной, идя

вслед за Иосифом, который освещал путь, поднимая над головой подсвечник. За окном уже почти стемнело. Маркус был бодр и явно доволен жизнью, он улыбался и потирал руки, словно предвкушая нечто захватывающее.

– Итак, мой друг, я вас внимательно слушаю, – он уселся в кресло напротив.

– Видите ли... – Альфред был явно чем-то смущен. – Я тут пришел, чтобы разработать план допроса этого Золтана Ковача... Но...

– Что такое? Ваши планы изменились? – Маркус налил в бокалы шерри.

– Изменились. Посмотрите сами, – Альфред протянул газету.

Маркус надел очки, поднес газету поближе к свету от канделябра. Он стал пробегать глазами страницу объявлений. Справа вверху, как всегда внутри витиеватой рамки, было написано:

«Оказываю мелкие услуги по дому или же в конторе. Большой опыт работы секретарем и переводчиком. Читаю и пишу на пяти языках. При необходимости могу также быть и телохранителем. С предложениями о работе обращаться к Ноаху Бакстеру, трактир «Золотое колесо»

– Значит, сегодня в восемь... Проговорил Маркус, немного изменившись в лице, а после, словно спохватившись, достал из кармана кисет, к которому были прикреплены три шнура: синий, зеленый и желтый.

Альфред в свою очередь тоже достал кошелек, с трехцветной кисточкой, в которой были красные, голубые и оранжевые нити. Маркус кивнул, и спросил:

– Вы ничего не хотите мне передать?

– Ах, да, простите – Альфред выхватил из кармана блокнот и быстро написал список цветов и соответствующих цифр. Передавая листок Маркусу, он отметил:

– Ваши цвета в следующий раз – желтый, зеленый и синий.

– Да... А ваши – белый, красный и голубой, – констатировал, в свою очередь, Маркус.

– Верно. Итак... Что будем делать?

– Как что? – удивился Маркус.

– Нет, встреча состоится. Это не обсуждается. Быть может, попробовать задержать самозванца?

– И тогда, скорее всего, оборвете нить, связующую его с кем-то еще. – задумчиво ответил Маркус.

– А если он действует в одиночку? – спросил Альфред.

– Возможно, конечно... Но, что-то мне подсказывает, что это не так.

– Хорошо. Ваши предложения, – Альфред сделал глоток из бокала и откинулся на спинку кресла.

– Надо подумать... Понимаете, я много размышлял после той вашей первой встречи. Если ему удалось добиться такого портретного сходства со мной, то тут, скорее всего эксперименты де Вилланова ни при чем.

– Вот как? Почему же?

– Дело в том, мой дорогой барон, что алхимическое делание, хоть и приводит к предсказуемым результатам, но эти результаты всегда немного разные. Вот, скажем – философский камень. Штука сложная, что и говорить, но отыскивали его не менее двух десятков алхимиков. И при этом все – разными путями. Интересно и то, что лишь пятеро из них сумели повторить прежний результат. Среди таковых был некий Александр Сетон, который утверждал, что трижды повторил один и тот же опыт с получением философского камня. И притом, что он скрупулезнейшим образом делал все взвешивания и замеры, в первый раз полученный камень весил сто три грана, второй – пятьдесят девять, а в третий – сто тридцать семь. Понимаете о чем я?

– Интересно, почему все три раза вес камня представлялся простыми числами?

– Да... – немного ошарашено ответил Маркус. – Я как-то прошел мимо этого факта. Надо подумать... Но все равно, я хочу сказать, что в деталях результат алхимического опыта, видимо, всегда непредсказуем. А что говорить об изменении внешности! Здесь столько вариаций...

– Хорошо, тогда что же это было, по-вашему? – спросил Альфред.

– Я не знаю точно. Но я читал в трактате довольно известной, в свое время, женщины мага Клер Уотерхауз нечто, что натолкнуло меня на мысли, которые могут оказаться полез-

ными. Дело в том, что мадам Уотерхауз была казнена за то, что убивала своих врагов при помощи неприкаянных духов, которых, якобы, добывала из самой преисподней!

– Интересно! – воскликнул Альфред.

– О, да – безусловно, она была бы подопечной вашего Министерства, если бы не оказалась на костре около ста лет назад. Да, так вот, ее трактат, чудом сохранившийся благодаря ее тайным последователям, утверждает, что дибук¹⁵ – это вовсе не «змееподобная пиявка», как его представляют в современных книгах. Впрочем, это лишь сама мадам Уотерхауз почему-то считала, что имела дело именно с дибуками. Среди прочего, Клер утверждала, что при помощи особых трав и грибов, можно перемещаться в миры, весьма отличные от наших, но при этом такие же реальные. В некоторых из них обитают, как она пишет – неприкаянные духи, они же – дибуки. Согласно ее представлениям, это существо-дух можно перетащить в наш мир. Клер умудрялась их запечатывать в бутылки и хранить особым образом, с тем, чтобы те не погибли. А затем, откупоривая бутылку в нужном месте и в нужное время, и проводя при этом необходимые магические действия, она заставляла дибука вселиться в жертву, которую она наметила. Некоторые из жертв, и, к слову – довольно многие, судя по материалам следствия, этой атаке не выдерживали и довольно скоро умирали. При этом их тело оказы-

¹⁵ **Дибук** (ивр.) – злой дух, одержатель, упоминаемый в кабалистической литературе в XVII века.

валось твердым, словно камень! Отсюда, видимо, и родилась уверенность Клер, что она имела дело именно с дибуками¹⁶. Кстати, те, кто выживал, не могли смотреться в зеркало, это их убивало! Да, надо отметить также, что выжившие очень напоминали лунатиков, а некоторые постоянно находились в некоем подобии ступора. При этом человек тем больше проводит времени в подобном состоянии летаргии, чем дольше он был поражен дибуком. И еще одно. Было отмечено, что у некоторых из пораженных, иногда изменялась внешность. Не сразу, но постепенно.

– Интересно. Но вряд ли это наш случай.

– Да, я понимаю, – ответил Маркус. – Но, я думаю, что ответ следует искать где-то в этом направлении. Дело в том, что в трактате «О духах» Авраама ибн Эзра, я встречал одно любопытное упоминание. Собственно, только у него, но в данном случае это не имеет значения, ибо мы как раз и имеем дело с чем-то неизвестным широкому кругу. Дело в том, что когда он путешествовал по Магрибу, он встретил арабского мага и астролога по имени Али Акбар-Саид ибн Ишхад аль-Иблис. Вероятно, этот Али Акбар-Саид считал себя потомком самого Ишхад аль-Иблиса. Последний – уж точно был бы главным подопечным вашего министерства, но он тоже жил, увы, слишком давно – в первом веке нашей

¹⁶ Согласно поверьям, дибук часто убивает человека, превращая его в камень. Если дибук встретит на своем пути зеркало, то, подобно василиску, превратится в камень он сам.

эры. Судя по некоторым рукописям, дошедшим до нас, он был инферналистом невероятной силы. Одним из немногих, кто якобы сумел заключить союз джинов и магов и провозгласил себя Королем-Демоном. Опираясь на этот союз, он захватил власть в одном из древних городов и затем начал править, словно великий Эмир. Его ученики и сторонники, известные как Иблисиды, захватили еще три города. Но я о другом, собственно... В трактатах его учеников, один из которых попался на глаза ибн Эзре, говорилось о том, что существуют так называемые джины-мамлюки, то есть духи, заключенные магами в предметы, или тела других людей. По желанию мага, этот дух может управлять человеком и даже изменять его внешность. Как и в случае с опытами Клер Уотерхауз, подобное «соседство» в собственном теле выдерживали не все, но целью мамлюка было не мучение своей жертвы, как бы это обстояло, например, с подселением ифрита¹⁷ или рахима¹⁸, а выполнение воли мага-хозяина. В общем, если целью мага не являлось убийство, то человек, с подсаженным духом-мамлюком был уже практически его верным слугой. Но, и мамлюки и прочие джины, также не переносят своего отражения в зеркале. Правда, тут есть одно «но». Ибн Эзра также пишет, хотя, я этот момент не совсем понял, что

¹⁷ Ифриты – джины, ненавидящие людей и сознательно уничтожающие их. Их чары обычно связаны с огнем, который, видимо, являлся воплощением ярости, направленной на людей. И огонь этот всегда зеленого цвета.

¹⁸ Рахимы – бывшие преступники, изгнанные в земли людей за свои преступления. Очень злобные демоны.

обычно человеком, с подсаженным духом-мамлюком, владеет двое магов. Почему – не могу сказать.

Я понимаю, что мои рассуждения больше похожи на фантазии, но магическая реальность вообще такова, вы не находите? И вот я и подумал... Если пораженный дибуком или мамлюком погибает от собственного отражения, назовем это так пока что, то что будет с тем, кто изменил свою внешность, и при этом встретился в оригиналом, так сказать? Вы понимаете меня? Но повторюсь, я отдаю себе отчет в том, что логика тут, мягко говоря, слабовата.

– Вы хотите пойти со мной на встречу?– спросил Альфред напрямик, и, немного насупившись.

– Я...

– А что... Это, может быть мысль! Вы, мой друг – отважный человек... Хотя...

– Нет, я думаю...– попытался возразить Маркус

Но Альфред ничего не слышал, и лишь бормотал что-то:

– Нет, это может привести к прорыву... Определенно...

Но опасно... Очень опасно...

После он как бы очнулся и сказал Маркусу:

– Понимаете, мой дорогой друг, – это действительно очень непростое дело, – и я объясню почему. История с Клер Уотерхауз мне знакома, хоть и не в таких подробностях, быть может. Но в этой связи, я бы также хотел привести другую историю. Вы знакомы с таким трактатом, как «Назидательные советы людям-вне-дома», написанный неким старцем

Никифором.

– Это греческий трактат? Никифор, имя вроде бы греческое?

– Нет. Считают, что он жил где-то в Черных Горах.

– Любопытно. Нет, я не читал, и что же он пишет? – заинтересовался Маркус.

– Там говорится об особой практике переходов магами в различные миры. При этом, как утверждает преподобный Никифор, если маг встречается в другом мире со своей, так сказать, копией, а это возможно, то возникает черный ветер и маг погибает. Он ничего не пишет о том, погибает ли копия, но, я надеюсь, вы понимаете, о чем я?

– Да, конечно... – ответил Маркус задумчиво. – Я понимаю... Но, может, все-таки рискнуть? Вдруг это что-то иное, не связанное с описанием этого Никифора?

– Вполне может так и оказаться. Но я не хочу рисковать, – отрезал Альфред.

– Хорошо, и что вы предлагаете? Насколько я понимаю, этого типа следовало бы задержать и допросить. Вы не находите?

– Нахожу. И как раз это я и хотел обсудить. Как быть? Взять несколько крепких ребят из полицейского управления? – с некоторым сомнением спросил Альфред.

– Не думаю. Если речь о магии такой силы, как вы толкуете, то здесь риск куда выше: могут погибнуть и пять и десять, да хоть бы и сто человек!

– Верно, именно поэтому я и в сомнениях, – Альфред нахмурился и почесал в затылке.

– Давайте все-таки рискнем, но сведем риск к минимуму, – предложил Маркус.

– Каким образом?– лицо Альфреда приняло несколько скептическое выражение.

– Ну, во-первых, я войду тогда, когда градус моего солнца войдет в двенадцатый дом¹⁹. То есть, его магия будет в разы ослаблена по отношению ко мне, и даже «черный ветер» меня вряд ли убьет.

– Насчет черного ветра – я не согласен,– возразил Альфред,– Я знаю случаи, когда он убивал и «из двенадцатого дома»!

– Верно, это бывает. Но, если вы вспомните, с каждой из тех жертв было связано нечто критическое. Например, у Анны Мэй, колдуньи из Сассекса, причиной поражения, слабым местом в ее защите, оказалась болезнь легких. У Франсуа Детеренье, если вы помните случай с аптекарем из Марселя? Там причиной гибели стал неправильно сделанный амулет и все в таком же духе. Я постараюсь учесть все прежние

¹⁹ Имеется в виду градус Зодиака, в котором находится солнце в гороскопе Маркуса. Гороскоп обычно разделяют на двенадцать домов – это просто некие секторы на Зодиакальном круге, которые постоянно изменяются в течение суток. Двенадцатый дом обычно считают «полем тайного», то есть, изучая этот сектор гороскопа иногда видно, что с человеком связана некая тайна. Например – тайна рождения. В магии двенадцатый дом рассчитывают с целью «оказаться невидимым» для случайных свидетелей и т.п.

ошибки.

– Хорошо, что еще вы намерены предпринять?

– У меня есть амулет с фиалкой Антония. Знаете такое растение?

– Разумеется, – Альфред даже как будто слегка обиделся.

– О, простите, мой друг! Я никак не ставил под сомнение ваши знания. Просто до знакомства с вами мне все больше доводилось общаться с людьми совсем иного склада ума.

– Да, я понимаю. Не обращайтесь внимание. Кстати, у вас фиалка Антония собрана в третью среду после летнего солнцестояния? Это важно.

– Отлично, барон, – Маркус улыбался во весь рот, – теперь мы квиты! Разумеется, мой дорогой друг, я собрал его в правильное время! Фиалка Антония, собранная в другую ночь также бесполезна для магии, как, скажем, лопата для собирания палой листвы.

– Что-нибудь еще? – спросил Альфред.

– Есть еще пара мелочей, но вы уж мне доверьтесь. Вам лучше сосредоточиться на своей миссии и позаботиться о собственной безопасности. В этом смысле, вам нужна какая-то помощь, или у вас все с собой?

– У меня на груди, под сорочкой будет серебряное зеркало, освященное в самой Святой Земле.

– Нет, это не годится. Такого рода силу он раскроет немедленно, и потому будет начеку. Вы не были бы против, если бы я составил ваш гороскоп?

– Пожалуйста, – Альфред кивнул.

– Тогда, за дело, а уж после решим, что для вас будет лучшей защитой.

С этими словами Маркус ушел в другой конец комнаты, где открыл бюро, достал чистый лист бумаги и, открыв какую-то книгу, стал искать нужную страницу.

– Так... – бубнил он себе под нос, – вашу дату рождения я знаю... Хорошо..., – а затем громко спросил, повернувшись на стуле к Альфреду:

– Знаете ли вы время вашего рождения?

– Да, матушка говорила, что родила меня в четверть шестого утра.

– Понятно, спасибо. А в каком городе вы родились?

– В Вене.

– Теперь дайте мне с полчаса, и мы после все обсудим. Посмотрите пока, быть может, вас что-то заинтересует в моей библиотеке?

– Благодарю вас.

Как и было сказано, примерно через полчаса Маркус закончил свои вычисления.

– Так... – сказал он и откинулся на спинку кресла. Затем он встал, и, прихватив листок с начертанным гороскопом, прошел к центру комнаты.

Альфред также отошел от книжного шкафа, и направился к столику.

– Первое, что следует отметить, как хорошую новость:

и ваш и мой градус солнца будут находиться к восьми часам вечера в двенадцатом доме, хоть вы и Рак, а я – Близнецы. На момент встречи, как видите, ваш градус солнца находится в середине двенадцатого дома, а мой только лишь в него заходит. Второе. Как видим, солнце в вашей карте поражено Сатурном, а это говорит о том, что если черный ветер поразит кого-то из нас двоих, то это, скорее всего, будете – именно вы. Но, выход есть. Вы все-таки возьмите свое серебряное зеркало, пусть уж лучше так... а я вам дам еще кое-что.

Маркус встал и ушел в другую комнату. Вскоре он появился снова, и, усевшись в свое кресло, положил на стол предмет, похожий на небольшую монету.

– Что это? – спросил Альфред

– Пентакль. Точнее – пентакль-противовес. Видите ли, Сатурн в вашей карте очень силен, он в Козероге, а потому нужно не только защитить и усилить ваше солнце, находящееся в Раке, но и поставить «противовес». Этот пентакль сделан из свинца, и взят в серебряную оправу. На пентакле вы видите выгравировано имя Габриель. Как вы наверняка знаете, этот ангел – покровитель Знака Рак.

– Знаю, конечно. – Ответил Альфред, – На моем зеркальце, с обратной стороны нанесено его имя.

– Очень хорошо. – Кивнул Маркус – А этот пентакль символизирует Сатурн, находящийся в Раке. И, таким образом, он примет на себя и ослабит часть энергии от Сатурна в вашей карте. Это как если разбавлять горячее холодным. Но

это только часть плана, связанная с, так сказать, коррекцией слабых мест вашей карты. Что касается активной защиты, то тут нужно понять, что происходит сейчас. Давайте вычислим, как нынче по отношению к вам расположены транзитные планеты²⁰

Маркус удалился к своему бюро, а затем вернулся, спустя минут двадцать немного озабоченный.

– Что не так? – осведомился Альфред?

– Да в общем, все не так плохо, но именно сегодня у вас повышенная опасность травм головы. Извольте видеть! – он положил листок с картой на стол. – Видите, эту квадратуру от Сатурна к Марсу? То есть, не исключено, что наш подопечный, кроме магии еще владеет кистенем или кастетом. Вы могли бы, предположим, не снимать весь вечер шляпу?

– Шляпу? – удивился Альфред.

– Да, шляпу. Я вам дам одну, она вполне элегантная, но изнутри у нее вшита железная каска. Здесь одно время промышлял один убийца, напал сзади, нанося удар по голове не то молотком, не то чем-то еще. Вот я и придумал такой фокус.

²⁰ Одной из основных прогностических методик в астрологии является оценка транзитов, то есть рассчитывается карта расположения планет и светил в Зодиаке на текущий или любой интересующий момент. Затем эта карта накладывается на карту рождения – натальную карту человека. Исследование расположения планет на какой-либо момент времени, относительно положений планет рождения иногда дает подсказки о характере периода в отношении человека. Причем подобное исследование может быть направлено как в будущее, так, разумеется, и в прошлое.

– Ну что ж... Она не очень тяжелая?

– Ну, придется немного потерпеть, дорогой барон. Что тут поделывать?– Маркус развел руками. – В общем, с этим все, я думаю. Теперь относительно самого плана. Вы придете как обычно, но на всякий случай три-четыре человека должны будут все же скрытно дежурить у гостиницы. Вряд ли он изменит место встречи, которое он проверял и перепроверял, не так ли?

– Не знаю, но думаю, вы правы.

– Далее. Я гримируюсь лишь слегка: борода, шляпа, ну и все такое, и прихожу за полчаса до вас. Ну, а далее – по обстоятельствам. Общая идея такая. Надо дать вам встретиться, а после, минут через пятнадцать, я вхожу в номер, ну а там посмотрим, как он себя поведет и как будет действовать. Всего мы предугадать, конечно, не можем, но в общих чертах, наша позиция выглядит, как мне кажется, довольно надежно. А теперь, я думаю, стоит разойтись и встретиться уже в «Змее и льве». Вернее, встретимся мы уже в гостинице, ну, вы меня поняли, дорогой друг, не так ли?

Альфред кивнул

– Да, не забудьте шляпу! Иосиф вам ее передаст на выходе. – Маркус позвонил в колокольчик.

Почти тотчас появился невозмутимый Иосиф, и Маркус отдал ему распоряжение относительно шляпы. Иосиф, как всегда молча, кивнул и удалился.

Альфред посидел еще пару минут, собираясь с мыслями, затем встал и, надев принесенную Иосифом шляпу, направился к двери черного хода, что выходила на улицу Угольщиков.

Глава 8

Альфред зашел к себе на квартиру и тотчас отправил мальчишку-посыльного в агентство «Гончие псы», с которым работал, после знакомства с Маркусом довольно активно в тех случаях, когда полномочия полиции не требовались. Согласно контракту, агентство круглосуточно держало у его дома посыльного, который в случае необходимости приносил зашифрованную депешу дежурному, а тот уже предпринимал необходимые меры. Альфред зашифровал и отправил приказ поставить до пяти филеров с неприметной внешностью у гостиницы «Корона». Трое должны были следить за всеми входными дверями, один должен был засесть на крыше, и еще один должен был прикинуться пьяным и крутиться в коридоре, недалеко от той комнаты, куда войдет Альфред. На всякий случай, предлагалось держать наготове пару человек в кофейне Якуба, что в ста ярдах от «Короны». Альфред также сообщил, что спустя минут пятнадцать после того, как он войдет в комнату, туда также войдет и Маркус, но он будет загримирован, поэтому делался особый акцент на то, что следить за всеми, кто приходит и уходит, следует чрезвычайно внимательно. После того, как в комнату войдут и Альфред и Маркус, следовало быть особенно внимательным. Необходимо задержать и надеть ручные кандалы на любого, кто будет пытаться выйти из этой комнаты, даже если

это будет сам Альфред фон Ланге или же Маркус де Ниро. Впрочем, если задержанный назовет пароль: «Габриель четырнадцать», его следует немедленно освободить.

Маркус, в свою очередь, должен был самостоятельно приехать в «Змею и лев», с тем, чтобы не привлекать лишнего внимания, и далее уже действовать по обстоятельствам.

Отправив мальчишку, Альфред переоделся в менее броский костюм, проверил стилет и еще раз примерил у зеркала шляпу, одолженную Маркусом. Она, конечно, была тяжело-вата, и слегка давила у висков, но это было вполне терпимо. В семь он вышел из дома и пошел в направлении площади, где и взял экипаж. Возница – худощавый немолодой человек, уже хорошо знал Альфреда, и потому, услышав, куда нужно ехать, даже не стал спорить об оплате, а лишь хлестнул лошадей, как только увидел, что седок уселся, немного поерзав на скрипучем кожаном сидении.

Остановившись у таверны «Змея и лев», Альфред дал кучеру десять сантимов и велел его ждать, не привлекая внимания, шагах в двадцати. Если он не вернется через час, то он – кучер – может быть свободен.

У двери, Альфред огляделся по сторонам, и, не отметив ничего подозрительного, размеренной походкой вошел в зал, где не спеша достал из жилетного кармана часы. Взглянув на них немного рассеянно, он захлопнул крышку и снова огляделся. Было без четверти восемь. Маркуса нигде видно не было, хотя теперь он и не надеялся его узнать. Альфред чин-

но подошел к стойке и велел Милашке Гарри освободить заваленный грязной посудой столик у лестницы, как раз там, где состоялась встреча с лже-Маркусом в прошлый раз. Гарри кивнул и, отерев ладони о фартук, отправился выполнять полученное распоряжение. Минут через пять он появился за стойкой снова и сообщил, что стол готов, а также осведомился, относительно заказа. Альфред спросил пинту пива и полфунта хорошей ветчины. Одноглазый Гарри понимающе кивнул и со значительным видом удалился на кухню. Альфред не спеша прошел к столу. На удивление, там уже сидел какой-то тип.

– Месье, это мой стол – сказал Альфред.

– Вот как? – Улыбнулся тип, – явный бродяга, или, скорее, карманник, промышляющий в одном из портов.

– Извольте убраться, – сказал Альфред холодно.

– Альфред, друг мой, вы меня опять не узнали! – бродяга расплылся в улыбке.

– Да, представьте... Ну что ж... встретимся там же и поговорим, когда вы примете нормальный облик?

– Конечно. Только теперь я снял комнату в гостинице «Цезарь». Это чуть дальше, но надеюсь, вы не будете против? – бродяга нагло улыбался.

– Что ж... «Цезарь», так «Цезарь»... Какая комната? – осведомился Альфред.

– Двадцать два, – невозмутимо ответил лже-Маркус. – Буду ждать вас там через тридцать-сорок минут.

Он встал, и направился к выходу. Альфред остался сидеть. Он пытался сообразить, как хотя бы предупредить Маркуса. О филерах речь, видимо, уже не шла.

Он достал из кармана блокнот и написал название гостиницы и номер комнаты. Затем он подошел к стойке и жестом приказал одноглазому Гарри, чтобы тот нагнулся. Когда тот согнулся над стойкой, Альфред вырвал листок из блокнота и припечатал его деревянной кружкой, которая стояла рядом.

– Если меня кто-то спросит, отдашь ему этот листок, но не раньше, чем он назовет пароль: «Габриель четырнадцать». Ясно?

– Конечно, – равнодушно ответил Гарри, протирая тарелку.

Он незаметно сгреб листок и положил его в карман серого изрядно засаленного фартука. Затем он отвернулся, поставил вытертую тарелку в стопку, и взял следующую. На его лице появилось выражение вроде: «Что-нибудь еще, герр Ланге?».

Альфред молча развернулся и направился к двери. Уже у самого выхода он столкнулся с каким-то приказчиком в дешевом коричневом костюме и клетчатом кепи. Приказчик был огненно рыжим с густыми курчавыми бакенбардами. Он бесцеремонно подмигнул, и Альфред тотчас узнал в рыжем наглеце настоящего Маркуса.

– Отель «Цезарь», комната двадцать два. Буду там через полчаса. Если успеете, попробуйте проехать в «Корону», у

главного входа дежурит Пьетро Гирера. Пусть он прикажет всем остальным переместиться в «Цезарь». Я понимаю, что быстро это не получится, но я постараюсь потянуть время. Вы сами их не ждите, и езжайте в «Цезарь» немедленно.

Альфред развернулся и, выходя из таверны, стал искать глазами возницу. Экипаж стоял поодаль.

– Возьмите мой экипаж!– сказал Альфред, обращаясь к Маркусу, но глядя в другую сторону. – Я найду другой.

Маркус же, изображая пьяного плелся вихляющейся походкой сзади, то и дело хватаясь за стену дома. Проходя мимо коляски, и при этом ни на секунду не останавливаясь, Альфред велел вознице далее слушать распоряжения нового седока с рыжими бакенбардами. Возница равнодушно кивнул.

Сам же Альфред шмыгнул в первую же подворотню, и исчез в темноте. Преодолев несколько стен и заборов, он вышел к площади св. Иакова. Здесь, как и на всякой площади, множество извозчиков ожидали возможных седоков. Кто-то курил, ведя неспешную беседу со своей коллегой, кто-то просто дремал на козлах. Выбрав самую неприметную двуколку с кожаным откидным верхом, Альфред вскочил и велел кучеру ехать в гостиницу «Цезарь».

– Далековато будет, – проворчал тот, – с вас, господин, семь сантимов придется.

– Дам пятнадцать, если обождешь меня у гостиницы час или чуть больше, ну и будешь ехать не торопясь, – ответил

Альфред. – За сколько доберемся?

– Ну, за час, поди, управимся, – ответил кучер.

– Да, но, чтобы не дольше!

Возница довольно кивнул, и они тронулись.

Как только Альфред уселся, и двуколка тронулась, стал сеяться мелкий холодный дождь. Кучер остановился и открыл над Альфредом потертый кожаный козырек. Затем он помог пристегнуть такой же потрепанный кожаный фартук. Дождь уже не беспокоил, но все равно было очень неудобно, поскольку холодный ветер забирался во все щели. Вскоре дождь усилился, и струи попросту стали течь водопадом прямо на фартук, частично заливая и сидение, то справа, то слева. Альфред отодвинулся как можно дальше и закутался поплотнее в пальто.

– Еще только насморка не хватало, – пробурчал он себе под нос.

Дорога была тряская, временами выходила на открытую местность, и тогда пронизывающий ветер, похоже, усиливался. Сама двуколка видала виды, ее колеса вихлялись, то и дело, вызывая опасения, что придется заночевать прямо тут на ветру посреди дороги. На ухабах Альфреда бросало из стороны в сторону, ветер с холодным мелким дождем временами задувал через откидной козырек, и оттого казалось, что путешествие это длилось, не час, как обещал извозчик, а все три. Но вот возница обернулся и совершенно безразлично произнес:

– Приехали! Вот он – «Цезарь»! – мрачноватый кучер показал рукой, в которой держал плетку, на невзрачное двухэтажное здание. Вывеска, на заведении, равно как и все надписи и рисунки давно выцвели, и выделялся только фанерный прямоугольник, похожий на щит римского legionera. Поверх щита, было прицеплено кольцо из ржавой проволоки с остатками фольги. Похоже, в лучшие времена оно было призвано изображать лавровый венок.

Альфред выдал кучеру восемь сантимов. – Остальное получишь, если меня дождешься. Ну, и за обратную дорогу тоже...

Возница снова ответил почти равнодушным кивком.

– Встань шагах в двадцати, – Альфред указал куда-то вверх по улице. – Я тебя найду после. Понял?

– Понял, – ответил возница таким же бесцветным голосом, и, хлестнув лошадей, медленно потащился по улице вверх.

Город, да и гостиница тоже давно погрузились во мрак, в домах горели тусклым свечным светом отдельные редкие окна. Впрочем, у самого входа в гостиницу стоял одинокий газовый фонарь. Альфред подошел поближе и достал часы. Откинув золотую крышку с витиеватой монограммой «АЛ», он взглянул на циферблат. Было девять восемнадцать. Ни Маркуса ни, тем более филеров, видно не было. Он подождал еще минут пять и решил действовать на свой собственный страх и риск. Судя по всему, ситуация была очень опасная,

но отступить было тоже немислимо. Единственное, что приходило в голову – это потянуть подольше время, вплоть до приезда Маркуса, а затем арестовать самозванца и уже потолковать с ним в полицейском управлении. Но Маркус все не появлялся.

Альфред взялся за ручку входной двери и, повернув ее, ступил вовнутрь. Холл гостиницы был слабо освещен тусклой масляной лампой с закопченным абажуром. В конторке за столом покуривал трубку пожилой консьерж. Альфред прошагал мимо него, и тот, проводил его взглядом, не проронив при этом ни слова. Пройдя в левый коридор, Альфред понял, что ошибся, вернулся в холл и отправился в другой. Комната двадцать два была через три двери прямо от лестницы, искать ее долго не пришлось. Альфред постучал, но ответа не последовало. Он постучал еще. Изнутри послышалась какая-то возня, и затем кто-то прокричал:

– Да-да! Входите, входите!

Альфред толкнул дверь и вошел. В комнате царил полумрак, окна были зашторены, и под потолком горела такая же тусклая, как и в холле, масляная лампа. Незнакомец стоял у окна.

– Садитесь, дружище, прошу вас, – он указал на стул.

Альфред сел и тотчас спросил, положив на стол кошелек с цветными шнурами:

– И когда вы примете свой нормальный облик?-

Незнакомец на кошелек внимания не обратил, и при этом

спросил:

– Итак, – на чем мы остановились в прошлый раз?

Вдруг Альфред почувствовал нечто вроде легкого опьянения. На душе вдруг появилась какая-то необыкновенная легкость или даже радость. И даже в комнате стало будто бы немного светлее.

В это время незнакомец закрыл лицо руками, постоял так пару секунд, и затем тоже уселся за стол. Когда он убрал руки от лица – перед ним сидел Маркус и улыбался.

– Ну, что скажете? – спросил он.

– Ну, что я могу сказать, кроме того, что, как и в прошлый раз, потрясен вашими экспериментами. – Альфред развел руками.

– Итак, что вам удалось выяснить об убийстве бургомистра?

И снова необыкновенная легкость, почти эйфория наполнила все тело, и вдруг захотелось рассказать все этому милому человеку – пусть он и не Маркус вовсе, какая разница? Альфред уже открыл было рот, чтобы начать свой рассказ о том, что, вокруг этого происходит много странного, и что он не исключает участие в этом деле нескольких лиц... Но тут дверь шумно распахнулась, и на пороге показался настоящий Маркус. Он нес перед собой довольно большое овальное зеркало, словно бы прятался за ним, как за щитом. Лже-Маркус мгновенно переменялся. По его лицу пробежала судорога, он упал со стула на пол, затем вскочил на ноги, и

взмахнул левой рукой. Маркус поставил зеркало на пол, а сам спрятался за ним. В его руке появился круглый предмет, очевидно пентакль, и он почти закричал:

– Именем Его! Габриэль, Анаэль фарам!

Лже-Маркуса словно отбросило к окну, он закрыл лицо руками, но через секунду снова выбросил левую руку вверх. Было темновато, и потому Альфред не разглядел то, что было у него зажато в ладони. Да и вообще он сидел ошарашенный происходящим, не представляя, что нужно делать. Лже-Маркус замахнулся поднятой рукой, но в это время настоящий Маркус, выбросил вверх правую руку, в которой был сложенный из каких-то палочек крест, и к нему был прикреплен букетик сухого растения.

«Это, видимо, Иоаннов посох», – только и успел подумать Альфред, и тотчас темный предмет, похожий на цилиндр в руке лже-Маркуса с шумом взорвался и разлетелся пылью во все стороны. Запахло аммиаком и ртутными испарениями. Лже-Маркус упал сначала на колени, а затем и полностью распластался на полу, лицом вниз. Глаза его остались открытыми, но лицо стало меняться. На Маркуса он уже похож не был.

Маркус отставил зеркало в сторону и подошел к Альфреду.

– Вы в порядке, мой друг?

– Да... Вот только...

– Что? – встревожился Маркус.

– Прямо перед вашим приходом, я почувствовал нечто странное... Расслабление какое-то, какая-то эйфория... Довольно подозрительно....

– А, понятно... И уже даже хотели все ему рассказать? Верно?

– Откуда вы знаете? – удивился Альфред.

– Да вон сами посмотрите, и Маркус указал куда-то под стол.

Альфред отклонился, чтобы взглянуть и обнаружил под столом небольшую бутылку.

– Что это? – он достал бутылку из-под стола.

– Да-да, это та самая пропавшая ночная фиалка! – Маркус осторожно взял бутылку в руки. – Дома попробуем ее нагреть, и тогда сами увидите. Но чем же он ее активировал?

Он подошел лежащему на полу человеку и пощупал пульс.

– Да, в наручниках уже нужды нет, – констатировал он.

– Он умер? – удивился Альфред.

– Точно, – отрезал Маркус, – и твердый стал, словно камень. – Он перевернул мертвеца на спину.

Альфред подошел поближе и поднес лампу:

– Господи! – воскликнул он, – Да это же... Манфред!

– Манфред? – удивился Маркус, – Вы не обознались?

– Да какой там... – Альфред махнул рукой. – Но как же так вышло? У меня куча вопросов...

– Вышло что? – переспросил Маркус.

– Да, все... Почему здесь Манфред, например? Как он пе-

ревоплощался? Почему умер?...

– Ну, последнее я как раз могу объяснить. Он умер от зеркала и собственного удара, который отразил Иоаннов посох.

– От зеркала? – удивился Альфред.

– Ну, да, а что вас удивляет? Манфред, очевидно, был поражен дибуком или, быть может мамлюком, или еще чем-то вроде того. Кто ему этого дибука подсадил, мы пока не знаем, но теперь понятно, что тут работает не один человек. И он или они не останятся ни перед чем. Вопрос – что им нужно?

– Как вы все это поняли? – спросил Альфред нервно.

– Да никак, мой друг. Просто взял с собой все, что могло пригодиться. И пригодилось. Ну, а если бы нет, то пригодился бы ваш стилет, – Маркус улыбнулся.

Альфред опустил на стул.

– Где филлеры? – спросил он.

– Я их отпустил, – спокойно ответил Маркус. – Я понимал, что в таком темпе событий им не успеть, а потому, все только бы усложнилось: наделали бы шуму или напутали бы что-нибудь. Решил, так сказать, действовать лишь исходя из своих возможностей.

– Понимаю, – Альфред достал носовой платок и вытер им лицо. – Что будем теперь делать?

– Я сейчас сниму, насколько можно, свой грим, затем тихо выйду и если все в порядке – брошу в окно камешек. И мы уйдем восвояси. Как вам такой план?

– Да, – ответил Альфред, – так будет лучше всего, я думаю.

Маркус кивнул, и тотчас у него в руке оказался носовой платок, которым он стер с лица смуглый налет. Затем он снял рыжий парик и бакенбарды. После он вывернул наизнанку пальто, и оно стало не серым, а темно-синим. Из бокового кармана он достал другой носовой платок и приложил его к лицу. Когда он отнял платок от лица, как по волшебству у него появились густые черные усы. Еще через минуту появились густые кустистые брови, а за ними и каштановый парик с довольно длинными выющимися волосами. Удовлетворившись результатом, Маркус вышел, и его не было минут пять, а затем Альфред услышал легкий стук в окно, словно от удара маленького камешка.

Глава 9

Маркус и Альфред сидели у камина и попивали бренди. Иосиф принес небольшие тарелочки с тонко нарезанным лимоном и сыром, и после был отпущен спать. После двух-трех глотков, разлившихся теплом по телу, разговор стал течь медленно и уже без особых формальностей.

– Ну хорошо, – сказал Альфред, как бы соглашаясь, – допустим вы правы, и он был одержим этим дибуком или, как его там... мамлюком – неважно... Никак нельзя было его взять живым?

– Ну, может быть и можно, но мне этот способ неизвестен, – ответил Маркус, невозмутимо глядя на огонь сквозь янтарь бокала.

– Но вы же знали, что он от зеркала погибнет?

– Да, знал, что погибнет, но только если сам решит атаковать. И он должен был знать, к слову. И зеркало – это единственный способ защиты в таком случае. Или, быть может, вы хотели на месте Манфреда видеть меня? И не исключено, кстати, что и себя тоже?

– Что все так серьезно? – спросил Альфред с некоторым сарказмом.

– Серьезнее, чем вы думаете, мой дорогой. Мне тут по ходу пришли в голову несколько идей... В общем, я не уверен,

что и бургомистр, и староста умерли в результате атаки черного ветра, как мы прежде полагали. Я не снимаю эту гипотезу, как актуальную, но теперь она не единственная.

– И от чего же тогда? – удивился Альфред.

– Понимаете... – Маркус почесал подбородок. – После всего увиденного, я не исключаю, что где-то рядом есть некто, у кого сейчас в распоряжении целая, так сказать, «армия» одержимых дибуками, мамлюками и прочими исчадьями ада. И этот некто их использует по мере надобности. Не отчаивайтесь, насчет Манфреда. Он бы все равно умер в скорости.

– Почему? – удивился Альфред.

– Ну, потому, что через три-четыре выполненных задания, дух-мамлюк – не знаю, впрочем, как в случае с дибуками – должен быть отпущен на свободу. А когда он выходит из своей «тюрьмы», «тюрьма рушится». Понимаете? Да, в общем-то, и одержимые дибуками тоже долго не живут.

– Это тоже у бен Эзры написано? – оскалился Альфред.

– И у него тоже немножко есть об этом.

– Да? – Альфред полез в карман и, как бы невзначай положил кошелек с цветными нитями.

Маркус улыбнулся.

– Это верно, нельзя забывать об осторожности, – он достал кисет положил его подле кошелька Альфреда. – Но думаю, нам пока можно снизить уровень бдительности, поскольку главный противник, вернее – его главный инстру-

мент, вышел из строя. Не думаю, что наш враг будет в дальнейшем обращаться к той же тактике. Это было бы неразумно, согласитесь.

– Возможно, – ответил Альфред коротко. – Но уже существующие цветные кисти лучше пока не снимать.

– Ну что ж... – Маркус кивнул. – Как угодно. Итак, что мы предпримем дальше, у вас есть идеи?

– Идеи? Не особо, если честно. Но, так или иначе, нужно отработать две оставшиеся зацепки: учитель Густав Йоркович и этот Золтан Ковач. И я пока не имею представления, с кого начать...

– С Ковачем пока торопиться не стоит, я думаю, – сказал Маркус, – а за Йорковичем надо сначала как следует понаблюдать. Завтра прибывает моя племянница, думаю, она бы взяла на себя всю текущую рутину, а мы могли бы пока разработать план относительно наблюдений за этим Йорковичем. Кроме того, можно также попробовать разыскать Клавдию. Вы согласны?

– Да, наверное, вот это и стоит сделать в первую очередь. – Альфред отпил из бокала и ухмыльнулся. – Но как меня сегодня ваша шляпа спасла! Вы просто провидец!

– Да, ничего подобного, – отмахнулся Маркус, – я ожидал совсем другого. У меня прямо перед глазами было, как этот негодяй что-то выхватывает, и – бац!

– Ну, это потому, что вы выбрали самый простой или очевидный вариант будущего: без особых затей, так сказать. Но

сформулировали вы вероятное событие весьма точно: именно голова у меня в этот вечер и оказалась уязвимее всего. Хе-хе... – Альфред потер подбородок, – и если бы не ваша каска...

– Нет – нет! – возразил Маркус. – Думаю, тут что-то не так. Когда человек получает удар по голове, скажем кистенем или еще чем-то – это одно, а когда вдруг выпадает из экипажа головой на бордюр – это совсем другое, я полагаю. В символическом смысле, конечно. В первом случае – явная «работа» Марса, а во втором – Сатурна.

– Почему? – удивился Альфред. – В обоих случаях – результат один и тот же: тяжелая травма головы, видимо, с большой потерей крови и вероятным смертельным исходом. Разве нет?

– Честно говоря, я не знаю, насколько правомерно исходить из результата, а не, собственно, характера события... Поскольку разные причины могут вызывать похожие события, а похожие события бывают результатом весьма различных причин. Надо бы подумать и посмотреть кой-какие книги... Если не ошибаюсь, у Птолемея в «Тетрабиблосе» было что-то на эту тему. Но, главное все-таки, что вы живы и здоровы.

– В «Тетрабиблосе»? А не в «Альмагесте»?²¹ – спросил Альфред.

²¹ «Тетрабиблос» и «Альмагест» – классические труды К.Птолемея по астрологии

– Кажется, все-таки в первом, – ответил Маркус. – Есть еще несколько книг, которые я хотел бы освежить в памяти. "Сэфер Оламот"²², например, тоже недурно было бы полистать...

– «Сэфер Оламот»? – Спросил Альфред, – Это Соломонов гримуар что ли?

– Именно, – ответил Маркус.

– Зачем он вам? Там все, по-моему, чересчур туманно...

– Это потому, что вас не научили его читать. Это очень необычная книга. Я вам как-нибудь покажу, в чем там фокус.

– Вот как? И что же в ней необычного? – удивился Альфред.

– Ну, хотя бы то, что это первая на моей памяти книга, которая описывает строение нашего мира, как бесконечную совокупность всевозможных миров. Во-вторых, именно она описывает веру, как основной и необходимый компонент магического действия. «Вера в то, что вещь такова, делает ее таковой» Помните?

– Нет, но мне нравится эта мысль, – ответил Альфред.

– Не только вам. Эта мысль прекрасна в своей простоте, как и все истинное, впрочем, – ответил Маркус и отпил из

²² " Сэфер Оламот " или – «Книга миров». Первые экземпляры появились в 13 веке. Трактат не содержит каких-либо конкретных рецептов. Это более – философский труд, близкий к каббале, предназначенный для обучения будущего мага, развития его памяти, воспитания и тренировки. Трактат также описывает способы осмысления сложных книг, таких как Тора и комплексных символических образов.

бокала.

В прихожей послышался тихий стук в дверь.

Альфред и Маркус переглянулись.

– Кто это? – спросил Альфред и потянулся за стилетом.

– Откуда мне знать? – резонно ответил Маркус. – Пойду, посмотрю... Иосиф, поди, уже десятый сон видит...

Он взял подсвечник и пошел к входной двери. Не было его с минуту или чуть больше, а когда он снова возник на пороге, то казалось, был не на шутку взволнован:

– Это... вам... – он протянул конверт Альфреду.

Тот взял конверт, обратив внимание на подпись: «Герру фон Ланге лично!», а также на сургучную печать, довольно скверного качества.

Альфред с хрустом сломал печать и достал из конверта носовой платок тонкого батиста, отданный прежде Милашке Гарри как знак для оповещения.

– Вот и ответ... – сказал он, ни к кому не обращаясь. Он показал платок Марксу.

– Что это? – удивился тот.

– Это знак. Едемте в «Змею и лев»! Вернее, не так... Я поеду один, а вы пойдете с моей запиской в полицейский участок и потребуете наряд для ареста.

– Да что происходит, черт возьми! Объясните, наконец.– Маркус был полностью сбит с толку и потому крайне недоволен происходящим. Он сжал губы и положил оба кулака на стол.

– Это знак от Милашки. В «Змее и льве» снова появился игрок. Но арестовывать его там нельзя. Нельзя бросать тень на Гарри. Он еще пригодится. Как же быть?..

– Давайте так. – Маркус встал. – Я возьму несколько констеблей, а вы дождитесь, пока игрок направится к выходу. А там вы подадите мне знак. Игрок этот ваш либо пойдет пешком, либо возьмет экипаж, что вряд ли. В любом случае, мы сможем его арестовать по дороге. Как вам такой план?

– Если пойдет пешком, то это хорошо. Но если все-таки сядет в экипаж, то его надо брать там же, немедленно. Слишком рискованно упускать его из виду. Главное, чтобы внутри таверны никто этого не увидел. – Альфред встал. – Да вот еще... Пусть его везут в участок, допрос отложим до утра. Вы не хотите принять участие?

– Я? В допросе?– Удивился Маркус.– Но я ведь не имею таких полномочий! Разве что, притвориться секретарем, а заодно и составлять протокол?

– Я через магистрат наделю вас временными полномочиями младшего дознавателя, с правом вести следственные действия. Так пойдет?

– Ну, что ж.... Это даже лестно... – Маркус явно засмутился. – Буду рад быть вам полезен, чем смогу и в этом деле тоже.

– Просто, по моему опыту,– продолжил Альфред,– подобных типов нужно держать в накале. А ведь иногда, в процессе допроса можно запнуться, сделать ненужную паузу и тому

подобное, что дает противнику ложное представление, будто вы просто слабы или же, что вы блефуете, и потому, церемониться с вами нечего. Одним словом, если я вам подаю знак, вы должны будете принять эстафету немедленно! Задавайте вопросы, уточняйте, ловите на неточностях. Если вы сами захотите меня прервать или задать свой вопрос, положите на стол перо. В обычном случае, пусть перо будет у вас в руке. Договорились? А протокол, кстати – отличная идея!

– Что касается техники допроса, то тут я, честно говоря, не очень, а потому – буду во всем полагаться на вас. Постараюсь, конечно, не дать слабину. – Маркус улыбнулся немного смущенно, – Пойду собираться.

– Да, и еще. – Альфред сделал паузу. – Констеблей разместите на улице. Там полно темных углов и подворотен, где можно спрятаться. Сами же, зайдите в таверну, чтобы я понял, что все готово. Возьмите пива, если хотите, а лучше – кофе – и ждите. Хорошо?

– Да, конечно. – Маркус кивнул.

– Теперь бумага для полиции... – Альфред сел и достал из портмоне сложенный вчетверо листок. Он его развернул и разгладил ладонями, прижимая к столу. Когда он убрал ладони, Маркус увидел внизу большую, красной мастики, печать Министерства. – Вы позволите присесть за ваше бюро, мой друг?

– Само собой! Прошу вас! – Маркус указал в сторону бюро. Там есть свеча, но если хотите, возьмите подсвечник от-

сюда.

– Думаю, будет достаточно и одной свечи, – улыбнулся Альфред и, подойдя к бюро, чиркнул спичкой, зажигая огонь. Написав на бумаге нужный текст, он посыпал документ из песочницы, стряхнул песок в урну у стола и передал листок Маркусу.

– Вот, возьмите. В принципе там все было оговорено прежде, так что эта бумага, скорее – ваше удостоверение. Ну, с богом! – Альфред встал слегка поклонился и направился к двери.

Маркус тоже засуетился, собираясь и гася уже ненужные свечи. Через несколько минут в доме стало совершенно темно, скрипнула входная дверь, и две темные фигуры выступили в ночь.

До полицейского управления оказалось всего-то минут двадцать пешего ходу. Убедившись, что дежурный констебль на своем посту, Альфред кивнул Маркусу, и отправился через площадь, в надежде взять запоздалый экипаж. Время все ближе подбиралось к полуночи. В домах вокруг площади не было видно ни одного освещенного окна – город спал мертвым сном. Найти ночью экипаж – дело крайне сложное, но иногда извозчики все же встречались на больших площадях. Это были, чаще те, кто страдает бессонницей. Впрочем, попадались и такие, кто надеялся на редкую удачу привезти священника к умирающему, или же врача к больному или к

роженице.

Еще издали, проходя мимо центрального фонтана, уже с месяц, как закрытого на зиму, Альфред увидел тусклый огонек каретного фонаря. Значит – с извозчиком все-таки повезло. Подойдя поближе, он увидел в свете луны пегую лошадь, грустно поедающую овес из поставленного перед ней грубо сколоченного ящика. Козлы, на которых обычно сидел возница пустовали, и это было странно. Подойдя ближе еще на несколько шагов, Альфреду стало понятно, что перед ним не карета, а коляска или даже фаэтон с откидным верхом. Внутри кто-то сидел, попыхивая трубкой:

– Кто идет? – грозно спросил голос из коляски.

– До таверны «Змея и лев» довезете? – невозмутимо спросил Альфред.

– Двадцать пять сантимов! И деньги попрошу вперед!

– Извольте, – Альфред подошел к фонарю на коротком шесте, внутри которого уже догорал огарок свечи. В тусклом свете, пробивающемся через изрядно закопченные стекла, он отсчитал несколько монет и протянул их вознице. Тот вылез из коляски, внимательно пересчитал деньги, и недовольно проворчал:

– Поехали, чего уж... Раз так...

Альфред залез на кожаное сидение и закутался поплотнее в пальто. Ночь была ясная и пронзительно холодная. Не сегодня – завтра уже, видимо, должны были бы ударить первые заморозки. Возница деловито убрал ящик с овсом, закрыл

крышкой, и после, отнеся его назад, закрепил где-то на запятках. Затем он вернулся, залез на козлы, и легонько хлестнув лошадь, натянул поводья. Та поначалу нехотя заковыляла по мостовой, но уже шагов через двадцать довольно бодро затрусила мелкой рысью.

Луна поднялась уже достаточно высоко и висела над крышами. Несмотря на то, что во всех окнах по обеим сторонам улицы чернела лишь крошечная тьма, мостовая была видна вполне отчетливо. Спустя какое-то время, возница сообщил, что они приехали. Альфред и сам уже это понял, увидев одинокий слегка покосившийся газовый фонарь, в трех шагах от входа в таверну. Он подошел к извозчику и попросил, чтобы тот его обождет, и с тем протянул еще двадцать сантимов.

– Если дождешься – дам еще талер. Однако, не жди меня более двух часов.

– Мы люди простые, – пробурчал извозчик, – часов у нас отродясь не бывало.

– Ладно. Обожди в общем, если хочешь заработать. Да и вот еще... Поезжай, и стань шагах в двадцати. И погаси свой фонарь. Я тебя и так найду.

– Ладно... – опять стал бубнить возница, – фонарь им теперь не нравится...

– Нравится. Внимание просто привлечь не надо. Да смотри никого кроме меня не сади, сколько бы ни предлагали!

– Да прямо там! Кто ж это мне еще талер-то предложит!?

Альфред развернулся и зашагал к таверне. За спиной слышалось, как ободья колес начали с тихим скрипом перекатываться по булыжникам мостовой. Когда Альфред толкнул дверь в таверну, коляска, видимо, уже остановилась: скрип и цоканье копыт как будто растаяли где-то во мгле.

В таверне было темно и тихо, и лишь одна масляная лампа тускло освещала довольно обширный зал. Милашка Гарри дремал за стойкой, усевшись на высоком табурете. Альфред подошел к стойке и кашлянул. Милашка тотчас подскочил, словно ошпаренный и явно машинально схватился за нож. Альфред быстро поднес палец к губам: тихо, мол! Гарри быстро заморгал и громко сглотнул. Он показал большим пальцем вниз, мол, там он.

– Играет? – шепотом спросил Альфред.

– Да какой там... – махнул рукой Гарри, – накурился с китайцами ихней дряни, и теперь без памяти валяется. Можете его прямо там и брать, по-тихому только.

– Как это? – удивился Альфред.

– Ну как... так вот... китайцы иногда приносят какую-то дрянь, с виду на дерьмо похоже, – Милашка выразительно поморщился, – и трубку ею забивают, а потом, как выкурят, так вроде как засыпают – из пушки не разбудишь. И вроде какие-то жуткие сны видят: стонут, понимаешь, мечутся... Тьфу, гадость какая! – Гарри в сердцах сплюнул прямо на пол.

– Так думаешь, если его вытащить, остальные не проснут-

ся?

– Да какой-там! Хоть головой по ступенькам его волочите!
Да, вот только, как проснется, ему обязательно попить надо,
а то – может копыта отбросить!

– Да ну!– удивился Альфред.

– Точно! Так что вы уж позаботьтесь об этом, если он,
конечно, вам живой нужен.

– Ладно. Обождем чуток. Еще один человек подойти должен.

– Зачем еще один? Мы так не договаривались! А вдруг он
стукач?

– Да нет, Милашка, это мой человек. Вернее не бывает.
Ручаюсь.

Однако, Милашка все равно не успокоился:

– Нет уж, как хотите! Когда тайну двое знают – это куда
ни шло, а где знает третий, там знает и свинья!

– Ну, тогда ты помоги этого игрока вытащить, и в коляску
положить. Она у меня тут рядом...

– Ну, вот еще! – Снова стал капризничать Гарри. – А вдруг
увидит кто?

– Гарри, слушай!– Альфред взял его за пуговицу и заговорил
шепотом, почти в самое его ухо. – Сейчас полиция окружает
твою таверну. Я им строго настрого запретил заходить сюда,
чтобы не испортить тебе репутацию...

– Чего не испортить? – снова возмутился Гарри.

– Ну, то самое, за что тебя твои кореша уважают. Понял?

Я тебя, как видишь, тоже уважаю, и зачем-то вот думаю, как бы тебе, мерзавцу, не навредить. Поэтому делай, как я говорю, и тогда все будет, как надо. Я все продумал. Ну, а будешь и дальше переть как бык на ворота, я сейчас свисну и легавые будут тут как тут. Не дай еще бог твой притон для игр увидят... сам понимаешь... В общем, мне игрок позарез нужен, не ты с твоим заведением и китайцами, понимаешь? Поэтому, как придет мой человечек, ты уж не рыпайся, понял?

– Понял. Только я с вами в подвал не пойду. Сами его берите и вытаскивайте, а я тут как бы и ни причем. Я спать уйду к себе на второй этаж. Как уйдете, свисните не очень громко, мои окна на улицу выходят. Я выйду, дверь запру.

– Хорошо, а как же мы узнаем без тебя, игрока этого?

– Да вы что нашего от китайца не отличите?

– Там что же он один только из «наших» будет?

– Один. Я уже говорил – эспаньолка у него...

Дверь тихо отворилась. На пороге показался Маркус. Он был деловит и серьезен. Легонько кивнув, мол, все в порядке, он сел за ближайший стол, подобрав полу плаща. Гарри демонстративно задрал подбородок и не глядя в зал, стал подниматься на второй этаж.

Альфред кивнул Маркусу и они пошли к подвальной лестнице. В конце была дверь, которая легко отворилась, стоило на нее лишь немного нажать. Игровая комната была темна, и под низким потолком висел какой-то сладковатый дым, от которого немедленно стала кружиться голова. У самой двери

был подвешен закопченный фонарь с наполовину выгоревшей свечой внутри. А вокруг, куда ни глянь, на полу вповалку лежали люди. Некоторые лежали с открытыми неподвижными глазами и, если бы не хрипы, время от времени вырывающиеся из их груди, можно было бы подумать, что все они мертвы. Хрипы и стоны слышались поминутно из разных частей комнаты, и это было неприятно и даже немного жутковато. Все эти люди были азиатами с бритыми лбами и длинными косицами. Альфред и Маркус, осторожно ступая между телами, двигались вперед, и наконец, уже почти дойдя до стены, Альфред увидел того, кто им был нужен. Это был жилистый худой человек, очевидно, довольно высокий. Он лежал, запрокинув голову, и его эспаньолка торчала почти вертикально. Он тихо и часто храпел. На нем был, видимо, довольно дорогой серый костюм. Во всяком случае, именно такое впечатление он производил в свете тусклого фонаря.

– Я возьму подмышки, – прошептал Маркус, а вы – за ноги.

Альфред кивнул, что согласен.

В это время, прямо за спиной у Маркуса раздался громкий стон, переходящий в визг. Маркус резко, но очень тихо повернулся. На одной из лежанок сидел человек, и, охватив голову руками, не то стонал, не то кричал. Возможно, его мучил кошмар. Даже в полумраке зала было видно, что он неимоверно тощий, одет в какие-то лохмотья и его бритая голова была покрыта крупной испариной. Маркус в пол-

прыжка оказался рядом с несчастным, мучимым кошмаром, и быстро повалил его обратно на лежанку и так удерживал пару секунд. Человек затих, и после начал быстро что-то шептать на своем языке. Времени терять было нельзя.

Маркус схватил игрока подмышки и потянул вверх. Человек с эспаньолкой застонал и замотал головой. Альфред в тот же момент схватил игрока за ноги, под коленями и они, медленно переступая через спящих, пошли к выходу. Человек не сопротивлялся, но время от времени как бы вздрагивал и начинал тихо стонать. Никто действительно не проснулся, и приятели без особых сложностей – игрок был не очень тяжел – оказались на улице. Там Маркус свистнул, и со всех сторон прибежали полицейские. Их было пятеро. Все они казались сонными и недовольными. Передав игрока с рук на руки, Альфред велел приставить возле его камеры человека.

– Если попросит пить – чтобы дали воды немедленно! – сказал он строго.

Сержант – старший в этой группе деловито кивал, и после заверил, что все будет сделано в точности. Когда подъехал полицейский экипаж, спящего погрузили вовнутрь. Он вяло сопротивлялся, но вскоре все закончилось, и экипаж скрылся за поворотом на соседней улице.

Глава 10

Неторопливо позавтракав в «Золотом колесе», Альфред направился в сторону полицейского управления. Спешить было некуда, он шествовал по бульвару прогулочным шагом, что позволял себе крайне редко. Двигаясь в сторону ратуши, он постукивал тростью о тротуар, поглядывал по сторонам, нигде, впрочем, не останавливая взгляд, и чинно раскланивался с прохожими. Утром посыльный принес письмо от Маркуса, где тот извинялся, что не сможет прийти в полицию к допросу вовремя, поскольку где-то в районе десяти утра должна прибыть Сандра – его двадцатилетняя племянница. Однако он выражал надежду, что как только встретит ее и, как следует, обустроит, передав под покровительство Иосифа, он тотчас же и будет готов присоединиться, если в том еще будет нужда.

Альфред достал часы, и убедился, что еще только половина девятого. Допрос же, по процессуальным нормам, ранее девяти проводить не следовало, если только этого не требует специфика дела. Специфика пока не требовала. Однако, как только Альфред щелкнул крышкой часов, то почему-то немедленно и вспомнил, что прямо с утра он планировал послать констебля за доктором, дабы освидетельствовать арестованного. Во-первых: кто знает, как действует это китайское зелье? Да и вообще, вдруг этот игрок накануне

подрался, и теперь весь в синяках... Мало ли как потом дело в суде обернется. С тем он и зашагал быстрее, своей уже обычной, деловой походкой.

Прибыв в управление, он, как бы, между прочим, осведомился у дежурного о том, не буянил ли ночью арестованный? Дежурный лишь пожал плечами и коротко ответил: никак нет – спал, как убитый, ни разу не проснулся.

– Понятно, спасибо, – кивнул Альфред и направился к стеклянной загородке, где находился шеф. Зайдя, он поздоровался и потребовал комнату для допросов, доктора и по прибытии последнего велел привести заключенного. Шеф выразительно заморгал:

– А доктора зачем? У вас мигрень, осмелюсь спросить?

– Нет. Это для арестованного. Он вчера был не совсем вменяем, видите ли...

– Вот как?– удивился шеф, – А ребята ничего такого не докладывали. Сказали, что взяли его сонного, видать выпившего, а более – ничего такого.

– Я знаю, спасибо, – сухо ответил Альфред. – Так могу я рассчитывать на вашу помощь?

– О, да, разумеется, – шеф тотчас схватил со стола бронзовый колокольчик.

На пороге появился младший констебль. Вытянувшись, и козырнув, он выпалил:

– Чего изволит господин шеф полиции?

– Вот что, Джозеф... Сходи-ка ты на улицу Стекольщи-

ков. Там найдешь дом двадцать три. Спроси доктора [Вейхснера](#). Если он не занят чем-то срочным, привези его сюда. Скажи, что он мне очень нужен. Все понятно?

– Так точно! – выпалил Джозеф, и, развернувшись на каблуках, двинулся к двери.

– Ну, а мы пока что могли бы и кофе выпить, если не возражаете. Потом, боюсь, совсем времени не будет... – шеф изо всех сил пытался быть любезным, но, надо сказать, что получалось это с некоторой натяжкой.

– Благодарю вас, – ответил Альфред, – вы очень любезны.

Шеф снова позвонил в бронзовый колокольчик, и на пороге тотчас появился другой констебль. Он был постарше прежнего, и, видимо, опытнее. Когда он вошел, то лишь вопросительно поднял брови, мол, чего изволите?

– Улрич, попросите, пожалуйста, фрау [Таттенбах](#) приготовить нам по чашке кофе.

Констебль понимающе кивнул и удалился.

Спустя минут десять дверь без стука отворилась и на пороге возникла важная, словно сам господин префект, фрау Таттенбах с большим подносом. Не ответив на приветствия, она лишь поставила поднос на стол, и высокомерно кивнув в сторону шефа, удалилась.

Альфред и шеф полиции растянули кофепитие не менее чем на полчаса. Печенье, поданное фрау [Таттенбах](#), было, как и в прошлый раз выше всяких похвал, да и кофе, надо сказать, был просто отменный. Однако это обстоятельство

никак не повлияло на состояние беседы. Обычно, когда кофе хорош, а говорить особенно не о чем, беседа перетекает куда-то в горы Бразилии или Эфиопии, и собеседники начинают живо обсуждать сорта кофе, способы его прожарки и приготовления. Но тут беседа явно не клеилась. Альфред и шеф по большей части лишь обменивались короткими замечаниями, относительно новостей из утренних газет, вроде:

– Нет! Ну, каков этот граф Циммерман! – восклицал шеф.

– Да, уж! – Довольно пресно отвечал Альфред. – Уложить на дуэли племянника самого герцога! Это, уж совсем... знаете ли...

И затем снова следовала неловкая пауза, в которой собеседники как-то нарочито значительно разглядывали содержимое кофейной гущи в своих чашках.

Шеф видимо, «разрывался» между необходимостью обхаживать важного гостя, и той кипой работы, которую нужно было, во что бы то ни стало разгрести в самое ближайшее время. Наконец, после короткого стука в стекло загородки, на пороге появился господин средних лет, высокий и стройный. На нем был немного старомодный, но вполне приличный коричневый костюм, белоснежная накрахмаленная сорочка и черный галстук. Очевидно, это и был доктор. Шеф выдохнул с явным облегчением и, выразив надежду, что далее его помощь, вероятно, больше не нужна, попросил разрешения откланяться, однако он тотчас спохватился и добавил, что если геру фон Ланге что-нибудь понадобится, то он

всегда здесь и готов к услугам.

– Ах, да, простите! – Шеф немного артистично приложил руку ко лбу и вышел из-за кофейного столика. Встав между доктором и Альфредом, он торжественно изрек, – Доктор Вейхснер, разрешите вам представить: старший доцент Министерства Альфред фон Ланге! Герр фон Ланге, разрешите представить вам известнейшего в нашем городе доктора Эммануила Вейхснера.

– К вашим услугам, – слегка поклонившись, любезно сказал Альфред.

– Весьма приятно, но, видимо, это я здесь к вашим услугам, не так ли? – губы доктора тронула несколько прохладная улыбка.

– Да, конечно. У меня к вам небольшая просьба. Не могли бы вы освидетельствовать арестованного?

– В каком смысле?– спросил доктор.

– Ну, во-первых, внешний осмотр: ссадины, синяки и прочие следы травм. Во-вторых, его душевное состояние.

– Понятно. Разумеется. А где пациент?

– Его скоро приведут, пройдемте в комнату для допросов, если не возражаете, – Альфред открыл перед доктором дверь.

– Ну что ж, извольте.– Доктор кивнул и вышел из кабинета.

Отворяя дверь в допросную, Альфред про себя отметил удивительную расторопность здешней полиции: арестованный был уже доставлен и сидел за столом на табурете. Это

был человек чуть выше среднего роста, лет сорока или чуть больше. Был он худощавого телосложения и с довольно резкими чертами лица. В его черных волосах и в эспаньолке кое где уже были видны седые волоски. Костюм на нем был и в самом деле довольно дорогой, но после столь бурной ночи он уже совсем не выглядел элегантно. Арестованный был спокоен, словно он находился не в полиции, а на каком-то светском рауте. Он даже немного скучал. Двое конвойных стояли по бокам, на расстоянии вытянутой руки от арестованного.

Доктор провел осмотр довольно быстро, написал требуемые для протокола справки и попросил разрешения откланяться. Провожая доктора, Альфред вышел в коридор и капнул на руки «бальзам откровенности», приготовленный накануне Маркусом. Затем, он снова вернулся в допросную.

– Итак... – начал Альфред, улыбнувшись, и открывая папку с только что заведенным делом. – Начнем, пожалуй... Ваше имя и фамилия.

– Золтан Ковач. – Ответил арестованный спокойно.

– Что такое? – Альфред не смог скрыть своего недоумения и возбуждения. – Вы Золтан Ковач? Документы у вас есть какие-нибудь?

– Ну да, моя фамилия – Ковач. Но документов у меня с собой нет. А в чем дело, собственно? – На этот раз удивился арестованный.

– Нет, ничего, – Альфред уже взял себя в руки.

– Дата рождения.

– 25 июня, 1748 года, – уже менее спокойно ответил арестованный.

– Род занятий... – Альфред спрашивал и записывал, одновременно пытаясь успокоить сердце, пытавшееся словно бы пробить в груди дыру.

– Старший архивариус при магистрате.

– Понятно. А вас не удивляет, господин Ковач, что вы оказались под арестом?

– Не знаю... Я вчера, признаться, выпил лишнего... Видимо, отделал кого-то по пьяне? Так? Готов извиниться... ну и возместить, если требуется...

– Да нет, – хмыкнул Альфред, – тут дело, пожалуй, посерьезнее пьяной драки будет. Вам известны эти предметы? – он высыпал на стол пригоршню золотых монет.

– Ну и что? Деньги как деньги, – Ковач пожал плечами.

– Э, нет, дорогой, господин архивариус. В том-то и дело, что деньги эти как раз таки совсем необычные! Сами признаетесь, или будете дальше комедию ломать?

– Да что с ними не так? – воскликнул Ковач.

– Ну как это что? Это – коринфские статеры. Видите, на аверсе изображена Афина Паллада? А коринфские статеры, как вы и сами наверняка знаете, никогда не чеканили из золота. Только из бронзы, и существует также несколько редких экземпляров из серебра.

– Допустим, и что? – Ковач либо не понимал, к чему клонит Альфред, либо очень искусно притворялся. Он пыхтел,

поднимал удивленно брови и часто пожимал плечами.

– А то, что деньгами этими платили вы, а, следовательно, вы и превратили их из медных в золотые. Во всяком случае, на данный момент именно вы – главный и единственный подозреваемый. А за незаконную трансмутацию и за утаивание от казны алхимического золота, в лучшем случае полагается двадцать пять лет каторги, знаете ли. Но, я так думаю, что после обыска в вашем доме, мы еще много чего найдем, не так ли? Так что, увы, господин Ковач, но на веревку с мылом вы, похоже, себе уже заработали.

Ковач открыл было рот, но не смог произнести ни слова. Его переполняли не то аргументы в свою защиту, не то он был просто выбит из колеи.

– Ну, так что? – Строго спросил Альфред, сдвинув брови, – Будем говорить?

– Господин... как мне вас называть? – спросил Ковач, стараясь сдерживать волнение.

– Называйте меня – господин старший дознаватель, – ответил Альфред.

– Господин старший дознаватель ... вы что-то путаете. Греки чеканили золотые монеты, и статеры в том числе... – Ковач говорил дрожащим голосом, он, похоже, был уже на грани срыва.

– Ковач, не морочьте мне голову! Я прекрасно разбираюсь в древнем золоте. Золотые статеры чеканили гораздо позже, уже при Филиппе втором, и Афина Паллада на них не

изображалась никогда. В общем, так: или вы будете говорить правду, или я ухожу и забуду о вашем существовании тотчас, как только закрою эту дверь. Дело ваше передам сегодня же в департамент Имперской безопасности. Там с вами, как вы понимаете, церемониться уже никто не будет, тем более, что взяли вас практически с поличным. В общем, даю вам минуту на размышления.

– Нет, я скажу... все, что вы хотите знать... Но что тогда? – спросил Ковач заискивающе.

– Обещать пока ничего не могу. Но, если все пойдет как надо, я буду ходатайствовать о максимально возможном снисхождении по отношению к вашей персоне. Это понятно?

– Хорошо, так что вы хотели бы знать?

– Ну, во-первых, откуда монеты? – Альфред приготовился слушать, откинувшись на спинку стула.

– Со мной расплатился ими один моряк... Я и тогда заподозрил неладное, но не мог понять, в чем тут подвох...

Альфред ударил кулаком по столу:

– Все, Ковач, хватит! Это что же он у вас купил на такую сумму? Табун племенных арабских жеребцов?

– Ну... у меня был довольно крупный бриллиант...

– Ясно! С меня довольно! Передавайте привет господину канцлеру, из подвала, где вы будете висеть на дыбе. – Альфред демонстративно встал и захлопнул папку.

– Но я правду говорю! – взмолился Ковач.

– Что?! – Взревел Альфред.– Правду?! Золото алхимическое, это любой эксперт подтвердит! Ни в каких деньгах мира не использовалось золото такой чистоты! А где, спрашивается моряку заниматься алхимией? В трюме что ли?

– Ну, может, он тоже от кого-то получил их... Я не знаю...
– Ковач дрожал, и явно пытался выдумывать что-то прямо на ходу.

– Да неужели? Ну что ж... Дождемся результатов обыска. Но если я найду подтверждения своим подозрениям, я больше с вами говорить не буду. Золото как таковое, меня и мое Министерство, знаете ли, не особенно волнует. Мне нужны ваши показания совсем по другому поводу. Но такие показания, на которые я мог бы опереться в дальнейшем, которым можно было бы доверять всецело. Это понятно?

– Да, – вздохнул Ковач. – Понятно.

– Итак, я вас спрашиваю в последний раз. И вообще на будущее: я перед вами карты раскрыл. Вы мне перестанете быть интересны, как только снова начнете лгать. Это тоже понятно?

– Да, господин старший дознаватель.– Ковач кивнул.

– Тогда, отсюда и вопрос: откуда золото?

– Я нашел небольшой клад медных и серебряных монет. Довольно давно. Стоил он немного, да и по закону, надо сдавать только золото, вот я и оставил себе... Ну, а потом – да – вы правы, у меня произошла удачная трансмутация, и я сумел превратить несколько десятков бронзовых монет ...

– Понятно...– ответил Альфред.– В доме вашем еще есть золото?

– Немного есть, но не помню сколько точно. Монет десять или пятнадцать... Бронза и серебро... тоже еще есть немного. Там не только статеры, к слову. Там есть и серебряные монетки, достоинством двадцать лепта. Они с отверстием в центре. На них изображен древний воин, оливковая ветвь и надпись по-гречески: 20 лепта.

– Хорошо. А вот почему у вас вдруг трансмутация взяла, да и получилась? Насколько я понимаю, прежде вы к алхимии были довольно равнодушны. Или нет?

– Не то что бы... Просто таланта не было. Интерес был, пожалуй, но вот таланта, усидчивости, этого точно не было никогда,– ответил Ковач, вздохнув.

– Так как же все-таки получилось? И не говорите мне про случайность, я вас сразу предупреждаю.

– Знаете, господин старший дознаватель, элемент случайности тут все-таки имел место. Книгу я нашел, особенную, где все было довольно понятно изложено.

– Нашли? Вот это да! – Воскликнул Альфред с явным сарказмом.– И где же, позвольте осведомиться. Наверное, на скамейке в парке? Забыл кто-нибудь?

– Нет. В архиве, где я служу,– ответил Ковач, делая вид, что не понимает сарказма.

– Вот как? И как же это произошло? Когда?

– Произошло это с полгода тому назад. Я отбирал книги

на реставрацию, а также приводил в порядок картотеку, ну и наткнулся.

– Название книги! Кто автор?

– Автор – Фулканелли, а название – «Сухой путь Единорога и Девы». Но книга – на латыни.

– Ну что ж, может быть, вы покажете мне ее?

– Она в архиве, а доступ туда строго ограничен... – сказал архивариус смущенно, и как будто с некоторой надеждой в голосе.

– Я знаю. Но у меня есть доступ в любой архив, как вы понимаете. Тем более, что там было совершенно убийство, не так ли?

– Да это верно. Тоже с полгода тому. Точную дату можно найти, видимо, в полицейских отчетах.

– Хорошо, неважно пока что. Но, вернемся к книге. Вы мне покажете ее?

– Ну, если мы окажемся в архиве... Тогда – конечно. Но я должен получить письменный приказ, чтобы я смог вас туда впустить.

– Ну, об этом можете не беспокоиться, – заверил его Альфред, – Завтра же и посетим ваш архив. А пока что расскажите, что вы помните о том убийстве?

– Да ничего особенного. Пришел я на службу к девяти, как обычно. Проверил печати на дверях, и обнаружил, что они сорваны. Согласно инструкции отослал двух посыльных – они всегда присутствуют при вскрытии архива – одного к

бургомистру, а другого – в полицию. Через час появился констебль – не помню, кто именно – и какой-то клерк из магистрата. Дело это вообще-то не шуточное. В общем, открыл я при них архив, мы все осмотрели и обнаружили труп между стеллажей.

– Как он выглядел?– спросил Альфред.

– Обычный человек. Мужчина, лет тридцати, тридцати-двух. Лежал на спине с ножом в груди. Полиция вроде пыталась выяснить время убийства, они как будто привлекали для этого доктора Вейхснера. Доктор сказал, что этот человек был убит около полуночи. Это все, что мне известно.

– А вам лично ничего в глаза не бросилось? Быть может, показалось странным?

– Да нет... Ничего такого. Кроме, конечно, самого факта, что некто посторонний проник в столь защищенное помещение.

– Вы подходили к трупу?

– Да что вы! – Ковач даже отмахнулся. – Я боюсь мертвецов, а тут еще в таком месте...

В дверь тихо постучали.

– Войдите, – ответил Альфред.

В комнату, запыхавшись, вошел Маркус. Он явно куда-то торопился, его лоб был сплошь покрыт крупными каплями пота. Он поманил Альфреда, мол, нужно кое-что сказать наедине, и тотчас ускользнул за дверь.

– Я вернусь, а вы попробуйте вспомнить еще что-нибудь, –

сказал Альфред, а затем резко встал и тоже вышел.

Не дожидаясь, пока его спросят, в чем, собственно, дело, Маркус почти шепотом сказал:

– Извините, мой друг, я не смогу сегодня вам помочь. Да и вряд ли я буду так уж полезен при допросе. Я в этом мало смыслю.

– Хорошо, не страшно, – ответил Альфред, а затем спросил: – Как ваша племянница? Прибыла?

– Да, все отлично. Сейчас ею занимается Иосиф. В общем, так... Я сейчас пойду к себе в контору, поскольку появилось несколько неотложных дел, они уже с ног сбились, меня разыскивая. Заодно также разберусь с текущими делами, дам поручения, и все такое... – он махнул рукой куда-то в сторону, – а после мы могли бы вместе пообедать.

– Отличная мысль! – одобрил Альфред. – Где?

– Давайте в полдень в «Золотом колесе»? – предложил Маркус.

– Отлично. Тогда – до встречи, – кивнул Альфред и затем вернулся в допросную.

– Итак, на чем мы остановились? – Спросил он у Ковача, раскрывая папку.

– Вы интересовались деталями того убийства в моем архиве. – С показным энтузиазмом ответил Ковач.

– Да, и вы мне ничего толком не рассказали, – задумчиво сказал Альфред. – И на кой черт мне с вами возиться, скажите на милость? Потерял час времени, и совершенно без

толку!

– Но я, правда, об этом мало что знаю!– взмолился Ковач.

– Вот как? Значит так...– сказал Альфред сухо. – У вас будет время подумать до завтра. Я не прекращаю общение с вами прямо сейчас только потому, что вы мне еще понадобится завтра в хранилище. Однако если вы и завтра станете темнить, то это уж точно будет наша последняя встреча. Все ясно, Ковач?

– Я не...– Ковач скрестил руки на груди.

– Уведите арестованного, – сказал Альфред конвоирам, и те, щелкнув каблуками, подошли к архивариусу и надели на него бурые от ржавчины ручные и ножные кандалы.

Глава 11

– И знаете, кто оказался задержанным нами игроком?–

Альфред откинулся на спинку стула.

– Кто? – спросил Маркус, отпивая пиво из кружки.

– Золтан Ковач, собственной персоной! – Альфред торжествующе посмотрел на Маркуса, и на то, как у него от удивления стали округляться глаза.

– Кто-кто?– Маркус даже поставил кружку на стол.

– Да-да, мой друг! Он самый. Я, признаться, тоже был не на шутку удивлен. Но, честно сказать, пока что толку мало. Он темнит. Я это чувствую.

– Правда? Почему вы так думаете?– Маркус оторвал кусок мяса от ножки тушеного кролика.

– Не знаю... Чувствую. Я еще не видел ни одного алхимика, у кого бы получилась удачная трансмутация случайно. А он все плетет что-то про какую-то книгу, которую нашел в архиве... Но вы же сами понимаете, что читать алхимический трактат – все равно, что продирааться сквозь заросли тёрна... Нужны годы и годы...

– Или же чье-то водительство, – заметил Маркус.

– Именно! А вот об этом он как раз – ни слова! Нет, тут какая-то очень серьезная тайна, если он рискует пойти на каторгу ради нее. Понимаете?

– Думаете его разговорить? – спросил Маркус.

– Надеюсь, но пока не знаю, как именно? Надо его сводить в архив, это понятно. Но что если книга и в самом деле окажется на месте? Как доказать, что она не могла ему принести такую удачу?

– Предоставьте это мне. Вот тут, я думаю, что мог бы вам быть полезен, – сказал Маркус, снова отпивая из кружки.

– Правда? И какие же у вас идеи? – спросил Альфред.

– Я еще не знаю точно. Но алхимия – это ведь не просто наука. Не скажу, что я в этом специалист, ибо философский камень я все-таки еще не получил ни разу, но, тем не менее, я думаю, что разбираюсь в этом лучше вашего Ковача. Попробуем его поймать на неточностях.

– Ну что ж. Тогда я выхлопочу пропуск и для вас тоже. Да, кстати! Я ведь вам еще должен сделать удостоверение младшего дознавателя! Займусь этим сразу же после обеда!

– Вот и отлично! – улыбнулся Маркус, – а вечером – извольте ко мне на шерри. И заодно познакомитесь с Сандрой.

– Что ж... с удовольствием. Спасибо. – Альфред кивнул.

– Прекрасно! – снова улыбнулся Маркус, – а пока что, думаю, нам стоит вернуться к своим делам, не так ли? Всего несколько дней меня не было в конторе, а ощущение такое, будто все вот-вот рухнет! Эти остолопы ни шагу не в состоянии сделать самостоятельно!

– О, это мне знакомо очень хорошо, – понимающе кивнул Альфред.

– Значит, до вечера? – Маркус бросил на стол несколько монет.

– Буду к семи, – ответил Альфред, – как всегда.

Он тоже встал, оставил на столе монету в половину талера и двинулся к выходу.

Был уже вечер, когда Альфред подошел к двери дома Маркуса. Ступив на порог, он несколько раз стукнул дверным молотком. Дверь отворил Иосиф. Он, молча, поклонился, и отступил в сторону, давая Альфреду войти в дом. Он, также молча, принял у гостя пальто, шляпу и трость, а затем коротко сообщил:

– Хозяин в гостиной. Не угодно ли пройти туда?

Альфред кивнул. В гостиной уже горел камин, стояли три кресла и на низком столике были накрыты холодные закуски.

– Альфред, друг мой, позвольте вам представить мою племянницу! Сандра, подойди, пожалуйста, познакомься!

С кресла поднялась девушка лет двадцати или чуть старше. Она была довольно высокая, с густыми черными волосами и такими же глубокими и черными, словно африканские колодцы, глазами. Она протянула руку, и Альфред нагнул голову в жесте поцелуя.

– Рекомендую тебе, это – герр Альфред фон Ланге ...– немного замявшись, сказал Маркус Сандре.

– О нет, зовите меня, как и ваш дядя – просто Альфредом. Прошу вас!

Сандра улыбнулась. Они расселись, Маркус принес три бокала янтарного шерри.

– Итак, – начала Сандра, – что вы мне можете поручить?

– Хм... – Альфред поставил бокал. – Быть может, о делах мы поговорим завтра? Хотя... Кстати... – Альфред полез в боковой карман и достал два листа казенной бумаги. Один он протянул Маркусу, и другой – Сандре.

– Ого! – присвистнул Маркус, – «младший дознаватель Министерства»! Звучит отлично!

– Извините, мой друг. Я не мог вас сделать «старшим». Меня бы не поняли даже в магистрате, поскольку для этого нужно иметь не менее десяти лет следственной практики. Это в любом табеле о рангах прописано. Надеюсь, это название вас не оскорбило?

– Да бог с вами, Альфред! Я же шучу. Все равно, это ведь временное удостоверение, не так ли?

– Ну да, конечно. А вы, фройлен, я надеюсь, не возражаете против должности секретаря на первых порах? – спросил Альфред, обращаясь к Сандре.

– Нет, что вы, господин Ланге! Я очень рада быть вам полезной!

– Альфред, – поправил ее Альфред. – «Господин Ланге» – это в официальной обстановке. Договорились?

– Хорошо, Альфред, как вам будет угодно, – Сандра несного смутилась и опустила глаза.

– Вот и отлично. Теперь насчет завтра. – Альфред отпил

из бокала.— У меня есть пропуск в архив для меня и для вас, Маркус. На сей раз, мой друг, вы мне действительно будете нужны как никогда. В качестве эксперта. В старых фолиантах вы и вправду разбираетесь даже лучше, чем я в старом золоте.— Альфред снова глотнул и поставил бокал на столик.

— Таким образом, — продолжал он, — вы, Сандра, завтра можете быть свободны. Осмотритесь в городе, сделайте покупки, если нужно. А послезавтра, возможно, для вас будет работа. Пока еще не знаю точно, но все может быть.

— Значит, я уже официально на должности? — улыбнулась Сандра.

— Да. Я уже отправил уведомление в Министерство, что открываю две временные должности: младшего дознавателя и секретаря. Это формальность. Такие полномочия у меня имеются. Так что, с завтрашнего дня вы получаете жалование в размере пятнадцати талеров в неделю. Могу выплатить семь талеров аванса прямо сейчас, если желаете.

— Благодарю, это успеется,— ответила Сандра.

— Впрочем, знаете что... — Альфред задумался, — Попробуйте завтра посетить городской и полицейский архивы. Выпишите мне все, связанное с делом Клавдии. С деталями, по которым можно найти ее дело, думаю, вас Маркус ознакомит, он знает больше. Меня интересует все: от биографических данных — когда и где родилась, кто родители и все такое, и до каких-нибудь последних новостей. Ну, скажем, вдруг она вышла замуж или еще что-нибудь в таком роде.

Это должно быть в отделе регистрации гражданских состояний как-то отражено.

– Понятно. – Сандра кивнула.

– Ну, вот и хорошо. Маркус, я думаю, мне уже пора. Фройлен нужно хорошенько отдохнуть. А мы встречаемся в девять в секретном архиве или в восемь в «Золотом колесе» за завтраком. На ваше усмотрение.

– Я, видимо, приду сразу в архив... Думаю, Сандре будет неловко в первый же день завтракать одной.

– Да, конечно. Разумеется. Я мог бы и сам об этом подумать, извините. – Альфред встал, и слегка поклонившись, направился к двери.

Глава 12

Младший регистратор мэрии – маленький круглолицый человек, который почему-то, в результате, так и не представился, а также младший констебль Джереми Йорк пыхтели и ругались в полголоса у входной решетки, тщетно пытаясь вот уже с полчаса подобрать ключ к замку. Ключей и вправду было много, да и замок тоже был явно не из тех простеньких, что по дешевке распродают кузнецы под конец всякой ярмарки. Одним словом, отпираться решетка никак не желала. Маркус и Альфред тихо переговаривались, сидя на грубой деревянной скамье в углу зала, в котором должен был бы, по-видимому, по замыслу архитектора находиться привратник. Альфред покурил сигару, Маркус покачивал ногой, закинув ее за другую ногу. Ковач стоял напротив, и от скуки переминался с ноги на ногу и поглядывал время от времени то в потолок, то в пол.

– Говорю же, ничего у них не выйдет! – заявил он уже в третий раз.– Дайте мне попробовать! Там есть хитрость одна.

– Хитрость? – спросил Альфред. – Что за хитрость?

– Не могу сказать. Не велено... Я поклялся, понимаете?

– Ну ладно, – Альфред встал и подошел к констеблю. – Йорк, будьте так добры, передайте ключи арестованному. Поглядим, что там за хитрость у него такая...

Констебль кивнул и протянул ключи Ковачу. Тот не торопясь подошел, осмотрел связку, выбрал нужный ключ, а затем сжал его между ладоней. Одновременно он почему-то закрыл глаза и стал что-то еле слышно шептать. Альфред попытался прислушаться, но, как ни старался, различал лишь отдельные слова: «Замри»... «именем его»... «напасти» ... «сметут»... «слово мое крепко», – доносилось лишь изредка до его слуха. Затем Ковач вставил ключ в скважину и без особого труда провернул его два раза. Решетка с протяжным скрипом отворилась.

– Понятно... – сказал Альфред, – а теперь, без фокусов Ковач! Вы меня поняли?

– Разумеется, – ответил тот и пожал плечами, словно бы в недоумении, относительно того, куда Альфред, собственно, клонит.

– Что изволите осмотреть сначала? – спросил он, ступая внутрь архива.

– Так... во-первых, покажите, где был обнаружен труп, – ответил Альфред.

– Что ж, прошу вас, – Ковач приглашающим жестом указал куда-то вперед. Все двинулись за ним. Констебль, согласно инструкции остался у открытой решетки охранять вход в хранилище.

Двигаясь за Ковачем, остальные пересекли несколько сводчатых помещений, уставленных стеллажами, столами и полками с разнообразными экспонатами. Вскоре старший

архивариус остановился и, развернувшись лицом к присутствующим, указал рукой в проем между застекленными шкафами:

– Здесь я его и нашел, – коротко констатировал он.

Альфред и Маркус подошли к шкафам и осмотрели книги, которые стояли на полках. Однако, даже спустя четверть часа скрупулезного осмотра, ни один фолиант так и не привлек их внимание. По большей части все книги были напечатаны, а чаще – написаны от руки, на каких-то совсем уж непонятных, возможно даже мертвых языках. На полу они также не увидели ничего подозрительного.

– Ясно... – сказал Альфред. – А теперь покажите книгу, которая вам якобы помогла удачно завершить трансмутацию.

– Что ж... извольте, но для этого надо будет вернуться немного назад. – Он снова приглашающим жестом указал куда-то в обратном направлении, куда все и последовали. Пройдя быстрым шагом три или четыре зала, все снова остановились у одного из стеллажей. Ковач подошел и обвел стеллаж широким взглядом. Затем, он стал водить пальцем по кожаным корешкам с осыпавшейся позолотой букв, и наконец, нашел то, что нужно. Он вытащил книгу и затем вышел в галерею, где его ожидали остальные.

– Вот она! – объявил он и протянул книгу Альфреду. Тот аккуратно взял фолиант коричневой кожи в руки, повертел его перед глазами и затем передал Маркусу. Маркус засунул

книгу подмышку и затем полез за очками.

– Так... Ага... Понимаю...– бубнил Маркус, раскрыв оглавление книги. – И как вы о ней узнали?– Маркус поднял глаза на Ковача. – И расскажите в двух словах, что именно стало главной причиной вашего успеха?

– Пропорции, в основном. – Ответил Ковач безразлично.

– Пропорции чего? – уточнил Маркус.

– Ну, во-первых, ртути и висмута. Затем очень важно было на фазе рубедо²³ не пропустить такой, знаете ли, рыжеватый дымок и отогнать его в отдельную реторту.

– Что за дымок? – Переспросил Маркус, немного удивившись.

– Кажется, он там называется Меркурием Философов. Но я могу и перепутать. Я в теории вообще-то не очень силен, – признался Ковач.

– Вы могли бы повторить ваш эксперимент?

– Думаю, что да. Но не в тюрьме же. – Ковач снова пожал плечами.

– А как называется книга, вы помните? – спросил Маркус.

– Да, конечно... Это... Там довольно длинное название, но сначала так: «Unicornis et Virgin sicco semita»²⁴

– Вот как? А автора тоже можете назвать?

– Разумеется!– Ковач немного скривился, мол, что за ду-

²³ Последняя фаза алхимического деланья, связанного с получением философского камня.

²⁴ «Сухой путь Единорога и Девы» (лат.)

рацкие вопросы!– Фулканелли, кто же еще?

– Quid est iuxta castrorum loca experimentum vestri?²⁵–
невозмутимо перешел на латынь Маркус.

– Мне отвечать на латыни? – уточнил Ковач.

– Ita, quaeso²⁶, – кивнул Маркус.

– Experimentum eius solito constat ex quattuor gradus.
Factum est – atramenti sutori, albentes, mutatio flavo, transitus
rubrum. Non desiderari?²⁷

– Ясно.– Ответил Маркус. И немного замялся. Было ощущение, что он не ожидал подобного и рассчитывал вывести Ковача на чистую воду за несколько минут.

– Ну, хорошо, к алхимии мы еще вернемся.– Вступил в разговор Альфред,– А вот скажите, Ковач, в какой книге описано, как добиться того, чтобы постоянно выигрывать?

Ковач слегка вздрогнул, он явно не ожидал этого вопроса.

– А кто это все время выигрывает? Я что ли? Да, мне везло немного в последнее время, но не так, чтобы уж совсем...

– Да неужели? – саркастически улыбнулся Альфред. – А вот по моим сведениям, вы не проиграли в маджонг за последние двадцать восемь дней ни разу! И при этом вас постоянно пытались поймать на шулерстве. Разумеется, если бы им это удалось, мы бы тут уже не беседовали! Но – увы.

²⁵ Из каких этапов состоит ваш эксперимент?(лат.)

²⁶ Да, будьте любезны (лат.)

²⁷ Как обычно, из четырех. Чернение, беление, желтая трансформация и красный переход. Я ничего не упустил?

Все, видимо, выглядело чисто.

– Что я могу сказать? Ну, вот такое везение! Я даже молился, чтобы мне повезло. Вот, быть может, Господь и услышал меня...

– Хватит кривляться, Ковач! Я вас больше предупреждать не намерен! Я уже сто раз вам говорил, что вы мне интересны лишь самую малость, и лишь по одному очень узкому вопросу. И я, вроде как даже заключил с вами сделку, но, похоже, до вас, это так и не дошло, не так ли?– Альфред уже навис над несчастным Ковачем, который изо всех сил старался сохранять достоинство.

– Да, вы говорили... Но я не знаю, что сказать относительно выигрышей...

– Ясно. На этом все, Ковач. Извольте пройти к выходу. Констебль вас проводит в камеру. А завтра я вас передам по инстанциям. – Альфред развернулся и направился к решетке, где дежурил Йорк. Маркус последовал за ним.

– Господин старший дознаватель... – голос Ковача задрожал, но Альфред не обернулся. – Господин Ланге!..

Альфред остановился, и слегка повернул голову.

– Но я говорю правду... – взмолился Ковач.

Альфред продолжил шагать к выходу.

– Господин старший инспектор!... – голос Ковач перешел в надрыв, – Остановитесь, прошу вас!

Альфред продолжал идти в том же темпе. Ковач семенил сзади.

– Хорошо! Я скажу! Но только вы остановитесь!

Альфред остановился и посмотрел на Ковача с презрительной усмешкой.

– Понимаете, все это было очень странно... я встретил одного человека... – начал Ковач, казавшийся уже совершенно раздавленным. – Я боюсь, что вы мне снова не поверите!

Тут сзади неслышно подошел младший регистратор, и, легонько коснувшись плеча Ковача, тихо осведомился:

– Господин, Ковач, когда в последний раз вы проводили инвентаризацию? Мне господин Феррано велели отчет составить, – и, повернувшись к Маркусу и Альфреду, он, слегка поклонившись, так же тихо добавил:

– Простите господа, что перебиваю: служба.

– Позвольте ответить? – спросил Ковач у Альфреда.

Альфред немного раздраженно кивнул.

– В марте этого года.

Альфред затем подошел к Ковачу поближе, и, оттеснив регистратора немного в сторону, повернулся к нему спиной. Затем он снова навис над арестованным:

– Какой еще человек? – спросил он страшным голосом, – Имя! Живо!

– Имя... – повторил Ковач, – да, имя... как же... сейчас...

А затем по его лицу пробежала странная тень, он упал на колени, схватился за горло, рванул ворот, и через секунду упал замертво. Альфред и Маркус ошарашено переглянулись и склонились над телом:

– Не трогать! – сказал Альфред строго, видя, что Маркус, протягивает руку, дабы проверить пульс.

А когда спустя минуту, губы Ковача стали чернеть, а тело начало скукоживаться, принимая позу, похожую на кулачного бойца, они отпрянули. Никто не знал, что, собственно, нужно делать в таких случаях.

Альфред поискал глазами младшего регистратора, с тем, чтобы поручить ему сбежать за полицией и доктором, но тот куда-то исчез.

– Эй! Как вас там! Вы где? – закричал Альфред что есть силы. Но никто не ответил. Тогда он прокричал еще сильнее. На крик прибежал испуганный Йорк.

– Что случилось, герр Ланге? – немного запыхавшись, спросил он.

– Йорк! Мимо вас проходил этот младший регистратор?... Ну этот круглолицый, с которым вы решетку пытались открывать?

– Никак нет, герр Ланге. Никто не проходил!

– Ладно. Бегите в полицию и за доктором. Мы тут подежурим.

– Есть! Разрешите выполнять?

– Да! И поскорее! Прошу вас!

– Слушаюсь! – ответил Йорк, и, повернувшись на каблуках, побежал прочь из библиотеки.

– Маркус, надо запереть решетку и осмотреть помещения. Вдруг он еще тут прячется... Хотя, конечно, шансов мало...

Он, скорее всего прошмыгнул, когда Йорк пост покинул... Черт побери! Как же это я... Но решетку, все равно надо запереть... мало ли... Вот вам ключи, будьте добры, закройте ее, а я пока осмотрю тут, что смогу, если не возражаете.

Маркус с готовностью кивнул, взял ключи и побежал к выходу. Альфред отошел в сторону на несколько метров, и стал вспоминать события последних минут. Вот регистратор подходит со своим вопросом, перебивает, Альфред его оттесняет в сторону, становится спиной... Куда он потом пошел мог видеть только Маркус, но в сторону выхода он точно не двигался, поскольку в этом случае Альфред бы его заметил. Следовательно, он еще где-то здесь. Но где? Надо, видимо, начинать искать отсюда...

Вскоре прибежал Маркус, и, немного запыхавшись, сообщил:

– Я все закрыл! Никто вроде бы не выходил...

– Понятно, ответил, Альфред без особого энтузиазма, – Ну что ж, пойдёмте... Быть может, он еще здесь..

Альфред вынул из трости стилет.

– Хотя... Если честно, я думаю, его и след уж давно простыл...

– Почему вы так думаете? – все еще отдуваясь, спросил Маркус.

– Да все потому же, мой друг... – Ответил Альфред и зачем-то снова вложил стилет в ножны, – Мы имеем дело с очень умным и осторожным противником. Впрочем, ладно,

давайте все проверим, как говорится – для протокола, а там посмотрим, что дальше делать.

Маркус кивнул и тотчас предложил:

– Давайте я возьму левую сторону, а вы – правую, или наоборот. Как?

– Ну что ж... – ответил Альфред, совсем уж понурившись, – извольте: левая – ваша.

Они разошлись и спустя минут сорок, когда уже почти дошли до конца услышали шум у входа.

– Нет уж, – сказал Альфред, – подождут. Нам еще минут пять – семь, не больше.

Они дошли до глухой стены и Альфред констатировал:

– Никого! Как я и думал. Ладно, давайте впустим доктора и полицию.

Маркус кивнул, и сказал:

– Но мы так и не нашли ларец с завещанием. Быть может, после того, как впустим доктора и всех прочих, пройдем еще раз?

– Да, возможно вы правы, надо бы пройти еще раз... – Альфред был явно очень расстроен и раздражен.

– Ну, друг мой, давайте убедимся, а там – видно будет, – примирительно отозвался Маркус.

– Да, верно, ну, что ж... пойдете, откроем... Но все равно: вы по левой стороне идите, а я по правой. Вдруг этот мерзавец все-таки где-то затаился.

– Да-да. Это – само собой, – ответил Маркус.

Они медленно двинулись обратно к решетке. Минут через пятнадцать они добрались до входа, где нетерпеливо прохаживались взад и вперед несколько констеблей и почти у самого входа стоял, поджав губы, доктор, явно раздраженный случившейся заминкой.

Глава 13

Маркус и Альфред молча и не торопясь вышли на улицу. Первым заговорил Альфред:

– Предлагаю вот что... я сейчас пойду в магистрат, надо выяснить личность этого младшего регистратора. Вам, возможно, стоит заглянуть к себе в контору: наверняка снова дел поднакопилось. А вечером я заскочу к вам и все расскажу, что сумею выяснить, и тогда же выслушаем Сандру, что ей удалось узнать по Клавдии. Договорились? – он вынул изо рта спичку, которую немного нервно принялся жевать с минуту назад, и затем резко отбросил в сторону.

– Ну что ж... Если я вам больше не нужен...

– Вы мне нужны, как никогда, – глаза Альфреда сузились, и он заговорил немного отрывисто, – просто сейчас есть ряд дел, которые младшему дознавателю обычно не поручают. Не то, чтобы я вам не доверял, но нас в магистрате могут просто не понять.

– Нет-нет, что вы! Я не в том смысле, – Маркус поднял ладонь вверх, словно останавливая Альфреда, – И потом, признаться, я ведь и сам хотел вас просить о том, чтобы прерваться на пару часов. У меня действительно есть несколько неотложных дел в конторе.

– Ну, вот и хорошо. Знаете, что... – немного нахмури-

шись, спросил Альфред, – Вам доводилось прежде разговаривать с вдовой бургомистра?

– Да, конечно. Это – замечательная женщина.

– Не сомневаюсь. А после смерти бургомистра, вы с ней тоже разговаривали?

– Нет, я лишь послал письмо с соболезнованиями. Я подумал, что так будет приличнее, в силу того, что друзьями мы, собственно, не были ни с бургомистром, ни с ней.

– Понятно. – Альфред задумался. – А не могли бы вы с ней как-нибудь встретиться теперь, поговорить, завести, быть может, более тесное знакомство?

– Зачем? – удивился Маркус.

– Пока не знаю, – сказал Альфред прямо. – Видите ли, формально, я обязан ее допросить, но пока что не хочу этого делать. Просто чувствую, что еще рановато. Однако, меня, тем не менее, интересует, что она может рассказать о последних днях жизни супруга. Я почти уверен, что ничего особенно интересного мы в результате этого допроса не получим, но кто знает? Вдруг какой-то след покажется... Да и формальную сторону стоит все-таки соблюсти, как вы полагаете?

– Понимаю вас. Я подумаю, как это будет лучше устроить. – Маркус немного нахмурился.

– Ну, вот и отлично. Благодарю вас, Маркус. Ваша помощь действительно для меня неоценима!

– Да бог с вами, Альфред! Какая там помощь! Пустяки, да и только.

– Ну, хорошо. – Сказал Альфред примирительно, – В общем, встречаемся вечером, как договорились?

– Да, конечно. – Маркус кивнул. – Жду вас к семи у себя, как обычно.

Затем, слегка поклонившись, и прикоснувшись к шляпе, Альфред развернулся и пошел в сторону магистрата.

Альфред вошел в уже знакомую приемную магистрата. За столом секретаря вместо Манфреда сидела женщина средних лет в платье до пят, закрывавшем также полностью руки и шею. Держа двумя пальцами пенсне, она, слегка щурясь, сортировала только что полученную корреспонденцию. Альфред кашлянул. Женщина подняла на него вопросительный взгляд.

– Слушаю вас, господин...

– Ланге. Фон Ланге, если угодно. Я вот по какому делу. Меня интересует один из служащих вашего магистрата.

– Вот как? И кто же именно? – женщина положила пенсне на стол и направила слегка прищуренный взгляд на Альфреда.

– Видите ли... я не знаю его имени, и, более того, как раз имя я и хотел бы узнать в первую очередь. Насколько мне известно, он занимает должность младшего регистратора здесь, при магистрате.

– Но таковых у нас, не менее десяти, или даже больше...

– Понимаю. Это мужчина небольшого роста, примерно такого, – Альфред поднял ладонь над полом, чуть пониже своего плеча. У него круглое лицо, что еще... На вид ему лет тридцать пять – сорок.

– А, я знаю, кто вам нужен, – ответила секретарь, – это Этьен Бланкар. Но его сейчас нет, увы.

– Вот как? А где же он? – искренне удивился Альфред.

– Простите, а вы кто? И по какому делу вам понадобился месье Бланкар?

Альфред подошел к столу и положил перед женщиной удостоверение Министерства. Женщина взглянула на него, и понимающе кивнула.

– Не представляю, если честно, чем месье Бланкар мог заинтересовать ваше учреждение? Это в высшей степени добродетельный гражданин. Я знаю его уже несколько лет.

– Вот как? И что вы можете о нем сказать? – спросил Альфред, доставая блокнот.

– Да, ничего особенного. Очень усердный клерк, точен и аккуратен. В работе ошибок не допускает. В общем, им были все всегда довольны. Да и характер у него, надо сказать, легкий, работать с ним приятно.

– Понимаю. А где он сейчас?

– Он, видите ли, взял отпуск на неделю. Собрался на похороны тети в Сент-Феликс. Он уехал три дня тому назад.

– Вот как? – Альфред что-то записал в блокнот. – Скажите, а кто из служащих магистрата обычно присутствует при

открытии специального архива?

– Ну, это требуется лишь в особых случаях, когда, скажем, сломаны печати, ну, или вообще замечены какие-то нарушения. В этом случае, любой чиновник может присутствовать, а затем он обязан написать отчет. В общем, это каждый может сделать.

– А сегодня вас просили прислать чиновника для открытия архива?

– Не знаю. Надо бы спросить об этом в регистрационном отделе. Он находится на втором этаже, справа по коридору.

– Благодарю вас, фрау...

– Жаме. Франсуаза Жаме, если точнее.

– Благодарю вас мадам Жаме. Вы мне очень помогли. Всего доброго! – Альфред поклонился, и затем, развернувшись, направился к двери.

Зайдя в регистрационный отдел, который нашелся без особого труда, Альфред спросил у клерка, сидящего за ближайшим к двери столом, где можно найти начальника. Тот, как Альфред и предположил, войдя в комнату, сидел за бюро в самом углу у окна. Комната, или точнее – зал, где располагался регистрационный отдел, был довольно большой и сплошь заставлен стеллажами и письменными столами, за которыми сидели чиновники, и сосредоточено щелкая на счетах, что-то время от времени записывали в больших книгах. На вошедшего никто не обратил ни малейшего внимания. Альфред прошел к бюро в углу и поздоровался. Пожи-

лой господин с сизым носом и густыми седыми бакенбардами недовольно взглянул на Альфреда из-под таких же седых кустистых бровей.

– Прошу меня извинить, – начал Альфред, – но у меня к вам есть несколько вопросов. Надеюсь, что не задержу вас более чем минут на десять.

– Слушаю вас, – буркнул главный регистратор, и откинулся на спинку кресла.

– Меня интересует, получали вы ли сегодня запрос на то, чтобы прислать чиновника к открытию специального архива?

– А вы кто, собственно? – осведомился главный регистратор, бросив недовольный взгляд из под своих кустистых бровей.

Альфред положил перед ним удостоверение. Взглянув на него одним глазом, начальник, нисколько не изменившись в лице, сообщил:

– Нет. Никто не просил. А что?

– Ничего. А что вы можете сказать о вашем служащем – Этьене Бланкаре?

– Бланкаре? Ну что... – он слегка пожал плечами, – Отличный работник. Вежлив, аккуратен. Но его сейчас нет, увы...

– Вот как? И где же он?

– Взял отпуск на неделю. Уехал на похороны.

– Давно?

– Три дня, как уехал.

– Что ж... Ясно. Спасибо.– Альфред поклонился.

– Это все?– не меняя позы, осведомился начальник.

– Да. Не смею более вас отвлекать от дел, господин...

Начальник не назвал своего имени, и все также сурово шуря глаза, отвернулся к своим бумагам.

– В общем, всего вам доброго! – Альфред слегка поклонился уже почти в спину, а затем, повернувшись к двери, зашагал прочь.

Идя по бульвару, он вдруг подумал: «А кто же в таком случае дал запрос на присутствие Йорка?». Эта мысль так поразила его, что он развернулся на месте, и тотчас отправился в управление полиции. Дежурный откозырял, и сообщил, что шеф у себя, и, перейдя на шепот, добавил: «Но в крайне дурном расположении духа». Альфред поблагодарил, и все же двинулся к шефу.

– Добрый день, господин Вольф, – Альфред поклонился.

Шеф поднял на него удивленный взгляд. Он, похоже, и вправду был очень сердит.

– Извините, что отрываю, у меня всего один вопрос: кто обычно получает запросы на присутствие констеблей во время открытия специального архива?

– Архива? – шеф, похоже, еще витал где-то среди своих злобных мыслей, – Какого архива?

– Ну того самого, куда требуется специальное разрешение магистрата. Ну, Золтан Ковач, арестованный вчера, был там хранителем.

– А... я понял... Обычно, этим занимался старший делопроизводитель. Что-нибудь снова случилось? – спросил шеф подозрительно.

– Случилось, – ответил Альфред сухо.

– Что именно? – на полном лице шефа появилось выражение вроде: «только этого мне еще не хватало!»

– Ковач убит, – спокойно ответил Альфред.

– Как это? Кем? – шеф даже привстал.

– Очевидно, кем-то из служащих магистрата. Но это долго рассказывать, там все очень непросто. Я все равно буду писать рапорт в Министерство, я вам сделаю копию. Поверьте, так будет лучше.

– Ну что ж... Буду благодарен. – Шеф снова уселся в кресло и уткнулся в бумаги. Затем поднял голову и спросил, – Вы знакомы с нашим делопроизводителем?

– Да, конечно, благодарю вас. Не смею вас больше отвлекать. – Альфред прикрыл за собой дверь.

Делопроизводитель сидел за своим столом и составлял какой-то реестр.

– Могу я вас отвлечь на минутку? – спросил Альфред.

Чиновник вопросительно поднял глаза:

– Слушаю вас, господин Ланге.

– Вы получали запрос на то, чтобы прислать констебля к открытию специального архива?

– Да, а что?

– Что это бы за запрос? Можно взглянуть?

– Постараюсь его найти. Это обычное официальное письмо магистрата. Оно лежало у меня на столе, когда я пришел на службу.

– Вот как? Можно, все-таки на него взглянуть?

– Конечно, конечно... где же оно... ага – вот! – делопроизводитель выудил из-под папок лист бумаги.

Альфред взял его в руки и, пробежав глазами сверху вниз, тотчас вернул чиновнику обратно.

– Да действительно... Ничего особенного – обычный запрос. А кто его доставил? – спросил он.

– Не знаю, наверное, как всегда, посыльный принес. А может, с утренней почтой... Не могу сказать, поскольку, когда я пришел, письмо уже было у меня на столе. А я, как обычно, отправил констебля Йорка. Что-нибудь не так?

– Нет-нет, благодарю вас, – ответил Альфред, – и не смею вас более отвлекать.

Он повернулся и зашагал к выходу.

Осень уже была в самом разгаре. «Золотое царство, иначе и не скажешь», – размышлял Альфред. Дни заметно сократились, но еще не до полного и абсолютного мрака, дожди все еще перемежались с задорными солнечными днями, но главное, город пока еще не посетило довольно известное растущее чувство безысходности перед предстоящей долгой, и, казалось бы, бесконечной зимой.

Впрочем, Альфред вышел из дома, когда уже было без де-

сяти семь, и город уже погрузился во тьму. Впрочем, окна домов еще светились кое где тусклым светом, и потому чувство предзимней безысходности еще не пыталось душить.

Альфред постучал молотком в дверь дома Маркуса. Иосиф открыл, и слегка поклонившись, отступил, давая пройти. Приняв пальто, шляпу и трость, он предложил пройти в гостиную.

Спустя минуту после того, как Альфред присел в свое кресло, Иосиф поставил на столике три чашки, чайник с заваренным чаем и легкие закуски.

– Спасибо, Иосиф, вы свободны, – сказал Маркус, и Иосиф, поклонившись, удалился.

Затем Маркус, глядя на Альфреда, положил на стол кисет с кисточкой из зеленого, красного и белого шнуров.

Альфред слегка кивнул и тоже положил в свою очередь на стол подле свой кошелек с притороченной кистью из фиолетовых, оранжевых и черных нитей.

Сандра поставила чашку на стол.

– Господа, что это только что было? Я уже второй раз замечаю, что перед началом беседы вы выкладываете эти предметы! Быть может, мне будет позволено знать?– она немного смутилась и слегка покраснела.– Это какой-то условный знак?

Маркус рассмеялся:

– Ну, каково? Я же говорил, что моя племянница стоит десяти филлеров! Разве нет?– он хлопнул себя ладонями по

ногам.

– Да уж, и в самом деле...Фрейлин демонстрирует удивительный пример наблюдательности! – Альфред, немного смутившись, отпил из чашки.

– Вы позволите, мой друг, мне объяснить, в чем тут дело? – спросил Маркус.

Альфред кивнул:

– Разумеется, разумеется. К слову, и Сандре тоже не помещает сделать такой же пароль. Сегодняшнее происшествие меня в этом все больше убеждает.

– Происшествие? – Маркус перестал улыбаться. – Вы о смерти Ковача?

– Не только. Все дело в этом младшем регистраторе. Вы заметили, что за все время пребывания в этом архиве, только он один имел с Ковачем, скажем так, тактильный контакт. Помните, он тронул его за плечо и спросил об инвентаризации?

– Да, кажется, – ответил Маркус неуверенно.

– Так вот, человек с такой внешностью действительно существует, но! Этот чиновник взял отпуск на неделю и, по свидетельствам нескольких уважаемых людей отбыл в городок Сент-Феликс около трех дней тому. И, кроме того, никто не запрашивал магистрат о присутствии инспектора. Но, констебль Йорк наверняка был настоящий. И, к слову, мы не знаем, кто именно доставил запрос о присутствии представителя полиции при открытии архива.

– Да, дела... – Маркус покачал головой. Сандра сидела и явно ничего не понимала, и потому поглядывала то на Альфреда, то на Маркуса.

– Сейчас, Сандра, Маркус вам все объяснит по порядку. Событий было много, и сегодня в частности. А эти шнуры – это пароль, для идентификации. Зачем, и что все это значит, вы скоро поймете. Наберитесь немного терпения, пожалуйста.

Маркус изложил довольно четко и понятно все события последних дней и также остановился на сегодняшнем происшествии в архиве. Сандра поняла довольно быстро, зачем понадобилась система идентификации друг друга, и тогда Маркус пояснил, как работает эта система.

– Я все поняла. Мое число будет 271. Можно?

– Да, ответил Альфред. Конечно. А что это, если не секрет?

– Да нет, не секрет, конечно. Великий Лейбниц, и еще несколько выдающихся умов нашли эту константу практически одновременно. Нам как-то в гимназии об этом вскользь упомянули, но мне стало интересно, и я нашла пару книг, где об этом говорилось подробнее. Так вот, если быть точнее, то надо сказать, что «е» – так называется эта константа – это бесконечное число, и равно, если не ошибаюсь: $2.7182\dots$, ну... и так далее. Но первые три цифры 271. В тех книгах, что мне удалось найти, говорилось, что на этой константе буквально выстроен весь мир...

– Как это? – удивился Альфред немного иронично.

– Ну, в том смысле, что эту константу можно найти повсюду. Например, раковина моллюска наутилус, похожа на график степеней этой константы. Или вот, например, если банк, обещает вам 1% в год по вкладам, то за 100 лет он увеличит ваш капитал в «е» раз! Здорово, да?

– Действительно, – ответил Альфред, немного сбитый с толку. – Ну что ж, пусть будет 271. Маркус, вы помните, как это будет выражаться в цветах?

– Я думаю, что нам нужно снова перейти к постоянной смене ключей. Противник применяет те же методы, а мы этого не предполагали. Согласны?

– Что ж... Наверное вы правы. Сандра, не желаете ли составить новый ключ?

– С удовольствием. Она быстро написала что-то в записной книжке, вырвала страницу и передала ее Альфреду.

Тот посмотрел и, кивнув, передал Маркусу.

– Понятно. Значит, в следующий раз, моя комбинация – оранжевый, зеленый, синий

– А моя – желтый фиолетовый, белый, – задумчиво произнес Альфред.

– Точно! А моя, соответственно – Зеленый, красный, фиолетовый... Ой нет, извините: зеленый, красный, черный! Черный, конечно же!

– Да, верно, – констатировал Маркус. И в следующий раз ключ передает Альфред, – идет?

– Хорошо, – Альфред кивнул и повернулся полностью к Сандре. – С этим все. Что у нас по Клавдии?

– Есть немного, – ответила она и раскрыла свой блокнот на нужной странице. – Судя по архивной записи, Клавдия родилась 11 мая 1757 года. Ныне проживает в поселке Ле Бурже, совсем недалеко – четыре-пять лье от Марионвилля. Не замужем. Живет одна, снимая комнату в доходном доме. Ни в чем подозрительном или предосудительном не замечена, если не считать известный процесс, где дядя выступал на стороне защиты. Но, я отметила несколько странностей.

– Странностей? – удивился Альфред.

– Да... быть может, конечно, это мои фантазии, но...

– Говорите, Сандра, не стесняйтесь, – попросил Альфред, – догадки в нашем деле тоже могут дорого стоить.

– Дело в том, что я взяла экипаж и поехала в Ле Бурже.

– Что? – Альфред выглядел испуганным. – Но зачем?

– Мне было интересно поглядеть на нее со стороны, понимаете? И в этом не было ничего подозрительного. Я приехала, как бы, от имени своей сестры, которая, якобы нынче на сносях и вот-вот должна родить, ну и все такое. Оставила небольшой задаток, в общем, сделала все, как это обыкновенно и бывает.

– И что? Вам удалось узнать что-то интересное? – С нетерпением спросил Альфред.

– Ну, видите ли... Дата рождения в архиве фальшивая, мне лично это ясно как день.

– Почему? – удивился Альфред.

– Прежде всего потому, что она не Телец. Ну, то есть, совсем. Скорее – Козерог на исходе²⁸, или Водолей в крайнем случае. Кроме того, у нее левый глаз, как будто поврежден немного. А если построить гороскоп на 11 мая 1757 года, никаких особенностей с левым глазом мы там не увидим. Скажу даже больше. Такое «повреждение» с некоторым опусканием века на глаз, характерно, если у женщины в гороскопе солнце в соединении с Сатурном, а ближайшее к архивной дате соединение солнца и Сатурна – середина и конец января 1756 года. Впрочем, есть, конечно, варианты, если рассматривать и другие годы. Но я пока не вдавалась в такие подробности.

– Что-то еще?

– Ну, как вам сказать... Не знаю, почему этого никто не замечал прежде, но у нее налицо, например, все семь признаков очень сильной ведьмы.

– Интересно... Маркус, вы это замечали?

– Ну, что-то – да, как, например, кривой левый глаз и выпирающий клык справа... Но, я ведь никогда не был у нее дома.

– Понимаю.

– Дальше, прошу вас.

– Да, это, в общем-то и все... Ах, нет, вот еще! Не знаю,

²⁸ Сандра имеет в виду, что солнце в гороскопе Клавдии могло бы находиться в последних градусах Знака Козерог.

насколько это важно. До Ле Бурже, она, согласно предъявленному по прибытии разрешению на перемещение, жила довольно долго в Тулоне. Но почему она переехала, и что там произошло, в архиве нет данных.

– Сандра, вы отлично поработали! Я благодарю вас. Но впредь, я вас очень прошу, не отклоняться самовольно, от намеченного нами плана. Как вы поняли уже, противник у нас наисерьезнейший. Случись что-то с вами в Ле-Бурже, мы бы даже не знали где вас искать, вы понимаете?

Сандра кивнула и немного покраснела.

– Но, я повторяю, вы – большая умница! Столько полезной информации и за один день! Просто – нет слов!

Сандра снова улыбнулась.

– К слову, просто любопытно... Где вы так глубоко изучали астрологию, и к какой школе вы себя относите? – спросил Альфред.

– К классической Александрийской. А изучала немного в гимназии, а после уже и сама по книгам.

– Вот как? Это просто невероятно! Я очень впечатлен вашим талантом, поверьте, это действительно здорово! – Альфред словно бы в подтверждение своих слов слегка кивнул, сделав при этом значительное выражение лица. – Так, теперь давайте немного обсудим вопросы, касающиеся завтрашнего дня. Маркус, не могли бы вы нанести визит к вдове бургомистра?

– Для начала, я напишу письмо и отправлю с посыльным.

Там будет просьба меня принять по вопросу завещания.

– Ну что ж, начнем с этого. А я пойду и погляжу на этого Густава. Встречусь с ним в гимназии, скажем, в девять, а затем позову в кофейню «Веселая обезьяна», что напротив, просто для беседы. Вас, Сандра я попрошу прийти туда минут за двадцать и занять какое-нибудь не очень приметное место. Вы там посидите с полчаса и, не спеша выпьете кофе, или можете позавтракать, кстати. Ваша цель – запомнить человека, с которым я буду встречаться, и запомнить, как следует.

– Зачем? – удивилась Сандра.

– Как вы смотрите на то, чтобы день-другой за ним понаблюдать? Подробности, что и как, мы обсудим после.

Сандра посмотрела немного удивленно, но кивнула, опустив глаза.

– Вы уверены, что это хорошая идея? – спросил Маркус, – Молодая девушка... И вообще тут нужна специальная подготовка, мне кажется. Это может быть опасно, в конце концов.

– Вы меня неверно поняли. Это – на всякий случай. И потом, я не предлагаю ходить за ним по пятам. Если понадобится, мы снимем в нужном месте комнату, и оттуда из окна, можно будет понаблюдать за его квартирой. Но, повторяю, это на крайний случай. Пока что было бы недурно его просто запомнить. Но, если это неприемлемо, я пойму вас. Говорите прямо сейчас, и не стесняйтесь. В конце концов, я могу

нанять и филера, просто дело тут уж больно деликатное. Не хотелось бы вмешивать случайных людей, пусть и профессионалов. Вы понимаете меня?

– Ну, не знаю... – ответил Маркус. – Я все-таки искал для племянницы другую карьеру...

– Дядя Маркус, в этом нет ничего опасного или предосудительного, я думаю. И потом, Альфред ведь сказал, что это только в крайнем случае...

– Ну, хорошо, там посмотрим. – Маркус встал и налил себе чаю.

Альфред тоже встал и, тотчас одернул сюртук. Затем он сообщил, что уже поздно и ему пора идти. Кивнув на прощание, он негромко сказал Сандре:

– В восемь-сорок, в кофейне «Веселая обезьяна». Вот вам деньги на расходы: извозчик, и все такое. Доброй ночи!

Затем он развернулся и, наспех набросив пальто в прихожей, вышел на улицу.

Глава 14

Около восьми часов утра, коляска, запряженная серым жеребцом, и ведомая жизнерадостным на вид извозчиком, подкатила к колоннаде женской гимназии. Плавное остановившись, извозчик развернулся к седоку и весело сообщил: «Приехали, мой господин! Это она и есть – гимназия!»

Альфред кивнул, иступив на брусчатку мостовой, выдал вознице оплату, а также несколько монет сверху. Он велел его обождать примерно около часа-полтора. Тот кивнул, а затем спросил:

– Ничего, господин, если я отъеду ненадолго? Коня бы напоить надо...

– Насколько это «ненадолго»? – уточнил Альфред.

– Да тут за углом прямо, можно ведро набрать. Туда пару минут, обратно, ну и минут пять он пить будет. Ничего? А то он не пил давно...

– Ну что ж... Через десять-пятнадцать минут я выйду отсюда и пойду вон в ту кофейню. – Альфред жестом указал на «Веселую обезьяну». – Прошу вас быть на месте к этому моменту.

– Слушаюсь, – кивнул извозчик, почему-то улыбаясь. – Будем непременно вас тут и поджидать.

Альфред повернулся и двинулся к серой колоннаде гимназии.

Он без труда нашел канцелярию – безликое и довольно унылое помещение – и осведомился у секретаря, на месте ли учитель Густав Йоркович?

Секретарь – пожилая дородная дама, с неким нагромождением седых волос на голове, подразумевающим прическу – удивленно посмотрела на него сквозь толстые очки.

– Где ж ему быть? Должно быть, в своем классе сидит, контрольные работы проверяет.

– Мне, видите ли, нужно с ним поговорить по поводу одного дела. Будет ли возражать его начальство, если мы выйдем ненадолго в кофейню напротив?

– Думаю, нет. А вы кто? – спросила секретарь немного подозрительно.

– Видите ли... Я – писатель. Пишу сейчас повесть об одном случае, и мне сказали, что учитель Йоркович может мне кое в чем помочь.

– Помочь? В чем? – снова наморщилась секретарь.

– Говорят, он был свидетелем одного такого же, похожего случая. Вот о нем я и хотел его расспросить. Вы не возражаете?

– Я? Нет... Дело ваше... – секретарь пожала довольно обширными плечами и стала разбираться в каких-то бумагах.

– А где его класс? – спросил Альфред.

– Второй этаж. Увидите на двери номер двадцать семь, – ответила она, не отрываясь от бумаг, и при этом сделала какой-то невнятный жест рукой.

– Спасибо, мадам... – сказал Альфред, изображая легкий поклон.

Впрочем, секретарь так и не подняла глаз, и Альфред, развернувшись, направился к лестнице. На втором этаже было немного шумно, здесь, видимо, в основном находились младшие классы. При виде Альфреда девочки переставали бегать, останавливались, и делали немного поспешный реверанс. Альфред чинно кивал им в ответ. Комната двадцать семь нашлась без труда. Альфред постучал, и, не дожидаясь ответа, вошел. Класс напоминал небольшой амфитеатр, рядов на десять. Недалеко от кафедры, за столом, сидел небольшого роста человек, уткнувшись носом в тетради. Волосы на его голове были всклокочены, пальцы были вымазаны мелом и чернилами. На Альфреда он внимания не обратил, и все так же сидел, и, шурясь, перелистывал тетрадные страницы, время от времени шепча что-то похожее на ругательства. Иногда он также кое-где ставил пометки красным карандашом.

– Господин Йоркович? – спросил Альфред негромко, стараясь не испугать.

Но, тем не менее, учитель почти что подскочил от неожиданности. Затем он встал и, опершись одной рукой о столешницу, вперил неприязненный взгляд в незваного гостя.

– Вы кто? – спросил он немного отрывисто, и чуть громче, чем следовало бы. К удивлению оказалось, что он не намного ниже Альфреда.

– Моя фамилия Грюнвальд, – ответил Альфред, поклонившись. – Я – писатель. Извините, что напугал вас.

– Вы меня не напугали, – ответил Йоркович, садясь, – Что за странная идея? Просто я никого не ждал в такое время.

– Видите ли, господин Йоркович, мне нужно с вами поговорить. Позвольте вас угостить кофе.

– Кофе? И снова – странная мысль... У меня много работы... – Йоркович бросал взгляды по сторонам, и одновременно отирал руки от мела.

– Ну, поверьте, это совсем ненадолго, и вы меня премного обяжете. Прошу вас...

– Ну что ж... Мой урок через полтора часа. Минут на двадцать, пожалуй, можно было бы отвлечься. Извольте... – Он указал в сторону двери.

Выходя из гимназии, Альфред отметил, что извозчик уже на месте, а при входе в кофейню он увидел Сандру, которая пила кофе из чашечки, величиной чуть больше наперстка, и задумчиво глядела куда-то вдаль. Альфред указал на ближайший столик и сел так, чтобы Йоркович был вынужден повернуться к Сандре лицом.

– Слушаю вас. – Сказал он бесцветным голосом.

– Одну минуту... – сказал Альфред и позвал кельнера. Сделав заказ, он повернулся к собеседнику. – Видите ли... Я пишу книгу о разных необычных судебных процессах.

Йоркович почему-то вздрогнул.

– Процессах? А я-то тут причем? Я – математик.

– Я знаю, знаю, господин Йоркович. Просто сейчас я собираю материалы о процессе повитухи, что жила тут неподалеку.

– И что там было необычного? – удивленно спросил учитель.

– Ну как же! Против нее было выдвинуто шесть обвинений, включая и такие, как «злонамеренное колдовство» и «убийство, посредством колдовства». Обычно, такого рода дела безнадежны, а тут оправдательный вердикт по всем пунктам! Меня лично это впечатляет! Надеюсь, что и моим читателям это будет интересно.

– И что вы хотите услышать от меня?

– Вы выступали на стороне защиты?

– Да.

– И что именно вы сообщили суду?– Альфред достал блокнот.

– Ну, как что... У меня по соседству жила женщина, ее муж уехал куда-то... А она надумала рожать... Дала мне адрес той повитухи, я съездил, привез ее, а в эту же ночь в ее поселке кто-то кого-то убил, кажется. Я уже не помню подробностей. В общем, и решили, что она ни в чем не виновата.

– Понимаю. А та роженица, все еще живет по соседству с вами?

– Нет. Я переехал спустя месяц или два. Нашел квартиру получше, да и к гимназии поближе.

– О, прекрасно. – Альфред что-то записал в блокнот.

– А кого убили той ночью, вы не помните?– Альфред сделал небольшой глоток кофе.

– Нет, не помню.– Густав мокнул в кофе рогалик. – Какого-то мужчину, кажется...

– Понятно, спасибо. Еще вопрос. Как звали ту повитуху?

– Как звали?... Тоже не помню... Давно это было...– Густав немного смутился.

– Вот как? И она вас ни разу не навещала? Вы ведь ей спасли жизнь все-таки.

– Нет, зачем это?... Да, я и не ожидал никакой особой благодарности, если честно. Меня допросили, я – ответил. Вот и все, собственно.

– Как это благородно, с вашей стороны! А вот люди в наше время бывают очень неблагодарны! Это все отмечают, какую газету ни возьми, – посетовал писатель, – И последний вопрос на сегодня: Вы знакомы с господином Феррано?

Йоркович снова заметно вздрогнул.

– Да, знаком немного, а что? Он тоже как-то был связан с тем делом?

– Пока не знаю. Я лишь собираю факты. Благодарю вас, и не смею вас более задерживать. Хорошего вам дня.

– Это все? – Переспросил Йоркович.

– Да, благодарю вас. Надеюсь, кофе вам понравился?

– Кофе? – на лице Йорковича отобразилась какая-то странная глубокая безнадежность или даже отчаяние, – Да,

причем тут кофе? – всплеснул он руками, – Что ж... ладно... извините... мне пора...

С этими словами он повернулся и зашагал в сторону гимназии.

Альфред поглядел на столик, где должна была сидеть Сандра. Однако он был пуст, а саму Сандру нигде видно не было.

«Куда она подевалась?» – раздраженно подумал Альфред, – «Если надумала следить за Йорковичем – высыплю по первое число! Или уволю к чертовой матери! Тоже мне сыщик выискалась...» Однако, он скоро немного устыдился своих мыслей, поскольку, выходя из кафе, увидел свою подопечную, невозмутимо садящуюся в подъехавший только что экипаж.

Сделав еще несколько важных, но не особенно крупных дел, Альфред явился в свои апартаменты около четырех. На сегодня все, что намечалось, было сделано. Он повесил пиджак на вешалку и, ослабив немного галстук, прошелся несколько раз по комнате, размышляя о чем-то. Затем он остановился, будто что-то вспомнив, и решил спросить у хозяйки дома чашку кофе. Обычно она весьма охотно оказывала такого рода услуги. Хозяйка – мадам Мери, улыбнувшись, кивнула седой головой, покрытой кружевным чепцом, и сказала, что принесет чашку, как только все будет готово.

– Желаете в кофе сливок? – спросила радушная старушка.

– О, нет, мадам, благодарю вас. Я, пожалуй, выпью чер-
ный, – улыбнувшись в ответ, сказал Альфред.

Хозяйка снова кивнула, и поправив накинутый на плечи платок, удалилась в кухню. Альфред же развернулся, и не торопясь, стал подниматься по лестнице к себе в комнату. Он только лишь вошел, и огляделся в поисках своего блокнота, когда услышал стук в дверь. Трость со стилетом стояла у кровати, и Альфред нажал на кнопку. Лезвие слегка выдвинулось. Затем он подошел к двери и быстро распахнул ее, левой рукой при этом ухватив трость – ножны стилета. Человек, стоявший за дверью, даже немного отшатнулся от того, с какой скоростью и энергией отворилась дверь. Впрочем, уже в следующее мгновение, приняв вид полный достоинства, он без приглашения шагнул в комнату.

– Господин Йоркович? – искренне удивился Альфред, и поднял левую бровь. – Чем обязан?

Учитель не ответил, и, сделав еще один шаг в комнату, пару секунд обшаривал ее глазами, словно бы искал что-то определенное. Затем он повернулся и спросил:

– Позвольте сесть?

– О, конечно, извольте, прошу вас. – Альфред указал на стул. – Так чем же я обязан? Вы что-то вспомнили о том процессе?

– Перестаньте! – ответил учитель резко. – Никакой вы не писатель! Что я не вижу? Вы и перо-то в руках держите от силы раз в неделю... Скажите лучше, зачем вы за мной сле-

дите?

– Я? – Альфред искренне удивился. «Неужели Сандра все-таки своевольничает?» – подумал он.

– Ну не вы лично, но, видимо, ваши люди. Когда вы сегодня пришли с этими дурацкими расспросами, мне все стало ясно!

– Сударь! Извольте выбирать выражения! Вы не в трактире! – одернул его Альфред.

– Да, простите меня... вы правы... Просто нервы что-то сдают в последнее время.

– Вот как? Но вы сказали, что вам что-то ясно? Что ясно? – Альфред был действительно немного ошарашен этим визитом, и потому довольно легко забыл о невольной грубости Йорковича, которую тот себе позволил минуту назад.

– За мной уже с месяц следят. А когда вы начали нести эту чушь про книгу... о, простите... я опять... – он в сердцах махнул рукой, – но ваш визит меня окончательно вывел из себя, я сразу догадался, кто всем этим управляет! Итак, извольте объясниться, и не лгите, я ложь всегда насквозь вижу!

– Господин Йоркович! Или вы мне расскажете, в чем дело, или извольте удалиться! Я не потерплю обвинений в свой адрес, равно как и употребления выражений, к коим вы видимо, привыкли, посещая питейные заведения! Я не следил за вами. Да и с какой стати мне это делать? – Альфред был действительно строг, и Густав, похоже, немного смягчился или же просто растерялся.

– Не знаю... То, что это ваши люди, у меня, конечно, доказательств нет, но и сегодняшний ваш визит, знаете ли, тоже далек от правды, не так ли? Так что давайте вы уж мне расскажите, кто вы и зачем приходили, а я, быть может, тогда расскажу свою историю... Идет?

– А почему вы решили, что я не писатель, собственно? Насчет пера – вы правы. Я сам редко пишу, чаще диктую тексты секретарю, – ответил Альфред невозмутимо.

– Чушь! Хм... да... извините опять... – Йоркович потупился. – Я, знаете ли, видел писателей. Они совсем другие. Вы, скорее, откуда-то из тайной полиции, что ли... Я прав? За вами чувствуется власть и напор. Это трудно скрыть. И потом, разве вам не интересно как я вас нашел?

– Да, кстати, как вам это удалось? – Альфред даже немного встревожился.

– Представьте – проще некуда! Еще когда вы пришли в гимназию, я заподозрил неладное. А поэтому захватил с собой тряпку и пузырек хлороформа. Ну, на всякий случай. А когда выходил из кофейни, увидел экипаж напротив. Ясное дело – вас поджидает. Во всяком случае, вероятность была очень высока. Ну, я и привязал незаметно тряпку к заднему колесу, и облил ее хлороформом из пузырька.

– И что дальше? – Альфред был уже не на шутку встревожен. Он всегда полагал, что выследить его крайне трудно, поскольку он принимал все меры предосторожности.

– А дальше взял у соседа собаку, я часто с ней выхожу

прогуляться – замечательный пес, а я люблю животных. Ну мы и пошли по следу вашего экипажа... Дошли до площади, где вы, очевидно, вышли. Во всяком случае, дальше след уводил в противоположную сторону. И я решил, что вы сошли тут. Ну, в смысле – на площади. Дальше было уже чуть сложнее, но я проанализировал, в каком из домов мог бы снимать апартаменты такой человек, как вы. Таковых оказалось два. Ну, а после этого уже все было довольно банально: кого-то спросил, кому-то сунул на чай... В общем – я здесь. Итак, не изволите ли выложить карты на стол, господин писатель?

– Ну что ж... Раз уж такой расклад... Буду краток. Да, я не совсем писатель. Но я за вами не следил. Хотя и не скрою, личность мне ваша не безразлична. Оттого я и приходил сегодня.

– Вот как? Но что вас все-таки интересует? Мне скрывать в сущности нечего. Спрашивайте прямо. Думаю, что смогу ответить на ваши вопросы.

– Вот как? Отчего же не ответили сегодня утром?

– Утром я разговаривал с подозрительным лже-писателем.

А с ним мне говорить было не о чем.

– Ну, допустим.

– Так что вас все-таки интересует, – настаивал Густав.

– Пока не знаю точно. Но думаю, что в деле повитухи, имя которой вы странным образом забыли, что-то нечисто, и вы мне солгали, что не виделись с ней с момента суда. Не так

ли?

– Почему это? Да и зачем мне с ней встречаться?

– Ну, мало ли? Например – повторюсь – она вам все-таки обязана жизнью... – Альфред сделал многозначительную паузу.

– Как вы смеете? Я – серьезный человек! Я учитель!

– Ну, успокойтесь, господин Йоркович! Я не имел в виду ничего дурного. Просто, иногда люди – бывает – хотят отблагодарить своего спасителя...

– Знаете, рожать мне вроде как не предвидится! – огрызнулся Густав.

– Ладно, вернемся к делу. Так кто за вами следил?

– За последнее время – разные люди. Иногда мужчины, иногда женщины. Но я вижу слезку каждый день.

– А может быть, вам показалось? Переутомление, и все такое... – спросил Альфред.

– Да какой там. Они это делают настолько неумело, что слепой бы заметил...

– Вот как? – удивился Альфред.

– Да, господин... Как мне вас называть? – спросил вдруг Густав.

– Альфред фон Ланге.

– Понятно, герр Ланге... Так вот, впервые я это заметил, когда за мной шел какой-то мужчина, явно из мастеровых. Шел, шагах в десяти, а когда я оглядывался, он вдруг начал завязывать шнуры или рассматривать балконы домов...

Ну, и далее – все в таком же стиле...

– Да, это странно... Если бы я хотел за вами следить, скорее всего вы бы ничего не заметили, уверяю вас, – улыбнулся Альфред.

– Я, собственно, именно поэтому вам и поверил почти сразу. Я уже говорил, в вас чувствуется некая сила, что ли...

– А почему за вами следят? Есть идеи?

– Нет. Никаких! – Густав снова пожал плечами.

– Господин Йоркович, у меня нет времени на пустую болтовню. Если вы хотите найти в моем лице союзника, извольте говорить правду. Или же – ступайте, и разбирайтесь со своими проблемами сами. Надеюсь, это вам понятно?

– Понятно и справедливо. Но, я, правда, не знаю, в чем причина.

– Чем вы еще занимаетесь, кроме математики? И повторяю – говорите только правду! – Альфред навис над Густавом.

– Да ничем особенно... Немного алхимией интересуюсь, но не очень серьезно.

– Вот как? И каковы ваши успехи на этом поприще? – спросил Альфред сухо.

– Да нет никаких особых успехов. Максимум, что мне удалось, это переход из черного состояния серебра в белое... мне это было интересно, но, как вы понимаете, это весьма тривиально.

– Я понимаю так, что за алхимиком, осваивающим азы на-

уки, следить никто не станет. За учителем гимназии – тем более. В общем, или тут налицо ошибка, и вас с кем-то перепутали а, следовательно, скоро оставят в покое, либо вы мне опять лжете, и это мне кажется куда более вероятным.

Густав вскочил. Губы его сомкнулись в линию, ноздри раздулись:

– Позвольте откланяться. Было приятно побеседовать.

– Всего доброго, господин Йоркович. Думаю, мы скоро увидимся.

– Увидимся? Зачем это?

– Ну затем, чтобы понять, где и в чем именно вы мне солгали. А пока – желаю здравствовать! – Альфред сделал шаг вперед и предупредительно открыл дверь.

Густав посмотрел на Альфреда, пытаясь изобразить «взгляд свысока», а затем развернулся и решительно шагнул в уже темный коридор.

– Да, вот еще... – сказал Альфред вдогонку.

Густав остановился, но не обернулся.

– Если в течение двух-трех дней слежка не исчезнет, приходите снова. Думаю, я мог бы вам помочь. Но... Вы должны подумать, какую часть вашей тайны вы были бы готовы мне раскрыть. Уверяю вас, я здесь совсем по другому делу, и вы меня интересуете лишь как дополнительный свидетель. Так что, если вам завтра или же в скором будущем свернут шею или зарежут где-нибудь в подворотне, это будет – ваш выбор. Понимаете? – сказал Альфред ласково. И затем добавил:

– Доброго пути!

И затем закрыл дверь.

Глава 15

Маркус медленно, явно размышляя о чем-то, подошел, взял бокал со столика и спросил:

– И что же мы имеем? Все, что связано с Йорковичем, похоже, пустое?

– Не совсем, – ответил Альфред немного помолчав, – Йоркович, я точно знаю, не был честен, но... да, я не полностью уверен, что это – наше дело. Однако я и не уверен и в обратном. Не спорю, быть может, это дело и не первостепенное, но и отбрасывать его совсем я бы не стал.

– Хорошо, – ответил Маркус, насупившись, – есть идеи по поводу дальнейшего?

– Я не знаю... – ответил Альфред искренне и развел руками, – быть может, стоит все-таки за ним понаблюдать. Если вы и Сандра не против этого.

– Что ж... Посмотрим. Обсудим чуть позже. Вы хотите знать мои впечатления от беседы с вдовой?

– Разумеется. Я весь внимание – ответил Альфред, закуривая сигару.

– В сущности, рассказывать особенно нечего... – начал Маркус. – Она по-прежнему мила, и не особенно убита горем, что, в общем, понятно.

– Что она рассказала по существу? – спросил Альфред,

пыхнув первой затяжкой.

– По существу – да, я должен признать, что нового мало. Но вот, когда я спросил, не находила ли она документ с завещанием... Брунхильд фон Кляйне вдруг ответила, что, пока – нет, но ларец – она уверена – скоро найдется. Понимаете?

– Хм... Так ведь... – начал, было, Альфред.

– В том-то и дело, мой друг... Если только сам бургомистр ей не проболтался, а это – вряд ли... Никто кроме меня о ларце не знал!

– Может, он проболтался кому-то третьему? – предположил Альфред.

– Думаю, это еще менее вероятно. Не представляю, кому бы он мог доверить такую тайну...

– Хорошо, и что, по-вашему, из этого следует? – спросил Альфред без обиняков.

– Если бы я знал... – вздохнул Маркус. – Я лишь просто рассказываю вам об одном подозрительном моменте.

– Да, я понимаю, – кивнул Альфред. – Следовательно, вдова в курсе того, что было в завещании?

– Не знаю, – ответил Маркус. – Это, как раз – не факт. Но она, получается, в курсе того, что завещание было спрятано в ларце, что не менее странно.

– Да... И это ее ставит в круг подозреваемых... – заметил Альфред.

– Ну, не знаю, – возразил Маркус, – может быть, этот вывод пока еще тоже рано делать...

– Я понимаю вас, Маркус, – ответил Альфред, – но мне проще: я к этой женщине никаких чувств не испытываю. Я ее вообще не знаю. А потому исхожу лишь из фактов и логики. Понимаете?

– Понимаю, конечно... – Маркус отпил из бокала и будто бы ушел в себя.

– Что мы предпримем, в свете известных нам фактов? – спросил Альфред.

– Я не знаю, если честно... – признался Маркус. Его взгляд был рассеян, он, видимо, о чем-то думал.

– Тогда так... – Альфред встал, – Предлагаю сначала закрыть тему, связанную с Йорковичем: не люблю, знаете ли, волочащихся «хвостов», а после уже приступим к разработке вдовы. Что скажете?

– И как вы намерены закрывать вопрос с этим Йорковичем? – спросил Маркус.

– Ну, вообще-то, как я уже сказал, я бы хотел просить Сандру последить за его квартирой, если только вы, как старший мужчина в ближнем окружении, не будете возражать, – он повернулся и слегка поклонился Сандре. Та опустила глаза.

– Кстати, Сандра, вы его хорошо запомнили? – спросил Альфред несколько строго.

– Не беспокойтесь, Альфред. Думаю, что теперь я его узнаю в любой толпе, – ответила Сандра спокойно.

– Что ж... Вот, и отлично! Так что скажете, мой друг? – спросил Альфред, повернувшись к Маркусу.

– Насколько я понял, следить нужно только из окна?– Маркус был явно смущен.

– Да,– кивнул Альфред серьезно, – визуально, и еще, возможно, в подзорную трубу. Это вас устроит? – он обвел ладонью комнату, словно там находилось человек двадцать.

– Сандра, ты не возражаешь?– спросил Маркус почти обреченно.

– Нет, дядя, нисколько.

– Но у меня условие! – сказал Маркус уже тверже, и затем встал. – Ночевать она будет здесь! И прибывать она должна не позднее десяти до полуночи!

– О, ну разумеется! Я этот момент не уточнял, поскольку считал, что это и так понятно, – ответил Альфред, разводя руками. В идеале, конечно, я бы заканчивал наблюдение, когда у Йорковича погаснет свет. Однако их можно прекращать и тогда, когда он, скажем, задернет шторы.

– Как это? Вы все-таки предполагаете... хм... глазеть в чужие окна? А вдруг... ну – сами понимаете... – Маркус, похоже, даже немного покраснел, – Он ведь, все-таки мужчина... Сандра, ты уж прости, что я тут веду такие разговоры.

– Не беспокойтесь, дядя, я не маленькая, и что происходит между женщиной и женщиной наедине, я вполне догадываюсь.

– Вот как? Хм... Ну... не знаю, не знаю... Как бы сестра мне шею не намылила за такие дела... И была бы права, к слову... – бурчал Маркус.

– Не беспокойтесь дядя. О моей службе я с мамой разговаривать не собираюсь. Все, чем мы тут занимаемся, это ведь некий государственный секрет? Я правильно понимаю?

– Безусловно, – ответил Альфред серьезно. – Об этом лучше и не скажешь.

– Ну, вот и все. А, следовательно, у меня всегда будет повод уйти от расспросов. Я была секретарем, скажем, у агента со специальными полномочиями. Так мое оправдание будет нормально звучать?

– Да, вполне, и именно так все и обстоит, – одобрил Альфред. – Что скажете, Маркус?

– Ну, хорошо, а если штормы у этого учителя не закроются до полуночи? Тогда что?

– Если до девяти вечера... – начал Альфред.

– До десяти. – Поправила его Сандра.

– Ну, допустим... – бросил Альфред коротко, – Так вот в этом случае, я еду Сандре на смену, а она возвращается моим экипажем домой. Так пойдет?

– Да, так лучше, – согласился Маркус, – но лучше все же до девяти!

– Дядя! – не удержалась Сандра. – Я не ребенок! Я работаю!

– Ну хорошо, хорошо... Но не позднее десяти тридцати ты должна быть здесь, это ясно?

Сандра подбежала и чмокнула Маркуса в щеку.

– Понятно! Спасибо, дядя! – Сандра сияла.

– Отлично... – сказал Альфред и посмотрел на часы. – Значит, так... Квартиру я снял. У Йорковича завтра уроки до двух. Но, я думаю, что засесть стоит где-то около часу пополудни. Присмотреться, пообвыкнуться ... ну и потом, вдруг к нему кто-то ходит с дубликатом ключа?

– Тогда, может, прямо с утра? – спросила Сандра.

– Думаю, это излишне, – отрезал Маркус.

– Хорошо, а как мне быть, если возникнет что-то срочное? – спросила Сандра.

– Для этого у вас в коридоре будет дежурить мальчик. Я вас завтра познакомлю. В случае, если понадобится помощь или же возникнут иные обстоятельства, требующие нашего вмешательства, вам будет нужно составить депешу, зашифровать ее и передать ему. Вы помните, как я вас учил этому?

– Конечно, – Сандра сделала вид, что даже немного удивлена подобному вопросу.

– Отлично. Отправите письмо с посылным, а остальное – не ваша забота. – Ответил Альфред.

– Понятно, – Сандра снова села в свое кресло.

– Что еще? Я ничего не забыл? – спросил Альфред немного нервно.

– Вроде нет, – ответил Маркус несколько вяло, – а когда будем «разрабатывать» вдову? – при слове «разрабатывать» он немного оскалился.

– Пока не знаю, – ответил Альфред спокойно, словно и, не замечая сарказма, – мне нужно все продумать, что и как.

Навести кое-какие справки... В общем, в данный момент мы пока не готовы. За время слежки за Йорковичем, я полагаю, у меня будет время обдумать все наши последующие шаги.

– Ну что ж... – Маркус встал. – Время позднее...

Встал и Альфред, одергивая сюртук, а за ним и Сандра. А затем, улыбнувшись присутствующим и слегка поклонившись, Альфред направился к двери.

Глава 16

Утро выдалось хоть и приятное: теплое и солнечное, но на редкость хлопотное. Альфред загонял до седьмого пота приказчика, делая последние приготовления в квартире, перед тем, как позволить туда явиться Сандре. Попутно он вышколил мальчика-посыльного, заставив его повторить наизусть все варианты приказаний, и лишь после удалился более-менее удовлетворенный в «Золотое колесо», с тем, чтобы, наконец-то позавтракать. До начала дежурства Сандры оставалось пару часов. На квартиру ее должен был отвезти Маркус – так уж он настоял, и Альфред, естественно, не возражал. Накануне он подробно объяснил Сандре где именно находятся окна Йорковича, набросал общий план дома и все подходы к нему. Сандра задавала много вопросов, даже что-то записывала, и, в конце концов, заявила, что все поняла и Альфреду более беспокоиться не о чем. Одним словом, торопиться сейчас было некуда, и Альфред вкушал «приятность момента», как он сам любил называть подобное состояние души. В «Золотом колесе» он неспешно полистал газету, пока Кривой Ласло готовил ему завтрак, а когда заказ уже стоял на столе, он не спеша засунул за ворот накрахмаленную салфетку и принялся за еду. Альфред, аккуратно доставал серебряной ложечкой содержимое поданных ему вареных яиц по-венски, медленно клал в рот, ощущал вкус каж-

дого кусочка, запивал отлично сваренным кофе, одним взглядом продолжал проглядывать утреннюю газету, и при этом также неторопливо обдумывал дальнейшие планы разработки вдовы. Иногда он словно бы одергивал себя, и вновь задавал себе вопрос: «А надо ли?» – поскольку вдруг накатывали опасения, что это – очередной тупик, и драгоценное время снова будет потрачено зря. Он ее не знал совсем. Более того, он никогда прежде даже со стороны не видел эту женщину. И потом, Маркус по ней так трогательно вздыхает, что не хотелось бы его лишний раз сердить. Тем не менее, он, в то же время чувствовал, что где-то здесь может быть тот самый «тихий омут», где как раз таки и «водятся черти», причем, увы, возможно даже в самом прямом смысле.

Он почему-то чувствовал, что в этой идее что-то есть, но как подступиться, как начать ее разработку, да и что, собственно, в ней «есть» – он пока объяснить не мог даже самому себе. Это было даже и не чувство, и уж тем более не желание выдать желаемое за действительное, которое, опытный сыщик всегда может распознать и отбросить или же нейтрализовать... Однако, это также не было похоже на наведенный морок, поскольку, в этом случае, не наблюдалось бы и этой мучительной рефлексии. Предвкушение это было вполне осязаемо душой, но... увы, часто то, что способна осязать душа, не могут потрогать руки, или описать язык.

Альфред все сидел уже над третьим кофе и размышлял, поминутно черкая в своем блокноте. Иногда он даже выры-

вал страницы и, скомкав, прятал в карман сюртука. Солнце приближалось к зениту, и тень от шпиля ратуши уже вот-вот собиралась разделить площадь на две равные части. Альфред так и сидел над своими записями, никуда особенно не торопясь, когда внезапно, в трактир вбежал мальчик посыльный, и стал искать кого-то глазами. Альфред вовсе не был уверен, что это по его душу, но, на всякий случай выбросил вверх руку с зажатым между пальцев карандашом. Посыльный заметил его и стал не без труда продвигаться к столику.

– Прошу прощения, господин... э... не вы ли будете герр Альфред фон Ланге? – протараторил мальчик, немного запыхавшись.

– Он самый, – ответил Альфред вальяжно. – Что случилось, молодой человек?

– Вам письмо, но не могли бы вы мне показать сначала свой кошелек. Так было велено, – мальчик смутился и опустил глаза.

Альфред молча положил на стол кошелек с цветной кистью. На этот раз, согласно новому ключу Маркуса, кисть была оранжево-зелено-белая.

Мальчик кивнул и положил на стол конверт:

– Если желаете дать ответ, я – к вашим услугам. – Посыльный сорвал с головы кепи и теперь мял его в руках. Ему было явно неловко, он переминался с ноги на ногу и постоянно оглядывался по сторонам, будто ждал откуда-то оплеухи.

– Хорошо, я только прочту сначала... – Альфред вскрыл

конверт. Это было дешифрованное и затем отпечатанное сообщение от Сандры:

«В 10:45 в курятник приходила рыба. Предполагаю, что она все еще в курятнике. Что происходит внутри неизвестно из-за плохой погоды. Жду указаний. Синица».

Несмотря на то, что депеша была зашифрованной, Альфред также ввел кодовые имена. Он пытался пресечь любую утечку, в том числе, возможно, и в «Гончих псах». «Курятником» они обозначили дом Йорковича. Сам Йоркович был у них «Быком», а «Рыбой» была Клавдия! Они на всякий случай составили список из дюжины возможных имен людей, которые уже были известны Сандре.

– Вот тебе и на! – Нахмурился Альфред. – Что-то уж очень быстро... Ну, поглядим... А Синичка-то, Сандра то есть – молодец! Работает четко и быстро. Надо будет это отметить в рапортах для Министерства. Хм... «плохая погода», это очевидно – «плохая видимость». Наверное, шторы задернуты. Импровизирует. Нет, и в правду – молодец!

Альфред достал листок и написал: «Копию документа о наследстве получил. Продолжаем обследование больного, возможно погода изменится. На берег не выходить. Ждать буксир.

Канонир»

То есть, Альфред приказал Сандре продолжать наблюдение и ни в коем случае не выходить на улицу без сопровождения. Канонир – это была его давняя кличка, еще во время

службы в королевском флоте, и он решил ее использовать. Затем Альфред заклеил конверт и велел мальчику отнести письмо и отдать тем же людям, кто его послал. То есть, в «Гончих псах» письмо должны были зашифровать и отправить Сандре. Примерно через час, она должна была его получить.

Мальчик поклонился, и, шелкнув каблуками своих сбитых, давно нечищенных башмаков, тотчас убежал. Альфред задумался. Сообщение Сандры все меняло: теперь было ясно, что Йоркович лгал, и лгал по ключевым вопросам. Зачем, спрашивается? Теперь вообще не было никакой уверенности, ни в каких его словах. «С другой стороны, – думал Альфред, – меня все-таки послали сюда собирать информацию о Клавдии, что я уже практически и сделал. А ходит она к учителю или нет – кому какое дело? Но, с другой стороны, не все так просто. Если у них близкие отношения, а учитель был ключевым свидетелем в деле об убийстве старосты, то не лжесвидетельствовал ли он? Значит, все-таки есть смысл в повторном допросе? Или все же лучше понаблюдать за ним и его домом пару – тройку дней? Да, пожалуй, стоит понаблюдать. Заодно, приставлю к нему филлера. Надо понять, кто еще за ним следит, и зачем?», – решил, наконец, Альфред, и направился к выходу. – «Нет, определенно, еще несколько лишних «козырей» перед вторым допросом совсем не помешают».

Выйдя из «Золотого колеса», Альфред не спеша пошел

через площадь, время от времени поддевая носком сапога уже изрядно побуревшие листья. День выдался на редкость солнечный, листва уже облетела почти со всех деревьев, и воздух был прозрачен, словно горный ручей. И он был при этом такой же звонкий и холодный: голоса птиц, например, и вообще всякие звуки были такие звонкие, что некоторые из них, казалось, слышались, даже из-за горизонта. Альфред размышлял о планах на ближайшие дни, в которые, среди прочего входило и посещение вдовы бургомистра. Он пока не знал, стоит ли это сделать прямо теперь или же немного погодя. Свои «за» и «против» были в каждом из вариантов. Но главная причина задуманного визита была в том, что Маркус пришел после встречи с вдовой, по сути, ни с чем: никаких впечатлений, не говоря уже о фактах.

«А почему бы не наведаться к ней прямо теперь?» – Спросил он себя. – «Время есть, наведаюсь, пожалуй. Скажем, как обычно разыграю роль писателя или журналиста, и не более того. Учту, пожалуй, справедливые замечания Йорковича относительно внешности и поведения «настоящего» писателя, и постараюсь на этот раз не оплошать. Просто задам несколько вопросов, пригляжусь, а если повезет, то кто знает – глядишь и появится какая-то зацепка».

И он, поразмыслив еще с минуту, направился к дому бургомистра. Постукивая тростью о мостовую, Альфред раздумывал, как лучше повести беседу, но вскоре решил, что ничего толком придумать не может, поскольку не знает вдову

совершенно, а потому – пусть все идет, как идет. «Будем пока собирать впечатления», – подумал он.

Минут за двадцать, все так же размеренно подбрасывая носками сапог пожухлую листву, Альфред добрался до дома бургомистра и не спеша поднялся на крыльцо. Там он два раза постучал в дверь, начищенным до золотого блеска и оттого сияющим на солнце дверным молотком, в виде лягушки с кольцом во рту. На пороге довольно скоро возникла женщина лет шестидесяти или чуть моложе, в строгом темном платье, белом фартуке и чепце – явно прислуга, и довольно прохладно осведомилась о том, что угодно господину? Альфред слегка поклонился, и ответил, что желал бы встретиться с вдовой бургомистра, если та, разумеется, захочет его принять. Если же нет, он был бы в высшей степени признателен, буде уважаемая госпожа назначила бы более подходящее время для его визита. Нет-нет, он не знакомый, и не является другом семьи покойного. Дело в том, что он писатель, и сейчас работает над статьей для энциклопедии о жизни столь замечательного человека, каким был наш покойный бургомистр.

Женщина, невозмутимо выслушала речь Альфреда, ни разу не моргнув, и поджав и без того тонкие губы. Впрочем, все это время она немного щурилась, словно бы от яркого солнца. Казалось, она не поняла и половины сказанного, но все же несколько надменно кивнула, взяла протянутую визитную карточку и удалилась, попросив обождать пару ми-

нут.

– О, конечно! Сколько угодно! – и Альфред, было, принялся ее заверять, что никуда не торопится, но дубовая дверь, окованная бронзовыми полосами, начищенными до того же блеска, что и молоток в виде лягушки, уже затворилась.

«Хм..., – подумал Альфред, – манеры у них тут... однако... Почти как в «Змее и льве»...» – он даже несколько вскинул голову и скривил губы, но затем осекся, и тотчас же снова принял заискивающую позу просителя.

Прислуга и на этот раз не заставила себя долго ждать. Дверь отворилась, и все та же пожилая женщина в белом фартуке и чепце, сделав шаг в сторону от двери все с тем же каменным выражением на лице, жестом пригласила войти. Альфред ступил в прихожую, пол которой был выложен белой и черной плиткой. Стены были обшиты темным, очевидно, очень дорогим деревом, более всего похожим на клен. Впрочем, обшивка, видимо, также изрядно потемнела и от времени: дому было не менее ста лет. Альфред отдал прислуге пальто и шляпу. Трость со стилетом, он решил оставить. Не то, что бы он кого-то опасался, но просто без нее уже было как-то непривычно, словно бы рукам чего-то не хватало.

Он ступил в просторную комнату, куда его препроводила молчаливая мрачная прислуга. На диване, у низкого столика на гнутых ножках, сидела довольно молодая и миловидная женщина. Она была небольшого роста, и на вид очень

хрупкая. Ее довольно густые, но при этом, видимо, не очень длинные вьющиеся каштановые волосы были собраны сзади корзинкой, а по щекам вились две изящные букли. Вдова была одета в длинное платье черного бархата с кружевными манжетами и воротничком. На шее, это было видно даже от двери, висела явно очень дорогая нитка крупного жемчуга. Кожа у женщины была необычайно белая, а в сочетании с темным одеянием, и вовсе казалась мраморной.

Когда Альфред вошел, и тихо кашлянув, поклонился, она села ровнее, и, указывая на кресло напротив, негромко сказала:

– Прошу садиться, господин... – она замялась.

– Ланге, – Альфред выпрямился и поклонился снова, – Альфред фон Ланге. Писатель и журналист. Сейчас работаю в издательстве Имперской энциклопедии, в отделе ежегодников.

– Вот как? Работаете? Что ж, это похвально... Садитесь, прошу вас, – она снова указала на кресло.

– Благодарю вас, мадам фон Кляйне! – Альфред сел, немного отодвинув кресло назад.

– Кофе? Чай? – спросила хозяйка.

– От чашки чая, я бы, признаться, не отказался, – Альфред смущенно улыбнулся.

Вдова позвонила в колокольчик, и затем, спустя секунду позвала:

– Ирен!

На пороге появилась все та же прислуга. Выражение ее лица, видимо, не менялось никогда.

– Что угодно, мадам?

– Будь добра, принеси-ка нам чаю, – попросила госпожа, не отрывая глаз от Альфреда.

– Сию минуту, мадам, – ответила прислуга, и тотчас удалилась, тихо прикрыв дверь.

– Итак, что вас интересует? – спросила хозяйка.

– Видите ли, я собираю материал о вашем покойном муже, для ежегодного альманаха энциклопедии. Кое-какие биографические данные у меня уже есть, но мне было бы интересно узнать о нем что-нибудь еще, просто как о человеке. Например – что он любил, чем увлекался, и тому подобное.

– Любил? – удивилась вдова. – Хороший вопрос... Вот ведь... И, представьте, мне на него довольно сложно ответить...

– Вот как? Почему? У него не было никаких предпочтений? Ну, вот, например, что он любил выпить по вечерам: ром, виски или же что-то другое?

– Мой муж не пил совсем. – Отрезала вдова. – И не курил, кстати, тоже.

– Понятно, – Альфред сделал пометку в блокноте, – Ну, а что он, скажем, предпочитал есть на завтрак?

– Станный вопрос... Хотя... Он, например, заваривал высушенные морковные очистки вместо чая, а ел чаще всего просыную кашу.

Писатель Ланге ошарашено поглядел на вдову, не шутит ли она, но та явно не шутила. Она была серьёзна, и неотрывно разглядывала Альфреда с ног до головы.

– Ну, а было ли что-то такое, чем он любил заниматься, скажем, по вечерам, или в воскресенье?

– Да как вам сказать... Он довольно много читал, иногда что-то мастерил у себя в подвале, в мастерской... – она пожала плечами, – в общем, ничего особенного, пожалуй.

– Понятно. – Писатель Ланге уже исписал страницу и перевернул лист. – Быть может, он увлекался охотой? Или коллекционировал что-нибудь?

– Нет, что вы... Какая охота! – она отмахнулась маленькой изящной ладонью с длинными тонкими пальцами, – У него было повреждено колено, знаете ли. Ранение на войне. Он не мог долго ходить даже по городу, а уж тем более по лесу или, по болоту. Что же до коллекционирования, – она на секунду задумалась, – разве что, книги? Он их выписывал довольно часто. Некоторые потом относил букинисту, а некоторые перечитывал по несколько раз. Я этой страсти никогда не понимала.

– Вот как? Вы не любите читать? – удивился писатель Ланге.

– Так разговор, все-таки, обо мне? – Удивилась вдова.

– Нет-нет, конечно... Простите меня, – писатель Ланге очень смутился и уткнулся в свой блокнот.

– Ничего страшного, – улыбнулась вдова, – я люблю чи-

тать. Но что-то полезное. Романы меня не увлекают.

– Интересно, – писатель Ланге снова смутился, – а говорят, что женщины как раз таки романы и предпочитают!

– Этого я не знаю. Я мало общаюсь как с мужчинами, так и с женщинами. Но мне романы редко бывают интересны.

– Ну что ж... Скажите, мадам Кляйне...

– Зовите меня Брунхильд, если хотите, – сказала она вдруг и улыбнулась.

– Боюсь, это не совсем удобно, – промямлил писатель Ланге, и немного поерзал в кресле.

– Вздор! Мы оба из одного слоя общества: вы – барон, я – баронесса... Так с какой стати нам разводить церемонии? Я этого, к слову, тоже не люблю, и, может, поэтому и на приемах бываю только, когда уж совсем деваться некуда.

– Хм... Ну что ж... Тогда уж зовите и вы меня Альфредом... – немного потупившись выдавил из себя писатель Ланге.

– Ну, что ж... Альфред – доброе имя, – проговорила Брунхильд, снова как-то странно разглядывая гостя, наклонив голову к левому плечу.

В это время вошла с подносом прислуга. Поставив его, она немедленно удалилась, даже не спросив, будут ли еще какие-нибудь указания. Альфред проводил ее взглядом, и когда дверь за Ирен закрылась, он снова повернулся к Брунхильд.

– Альфред – доброе имя, – повторила вдова, – но вот за-

чем вы пришли ко мне с оружием? Вы чего-то боитесь? Это как-то не к лицу советнику эльфов!

– Я с оружием? – Альфред был ошарашен.

– Ну да... у вас стилет в трости, не так ли? – вдова довольно мило улыбнулась.

– Так... – вымолвил сбитый с толку писатель Ланге, – но, я, знаете ли много путешествую, а в дороге всякое бывало... Таскать же с собой две трости, было бы неудобно, вы не находите?

– Ну что ж, теперь мне понятно, – Брунхильд снова улыбнулась и взяла с подноса чашку.

Налив Альфреду чаю, она передала чашку ему, а после налила и себе.

– Не желаете ли печенье? – спросила вдова, указав на хрустальную вазочку, и затем пригубила из своей чашки.

– Спасибо, – Альфред взял предложенное печенье.

– Так на чем мы остановились?

– Вы почему-то назвали меня «советником эльфов»?

– Ну, да, конечно! Имя «Альфред» на старогерманском языке, именно это и значит – «советник эльфов», вы не знали?

– Да нет, знал... мать мне что-то такое говорила, но я с тех пор об этом как-то не думал... Можно я еще задам вам несколько вопросов?

– О, да! Сколько угодно! – ответила Брунхильд вполне приветливо.

– А вот вы не помните, какие книги были любимыми у вашего мужа?

– Не помню, если честно, я не особенно этим интересовалась... Хотя...– она задумалась и подняла глаза к потолку, – Он, некоторое время назад почему-то увлекся арабскими сказками. Это увлечение мне было уж совсем непонятно.

– Сказками? Очаровательно! – воскликнул писатель Ланге.– А что он мастерил, вы знаете?

– Тоже не очень в этом разбираюсь. Но, кажется, он пытался построить вечный двигатель, так он говорил, и много с этим экспериментировал.

– Вот как? И у него были успехи? – писатель был не то удивлен, не то восхищен.

– Да как вам сказать? Если бы были, я бы точно знала, а так он лишь ворчал, что все бы получилось, если бы какие-то детали не изнашивались слишком быстро.

– Вот видите, оказывается, ваш покойный муж был механиком, и возможно даже выдающимся!– Альфред перевернул уже третью страницу.

– Не знаю, как я уже сказала, я в этом мало разбираюсь, – чуть прохладнее ответила вдова.

– Ну, а что еще вам запомнилось из вашей с ним совместной жизни?

– Да ничего особенного. День сменял день, а год – год. Так и жили.

– Вот как? Быть может, вы когда-то ездили куда-нибудь?

Скажем, в другую страну... – писатель Ланге почему-то посмотрел по сторонам и затем повертел пальцами карандаш.

– Нет. Мы не путешествовали. И вовсе не потому, что мой муж был скуп, как судачат в городе. Просто, он боялся за свою ногу. А я не особенно настаивала. Я вообще, должна признаться, больше люблю быть дома.

– Вот как? Вы очень необычная женщина... – писатель Ланге немного смутился. – А как вы догадались о стилете?

– Да это очень просто. Обычно ведь трость оставляют в прихожей, если только у человека нет хромоты. У вас ее нет, стало быть, ваша трость нужна еще для чего-то. И потом, когда вы не пишете, вы все время поглаживаете набалдашник, не замечали?

– Нет... – Альфред и в самом деле был немного ошарашен. – Хотя... да, вы правы... я уже так к нему привык. Он ведь мне уже дважды спас жизнь.

– Вот как? И давно? – поинтересовалась хозяйка.

– Последний раз это было почти два года назад. Я путешествовал в районе Северных гор, и на мой экипаж напали трое бандитов. Пришлось отбиваться, – ответил писатель скромно.

– А где вы научились подобному фехтованию? – снова указала интерес вдова.

– О, это случилось давно. Еще когда я служил на флоте.

– На флоте?

– Да, недолго. Всего два года. Я был легко ранен, и затем

ушел в отставку. Но стилет этот я купил у одного мастера на Восточном побережье Зеленого моря.

– О, как интересно! Вы и там побывали!

– Да, мы неоднократно заходили в тамошние порты.

– А вы давно знаете Маркуса Де Ниро? Он – хозяин частного сыскного агентства «Гончие псы», – вдруг спросила вдова и в упор посмотрела на Альфреда.

– Господина Де Ниро? Да, знаю немного. Он мне помогал пару раз советом, ну и вообще... с его помощью удалось навести кой-какие справки. А почему вы спросили?

– Да потому, что он вчера был здесь и задавал похожие вопросы, – коротко ответила вдова.

– Он был здесь? И что? Он тоже пишет о вашем муже? – писатель фон Ланге был искренне удивлен и выглядел при этом довольно бестолково.

– Не думаю. Он вообще-то занят поисками завещания, которое мой муж незадолго до смерти куда-то спрятал.

– А, понимаю! Видимо, поэтому он и спрашивал вас о муже, – предположил писатель, – а что завещание действительно пропало? Это довольно странно.

– Да уж, – согласилась вдова, – дома уже все перерыли, просто-таки все вверх дном перевернули!

– И как?

– Никак. Документ так и не был найден, – ответила Брунхильд, едва заметно пожав маленькими плечами, и затем снова принялась разглядывать писателя.

Внезапно Альфред почувствовал, что его серебряный пентакль, одолженный Маркусом, вдруг ни с того, ни с сего нагрелся. Впрочем, ощущение это очень быстро прошло, и Альфред перевел дух. Вдова же мягко улыбнулась:

– Желаете еще чаю?

– Благодарю вас, думаю, мне уже пора.– Альфред встал.

– Что ж... Если будут еще вопросы – заходите без стеснений. Я всегда дома. Всего доброго Альфред! – она протянула руку ладонью вниз, и Альфред, тронув ее пальцы, изобразил поцелуй. Он вышел на улицу и перевел дух. Таких провалов он не знал уже очень давно. Вдова его практически полностью раскрыла! И стилет – это мелочь! Она поняла, что Альфред связан с Маркусом, и она явно поняла, что никакой он не писатель! Вот это женщина!– Подумал он почти восхищенно, спускаясь по лестнице на тротуар.

«Может, мне показалось, что пентакль нагрелся?» – размышлял он – «Нет, вряд ли... А тогда дело совсем плохо... Тогда она вообще все поняла, и одновременно совершенно не ясно кто она на самом деле?... Как же быть?... Ладно, сегодня на вечернем совещании обсудим». Он нервно пихнул ногой собранную дворником кучу листьев, и, постукивая чуть сильнее обычного тростью, зашагал к себе на квартиру.

Глава 17

У двери квартиры, в коридоре, Альфреда ждал мальчик посыльный и младший констебль Йорк.

– Что случилось, господа? – спросил Альфред тревожно.

– Думаю, герр Ланге, было бы лучше, если бы я вам объяснил все внутри, – Йорк многозначительно обвел глазами стены и сводчатый, словно бы в монастыре, потолок коридора.

– Да, да, разумеется. Ну, а вы, молодой человек, с чем пожаловали? – он обратился к мальчику.

Тот молча показал конверт и спросил:

– Мне обождать? – спросил мальчик серьезно.

– Да, прошу вас обождать здесь несколько минут, пока мы поговорим с офицером.

Мальчик кивнул. Открыв ключом дверь, Альфред пустил вперед Йорка, а затем вошел и сам.

– Слушаю вас. Что стряслось опять?

– Видите ли, герр Ланге... служба наружного наблюдения доложила, что в хранилище кто-то есть. Они не знают, как он туда попал, но там кто-то орудует. Войти и арестовать они сами не решились, поскольку у них нет доступа. Что прикажете делать?

– Кто-то внутри?... Орудует?... Не понимаю... – Альфред и в самом деле был встревожен. Такого поворота дел он ни-

как не ожидал.

– Так точно. Один раз, около часа назад, был слышен даже удар, как будто опрокинули шкаф.

– Так... Идите в участок, подготовьте команду для захвата нарушителя или нарушителей, мы ведь не знаем что там и как... А я прибуду тотчас, как прочту депешу и напишу ответ. Договорились?

– Слушаюсь! – Йорк щелкнул каблуками. – Разрешите выполнять?

– Ступайте, констебль. Я скоро прибуду.

Йорк зашагал к двери

Мальчик посыльный вошел тотчас, как Йорк исчез за дверью и очень серьезно, но при этом, несколько смущаясь, сказал:

– Герр Ланге, вы, осмелюсь доложить, кое-что забыли... вы ведь сами меня инструктировали...

– Ах, да, конечно! – Альфред выложил перед мальчиком на стол свой кошелек с цветными кистями.

Посыльный кивнул и протянул Альфреду конверт. Тот поискал на столе нож для разрезания конвертов, и через мгновение письмо было у него перед глазами.

«Рыба и бык все еще в курятнике. Погода по-прежнему плохая, но несколько раз случайно показывалось солнце. В курятнике происходит что-то странное. Продолжаю наблюдение. На берег выходить не планирую. Синица»

– Так... – подумал Альфред, – и что мне теперь делать?

Он сел, достал лист бумаги и написал короткую записку.
«Дорогой Маркус,

Ваша помощь нужна как никогда срочно! Если возможно, прошу прибыть как можно скорее ко входу в хранилище. Сейчас 15:10. Я там буду минут через пятнадцать. Возьмите экипаж побольше. Очень надеюсь на вашу помощь!

Искренне Ваш,
Альфред фон Ланге»

Он заклеил конверт и поставил поверх сургучную печать со своим вензелем. Затем он позвал мальчика войти. На пороге, он ему вручил письмо.

– Беги а «Гончие псы» и побыстрее. Если прибудешь туда за десять минут, получишь талер. Понятно?

Мальчик кивнул, и глаза его загорелись. Вручишь письмо господину Де Ниро лично! Ты понял? Секретарям не отдавать. Если его в конторе не окажется, расспроси, где его можно найти, и найди. В крайнем случае, если нигде не найдешь – сходи к нему домой. Знаешь где его дом?

– Да, знаю, – мальчик снова кивнул. – Но если его нигде не будет, что делать?

– Если не найдешь через час – сожги письмо. Понятно?

– Как не понять? Только ведь у меня часов нет... Как узнать, что час прошел?

– А на ратуше? Ты знаешь, как определять время по часам?

– Вообще-то не очень... – мальчик смутился.

Альфред достал свои часы и объяснил:

– Когда маленькая стрелка встанет вот сюда или дальше, сожги письмо. Теперь понятно?

– Понятно. Так я пошел?– мальчик уже повернулся.

– Да, ступай! – Альфред легонько хлопнул его по плечу.

Через минуту он собрался, запер дверь на ключ и пошел быстрым шагом к полицейскому управлению.

Шеф полиции был взволнован:

– Что будем делать герр Ланге? – почти с порога осведомился он.

– Пока не знаю, но я намерен просить вас дать мне человек пять. Мы попробуем войти в хранилище и там уж на месте разберемся, что к чему. Вы мне поможете?

– Да, разумеется, – он жестом позвал сержанта. Обращаясь к нему, он тихо распорядился:

– Возьми пять ребят посмышленнее, и далее вы переходите под командование гера Ланге. Это ясно?

– Так точно! – кивнул сержант.

– Тогда, – сказал Альфред, обращаясь уже к сержанту, – мы должны как можно быстрее добраться на двух экипажах до хранилища. Жду вас на заднем дворе. Через три-четыре минуты мы должны выехать. Время пошло!

Сержант кивнул, и бегом направился куда-то внутрь офиса, на ходу выкрикивая команды. Кое-кто из констеблей срысывался с места и бежал за ним или же во внутренний двор.

– Благодарю вас, шеф! Ваша помощь поистине неоценима, и я непременно отмечу это во всех своих рапортах. – Альфред слегка поклонился, и направился на задний двор.

Один экипаж уже был готов. Другую пару вороных рысаков только выводили из конюшни.

– Сколько времени понадобится, что бы запрячь второй экипаж? – спросил Альфред у сержанта.

– Ну, вообще-то, минут двадцать... – немного виновато ответил сержант.

– Тогда так. Я еду с тремя констеблями немедленно. Один из них должен уметь управлять лошадьми. Вы же будете нас догонять, как только будете готовы. У дверей будет стоять один из констеблей, если будут приказания, он передаст. Это ясно?

– Так точно, – сержант выразительно кивнул.

– Оружие есть у всех? – спохватившись, спросил Альфред.

– Да, конечно, – ответил сержант.

– Тогда – до встречи! Не задерживайтесь тут долго. Кто знает, что там происходит. Понимаете?

– Разумеется, герр Ланге.

– Итак, позовите тех, кто поедет со мной.

Сержант выкрикнул несколько фамилий. Трое констеблей тотчас подбежали и представились.

– Поедете с господином Ланге. До моего прибытия – он ваш непосредственный начальник. Вопросы есть?

Вопросов не было.

– Младший констебль Шацки! На козлы!

Небольшого роста констебль с круглым лицом и выпученными глазами, кивнул и тотчас полез на место кучера.

– Едем в секретный архив! Вы знаете, где это? – Спросил Альфред, обращаясь к Шацки.

Тот кивнул.

Затем в экипаж, без лишней суеты, сели двое других полицейских. Альфред залез последним и велел Шацки трогаться. Тот, видимо, был большим мастером в управлении лошадем, поскольку добрались довольно быстро, и при этом в экипаже почти что не трясло.

Альфред и Йорк, как только лошади остановились, быстро спрыгнули на брусчатку и тотчас направились к садовнику, который подрезал кусты у ограды хранилища. Это был переодетый констебль Паркер.

– Что случилось? – коротко спросил Альфред.

Паркер посмотрел вопросительно на констебля Йорка, подошедшего вместе с Альфредом. – Господин Ланге возглавляет эту операцию. Приказ шефа. – Лаконично пояснил Йорк.

Для порядка, Альфред достал свое удостоверение министерства.

– Понятно. – Паркер снял кепи и отер рукавом холщовой рубахи вспотевший лоб. – Значит так. В десять-тридцать в здание вошел незнакомый мне господин. Одет прилично...

И с тех пор оттуда не выходил. А в одиннадцать ноль семь я услышал какой-то шум внутри, будто что-то двигали, а затем послышался грохот: похоже, упало что-то тяжелое, вроде шкафа или сундука. Я незаметно проверил: дверь заперта. Куда девался тот человек, я не знаю. Из прихожей другого выхода нет. В общем, я решил послать донесение с посыльным.

– Правильно! – Похвалил Альфред. – Вы, Паркер, оставайтесь здесь. Вы, Йорк, как тогда, встанете у двери. Шацки, пусть присматривает за лошадьми, а я с оставшимся констеблем Горовицем войду вовнутрь. Все понятно?

– Так точно! Разрешите позвать Горовица?

Альфред кивнул.

Через несколько мгновений, Горовиц и Йорк подошли к Альфреду, и далее все вместе вошли в хранилище.

Внезапно где-то балюстраде перер входом, видимо, на самой лестнице, раздался шум и крики. Все переглянулись, но через мгновение, Альфред всех успокоил:

– Все нормально! Это ко мне! Оставайтесь тут, я скоро, – и затем выбежал наружу. Маркус пытался войти, но ему преграждали дорогу Шацки и Паркер.

– Пустите меня немедленно! – орал Маркус. – У меня срочное дело к господину Ланге!

Альфред выбежал и отдал приказ пропустить Маркуса. Констебли переглянулись и отошли в сторону. Маркус в два прыжка взлетел на самый верх по ступеням.

– Господи, друг мой, что случилось?– Он был очень взволнован.

– Случилось много чего, но сейчас не время рассказывать.– Альфред достал свой кошелек и положил на ладонь.

– Да, конечно, – сказал Маркус, доставая кисет и другой рукой вытирая платком пот со лба.

– Отлично. О том, что происходит тут, поговорим вечером. А теперь вам нужно пойти в полицейское управление. Я дал команду шефу полиции, вам выделяют двух или трех констеблей. Поедете на квартиру к Йорковичу. По донесению Сандры, там сейчас находится Клавдия. Из того же донесения следует, что там происходит что-то подозрительное. Что именно – я не знаю. Но уже достаточно и того, что он мне соврал относительно Клавдии, что он ее, дескать, знает – не знает. То есть, даже если там ничего подозрительного, его все равно следует задержать с целью выяснения некоторых деталей, так сказать. Вы мне нужны вот для чего. Я не исключаю, хм... собственно – я почти уверен, что там происходит некое магическое действие. Надо войти, быстро разобраться с тем, что происходит и далее действовать по обстоятельствам, чтобы и взять с поличным и никому при этом не навредить. И еще крайне важно – не дать им уничтожить улики, понимаете?

– Да, понимаю, – кивнул Маркус.

– Откроете дверь отмычкой, там есть ребята, которые умеют это делать. Затем войдете сами, пусть они обождут, а ко-

гда надо, вы их позовете свистком. Такой вот план.

– А вдруг там ничего противозаконного?– спросил Маркус.

– Тогда извинитесь, и скажете, что в полицию поступил странный сигнал о том, что в доме орудует грабитель. А затем, как бы узнаете Клавдию и поинтересуетесь, что она тут делает. Ну, а после предложите проехать в участок, уточнить кое-какие детали.

– Ясно, тогда я пошел. Время дорого, – сказал Маркус нахмурившись.

– Это точно! – кивнул Альфред. – С богом! Везите всех в участок, желательно в разных каретах. Не давайте им общаться. Да, вот еще! Возможно, вам будет нужно обыскать Клавдию. Позовите для этого Сандру. Для этого – откройте шторы и три раза подымете и опустите правую руку с носовым платком. Запомнили?

– Конечно, – ответил Маркус и почти побежал к экипажу.

Альфред направился обратно к входной решетке хранилища. Ключи он после смерти Ковача изъяс, и держал их у себя, и это оказалось правильным решением. На этот раз, ни ключ, ни решетка не были под действием того странного заговора: замок открылся без особых проблем, и решетка, как и тогда, с мерзким скрипом отворилась. Йорк подошел и, встав у входа с внешней стороны, вытащил пистолет и взвел курок. Горовиц последовал его примеру. Знаком Альфред приказал идти справа, а сам пошел по левой стороне

галереи. Помещение было уже более-менее знакомо, и Альфред, идя чуть впереди, как бы направлял движение. Внезапно, где-то в правом крыле раздался странный шум, похожий на скрежет. Было ощущение, что по каменным плитам пола волочили нечто тяжелое и при этом, видимо, окованное железом. Альфред поднял правую руку, отдавая приказ Горовицу обождать и затаиться. Тот мгновенно приказание выполнил, бесшумно скользнув за один из стеллажей.

Альфред тоже затаился в нише за каким-то шкафом. Там было очень пыльно, и все время хотелось чихнуть, но Альфред зажал нос платком и держался изо всех сил, как мог. Шум, впрочем, скоро прекратился, и теперь лишь изредка были слышны тихие шаги. Они, то приближались, то удалялись, как будто этот некто бесцельно ходил взад и вперед. Альфред выглянул из-за шкафа, но никого не увидел. Тогда он присел на корточки, и, стал очень медленно и тихо приближаться к месту, откуда доносился шум, а после и шаги. Он выглянул из-за очередного шкафа, и увидел худую фигуру, одетую в довольно приличную серую пару. Шляпы на голове у странного визитера не было. Человек невозмутимо бродил вдоль стеллажей, проводя пальцем по корешкам книг. Затем снова произошло нечто странное: продолжая размеренно двигаться вдоль книжных полок, человек дошел до ниши у окна, где стоял небольшой столик. На нем, это было отчетливо видно, возвышалась почти до высоты человеческого роста какая-то странная модель или же экспонат, по-

хожий на сферу, собранную из мелких плоских деталей различной формы и цвета. Рядом с этой моделью также лежали несколько мелких предметов, похожих на небольшие коробочки. Поравнявшись со столиком, странный пришелец, недолго думая, словно бы мимоходом, просто смахнул все на пол. Экспонат с грохотом рухнул и разлетелся на кусочки по всему залу – очевидно, большая его часть была либо стеклянной, либо фарфоровой. Человек же задержался лишь на какую-то секунду и затем продолжил свое прежнее движение вдоль стеллажей.

Альфред встал, и тихо подойдя сзади, шагов на пять, громко скомандовал:

– Стоять! Ни с места! Руки за голову! Здание окружено, и полиции отдан приказ стрелять!

Затем, через несколько секунд прибежал и Горовиц с пистолетом наготове. Но человек даже не обернулся. Он продолжал водить пальцем по корешкам, как ни в чем не бывало.

– Взять его! – приказал Альфред.

Горовиц, не долго думая, подскочил сзади и не очень сильно ударил странного «библиофила» дубинкой по голове. Тот покачнулся, и рухнул на пол.

– Вы что, Горовиц, с ума, что ли сошли? Вы что убили ключевого свидетеля? – Альфред был в ярости.

– Никак нет, господин Ланге. Он очнется через пару минут. Я пока что кандалы ему приделаю, если прикажете, –

ответил Горовиц немного смущенно.

– Ну, что ж... – ответил Альфред примирительно, – тогда что ж, приделывайте.

Горовиц достал из заплечного кожаного мешка ручные кандалы с короткой цепью, завел лежавшему руки за спину, и сковал их, скрутив «браслеты» тугими болтами. Затем он перевернул пришельца на спину.

Альфред от неожиданности отпрянул:

– Господи! Да это же... Феррано... Какого черта!?

Горовиц ничего не понял и, чтобы скрыть свое недопонимание спросил:

– Не прикажете ли им на лицо воды плеснуть? Чтобы быстрее очнулись.

– Попробуйте, – разрешил Альфред.

Горовиц достал из того же мешка большую флягу с водой. Открутив крышку, он быстро плеснул воды на лицо лежавшему неподвижно Феррано. Тот фыркнул, словно отплевываясь, и медленно раскрыл глаза. Затем он попытался сесть, но у него ничего не получилось.

– Помогите ему встать, Горовиц, – сказал Альфред.

Тот подошел к Феррано, взял его подмышки и без видимого усилия приподнял, а после, поставив на ноги, и убедившись, что тот не намерен падать, отпустил. Феррано качнулся, но устоял. Глаза у него были мутноваты.

– Где я, спросил он?

Альфред снова опешил:

– Вы что, хотите сказать, что не знаете, где находитесь? Не валяйте дурака, Феррано, – сказал Альфред строго.

– Феррано посмотрел на Альфреда и, подслеповато прищурившись, произнес:

– А.. это вы, господин писатель... Простите, забыл ваше имя.– Он видимо, хотел сделать какое-то движение руками, но только теперь понял, что они скованы. – Почему я не могу двигать руками? Они у меня что, связаны? Почему?

– Потому что вы совершили серьезное преступление, Феррано, а поэтому арестованы для дальнейшего следствия по вашему делу.

– Я арестован? Что за чушь? С какой стати? – спросил Феррано уже несколько более возмущенно.

– Скоро вы все узнаете. Горовиц, будьте добры, отведите арестованного в карету, Йорк пусть останется у дверей, а вы с остальными, включая и Паркера, отконвоируйте задержанного в камеру. По дороге – это особое требование – следите внимательно, чтобы никто из посторонних до него не дотрагивался. Это понятно? Это очень важно! В случае подобных попыток можете применять оружие.

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Выполняйте! – ответил Альфред. В его голосе звучало не то отчаяние, не то просто усталость.

Он обошел здание, обнаружил несколько опрокинутых шкафов и экспонатов, и решил, что в сущности, ему тут больше нечего делать, во всяком случае, до наведения пол-

ного порядка и проведения серьезной инвентаризации. С тем он и пошел к выходу, где снял с поста Йорка, запер решетку и, взяв извозчика, поехал в полицейское управление.

Глава 18

Маркус с двумя констеблями – Гудменом и Голдсмитом – осторожно подошел к двери и шепотом велел Гудмену отпереть ее. Тот кивнув, достал набор отмычек и сталковырять в замке сразу двумя. Через пару секунд дверь тихоотворилась. Маркус жестом велел полицейским оставаться наместе, а сам на цыпочках стал пробираться, поминутно озираясь. В прихожей было темно и тихо, и лишь откуда-то изнедр квартиры доносились приглушенные, довольно странные звуки, похожие на тихие стоны. Маркус дошел до конца коридора, и уперся в закрытую дверь. Он нащупал бронзовую ручку, похоже, она была сделана в виде когтистой лапы – в полутьме коридора ее было не разглядеть – и медленно, дабы не издать ни звука, провернул на пол-оборота. Дверь – слава богу – не скрипнула, и Маркус также на цыпочках вошел в комнату. Она была довольно велика, и внутри царил такой же полумрак, как и в коридоре, несмотря на то, что день выдался довольно солнечный. Два слоя плотных штор были задернуты, но тем мне менее, света все же было достаточно, чтобы понять, что в центре комнаты происходит нечто необычное. Маркус задержался, дабы дать глазам еще несколько мгновений попривыкнуть к полумраку. Вскоре он уже начал различать предметы: поначалу лишь крупные – шкаф, кресло – а после и те, что помельче. Он также увидел,

что в центре комнаты, очевидно, мелом нарисован довольно большой круг, по внутренней стороне которого были изображены какие-то фигуры, Маркус еще не очень понимал, что именно это было. С внешней стороны круга, по четырем сторонам, горели большие, но тусклые желтые свечи, видимо, они обозначали стороны света. Затем он разглядел в центре круга два свившихся нагих тела – мужчины и женщины. Они сидели лицом друг к другу и глаза их были закрыты. Они явно были в трансе. Женщина изредка двигала бедрами и немного постанывала. Видимо, именно этот звук и слышал Маркус, когда был в прихожей.

«Так... – промелькнуло у него в голове, – явно – магия соития. Только вот за кем же они охотятся? М-да... это-то как раз и необходимо узнать... стоп- стоп... спокойно... нужна вода и немного воска...»

Он тихо повернулся и, скользнув обратно в прихожую, тихо прикрыл дверь. Затем он стал двигаться по коридору в обратном направлении, ища при этом кухню. Она нашлась довольно быстро. Маркус тихо, без лишней суетливости, зачерпнув ковшиком воды из жестяного ведра, поставил его на стол у окна. Затем он подошел к стене, где на деревянной подставке в ряд, висели большие суповые ложки, деревянные молотки для отбивания мяса, мясницкие тесаки и прочая поварская утварь. Прихватив одну из ложек, не самую большую, Маркус стал искать свечу или просто кусок воска. Он открывал шкафчики, один за другим, но все это бы-

ло не то: коробки со специями, большие банки с крупами, мерная посуда и вот, наконец, он нашел то, что искал. К счастью в секции рядом с сушеными фруктами и грибами, кто-то оставил довольно толстую свечу из твердого темно-желтого, словно охра, воска. Особенной удачей было то, что свечу эту никогда еще не зажигали. Маркус не спеша нарезал от задней части свечи, сколько было нужно, уложил, приминая, желтые обломки в ложку, и тихо двинулся обратно в комнату, прихватив со стола и ковшик с водой.

«Если это вавилонская магия направленная на поиск врага, или же египетская по части выведывания секретов, то они сейчас не должны меня слышать...Рискованно конечно... Но, я думаю, вряд ли кто-нибудь придумал бы что-то получше, да еще и вот так вот...сходу...»

Он еще тише прошел в комнату, присел сбоку от пары, плавно движущейся в соитии, и, как можно тише поставил ковшик с водой подле себя. Ложку он занес над одной из горящих свечей и воск скоро расплавился. Затем он сделал несколько очень аккуратных пасов рукой с ложкой над головами пары, бормоча очень тихо какую-то странную молитву или же заговор. Ложка с воском шла по кругу, над головами. Маркус старался не торопиться с тем, чтобы, не дай бог не пролить на кого-нибудь получившийся расплав. Когда поверхность воска стала «схватываться», Маркус убрал ложку, и, снова подержав ее еще несколько секунд над огнем, быстро вылил содержимое в воду. Вода странно заши-

пела, и на секунду даже показалось, что из нее пошли искры. Пара тотчас очнулась и женщина, вскочив, страшно закричала, ища одновременно глазами, чем бы прикрыться. Маркус без труда узнал ее: это была Клавдия. Через секунду он также узнал и учителя Йорковича, которого видел однажды со стороны. Делать было нечего, и Маркус выхватил свисток и засвистел. В комнату, топоча тяжелыми башмаками, ворвались констебли. Клавдия пошатнулась, глаза ее закатились, и она упала навзничь на пол. Густав схватился за голову и, неистово закричав, бросился к своей возлюбленной. Но он не успел, через секунду он уже бился между двумя крепкими полицейскими.

– Она же умрет! – кричал Йоркович, – вы же ничего не понимаете!

Он кричал, вырывался, иногда даже плакал, но Маркус строго оборвал его:

– Прекратить истерику! Немедленно! Говорите: почему умрет? Что тут происходило?

– Мы пытались управлять одним человеком, – дрожащим голосом начал Густав, – Клавдия полностью вошла к нему, когда вдруг он потерял сознание: обморок или еще что-то... было непонятно... И она осталась в нем... Понимаете? Я пытался ее вытащить, но тут вы... Господи,... Что теперь делать? – он уже почти рыдал. – Господи, мы ведь не крали и вообще не желали никому зла, я ведь просто хотел вернуть свое...

Он сидел нагой посреди круга, охватив руками голову, и никого не замечая, рыдал, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Пусть оденется, – приказал Маркус констеблям.

Гудмен и Голдсмит приподняли Йорковича подмышками и вывели в другую комнату.

– Одевайтесь, – приказал Гудмен и протянул прихваченную с пола в прежней комнате грудку мужской одежды.

Густав посмотрел на него и стал медленно одеваться, время от времени всхлипывая. Дрожащими пальцами он застегивал пуговицы на сорочке, и при этом не то плакал, не то мычал что-то нечленораздельное, мотая головой. Один раз он попытался рвануться обратно к Клавдии, но был тотчас остановлен. Когда, наконец, Густав застегнул последнюю пуговицу, Голдсмит надел на него ручные кандалы и усадил в кресло.

Маркус подошел к телу Клавдии и пощупал пульс. Она была жива, но ее состояние походило не то на шок, не то – на каталепсию. Он подошел к окну, раздвинул шторы, и, достав носовой платок, трижды поднял его над головой. Затем он ушел в другую комнату, где констебли помогали, бьющемуся в истерике Густаву одеваться.

– Голдсмит, будьте так любезны, подойдите сюда, – Маркус поманил рукой в коридор одного из полицейских.

Когда констебль вышел, Маркус прикрыл дверь.

– Значит так. Ваша задача: как можно быстрее найти док-

тора и прибыть с ним сюда. Пусть осмотрит эту даму... – Маркус мотнул головой в сторону комнаты. – Если доктор решит, что она может прийти в себя – везите ее к вам в управление. Я вызвал нашу сотрудницу, она поможет ее одеть или же взять все, что необходимо. Если доктор решит, что она прийти в себя не сможет, пусть везет ее в клинику. В этом случае вы будете ее сопровождать, и останетесь при ней вплоть до смены. Это ясно?

– Так точно, – ответил Голдсмит без особого энтузиазма.

– Вот и хорошо. – Маркус похлопал его по плечу. – Дело это необычное. И у вас имеются все шансы подрости по службе.

Голдсмит тотчас вытянулся по стойке смирно.

– Идите, и побыстрее, прошу вас. Я дождусь вас с доктором.

– Есть! – отрапортовал Голдсмит и, хлопнув входной дверью, побежал вниз по ступенькам.

Маркус вернулся в комнату, где Гудмен караулил Густава. Последний уже был одет, хоть и выглядел изрядно расхристанным.

– Значит так, Гудмен, – сказал Маркус и посмотрел на часы, – Ваша задача – как можно быстрее доставить задержанного в камеру. Если кто-то по дороге попытается до него дотронуться – можете стрелять. Это ясно?

– Ясно-то... ясно... только вот не по уставу это... – выказал сомнение Голдсмит.

Маркус молча достал блокнот, и на чистом листе написал: «Я, частный детектив Маркус Де Ниро, наделенный полномочиями младшего дознавателя Министерства приказываю:

– Предотвращать любые попытки контактов, особенно тактильных, с задержанным Густавом Йорковичем. Приказ распространяется на всю продолжительность дороги от квартиры задержанного и до полицейского управления. В случае попыток подобных контактов со стороны посторонних, требуется пресекать подобные действия любыми способами, вплоть до применения оружия.

сего числа...

Подпись: Маркус Де Ниро

Печать: Частное сыскное агентство «Гончие псы»

– Такой документ вас устроит? – спросил Маркус.

Констебль прочел документ, шевеля губами, и кивнув, спросил:

– «Тактильный», это что такое?

– Не давайте никому до него дотронуться, пресекайте попытки его обнять, пожать руку и тому подобное. Не давайте даже тронуть его за плечо! Разговоры тоже нужно пресекать, но стрелять при этом не нужно. Понятно?

Констебль кивнул.

– Ну и отлично! Ступайте. – Маркус открыл перед ними дверь, сначала одну, а после и вторую.

Когда констебль с Густавом убыли, Маркус вошел в ком-

нату, где недавно проходило магическое действо, аккуратно взял ковшик и вытащил из воды образовавшуюся восковую фигурку. Она ему явно кого-то напоминала, но он пока не понял, кого именно. Затем он положил восковую фигурку в пустую стеклянную банку, также найденную прежде на кухне, погасил свечи, достал блокнот, и зарисовал созданный Йорковичем и Клавдией магический алтарь.

«А ведь я ошибся, – подумал он, – обряд-то был кабалистический. Вон, внутри круга-то обращения к ангелам по-иудейски: Азраель – Анаель... и так далее...» Он все зарисовал и записал, но разбираться в деталях было некогда. Затем он прикрыл голое тело Клавдии простыней и стал дожидаться Сандру и констебля с доктором.

Первой объявилась Сандра:

– Дядя? Как вы тут оказались? – удивилась она.

– Да как... Сегодня что-то необычное происходит

Кстати... – он достал свой кисет с цветной кистью.

Сандра серьезно кивнула и достала свой бисерный кошелек, на котором тоже висела цветная кисть. Маркус кивнул в ответ.

Он объяснил Сандре, что нужно делать, по прибытии доктора, и после продолжил проводить обыск квартиры. В одном из шкафов он обнаружил несколько банок со свернутыми змеиными кожами, шкурками летучих мышей и прочей подобной всячиной. То ли Йоркович, то ли Клавдия, а может быть и оба, явно не были чужды не только большой магии, но

и банального деревенского колдовства. «Впрочем, если нужно всего лишь зажечь свечу, стоит ли для этого привлекать артиллерийский полк со всем их порохом? В каких-то случаях и колдовства вполне достаточно», – подумал Маркус, – «Впрочем, то, чему я стал свидетелем, явно не было тривиальным колдовством. Однако, пока остается неясным за кем же они охотились? И потом, что нам известно, о личном подселении, и о том, о чем говорил Густав? Хм... А ведь я почти ничего об этом не знаю. Никогда не слышал даже, чтобы кто-то такое практиковал. Но, увы, магия – наука бескрайняя, как океан, и потому всего знать тут никто не может»

Маркус вернулся в комнату. Сандра явно очень нервничала. Она прохаживалась, поминутно садилась то там – то сям, вставала, и все время старалась держать взгляд подальше от Клавдии.

Маркус был тоже явно чем-то очень озабочен, и по его виду было понятно, что всякие расспросы в данный момент были бы крайне неуместны. И, тем не менее, Сандра рискнула:

– Дядя, скажите, что тут происходило?

– Если честно... я и сам не очень понимаю... – начал было

Маркус, насупившись.

– Дядя, – сказала Сандра строго, – я – не ребенок. И я хочу знать, что тут происходило. В конце концов, мы тут оба находимся по долгу службы!

– Хорошо... – Маркус откашлялся. – По моему мнению,

ту происходила магия соития.— Он снова откашлялся.

— Что? — Сандра немного покраснела.

— Ты спросила, я — ответил: магия соития. Еще вопросы? —

Маркус пытался казаться холодным.

— А что это такое? — спросила Сандра почти с ужасом.

— Это — разновидность магии, как и многие другие ее виды.

— Дядя! — потребовала Сандра.— Расскажите мне! Иначе... не исключено, что кто-то... может воспользоваться моей неосведомленностью!

Маркус поднял на нее глаза.

— Да, наверное, ты права. — Он сел в кресло. — Ты, права, конечно... Кто, как не я, должен тебе все рассказать.. Ну, в общем — так... Это — довольно особенный вид магии, описанный еще в египетских источниках. Хотя... видимо... это куда более древняя традиция, восходящая к Месопотамии, если и не к самой Атлантиде. Ну, в общих чертах суть такова, что маг — мужчина может иметь силу, скажем — X , и маг — женщина, может иметь силу, допустим Y . Однако когда они сливаются... — ну, ты понимаешь, — их сила почему-то становится равной даже не произведению X и Y , но гораздо больше. Я подозреваю, хоть и не уверен, что результирующая сила будет равна либо X в степени Y , либо — наоборот, в зависимости от того, кто в данном акте магии доминирует, или точнее — является ведущим. В данном случае, я думаю, что ведущей была она, — Маркус кивнул в сторону Клавдии.—

Впервые, об этой магии было сказано в папирусе египетского жреца и мага Хоремхеба, жившего во времена правления фараона Тутмоса третьего. Но... я повторяю, скорее всего, и записи Хоремхеба – сгоревшие, кстати, в пожаре Александрийской библиотеки – это пересказ еще более древних текстов. Понятно?

– Да... – ответила Сандра, – но что тут все-таки происходило? И почему вы полагаете, что это была магия, а не, скажем, просто... хм... соитие?

– Если бы это было просто соитие, Клавдия бы не находилась теперь в состоянии каталепсии. Что же именно тут происходило, мы пока не знаем... – ответил Маркус довольно правдиво, – но посредством этой магии обычно отслеживают врагов или их секреты.

– Вот как?.. А что сейчас делает Альфред? – спросила Сандра.

– О... Не переживай за него! Я думаю, ему сейчас не до нас совершенно!

– Это я понимаю... Он прислал мне шифровку следить дальше за этой квартирой, и тут – такое!

– И что? – удивился Маркус. – ты справилась. Можешь не волноваться. Дождемся доктора, и после поедем домой.

– Как это домой? – возмутилась Сандра. – А как же мой пост?

– Да ну... За кем же тут наблюдать теперь? Густав Йоркович – в полиции, Клавдия – тут, и неизвестно – выживет ли...

– А вдруг сюда придет кто-то еще?

– Кто? – немного иронично спросил Маркус.

– Я не знаю. Если бы было понятно, кто, то и следить было бы незачем. В общем, как только придет доктор, я возвращаюсь обратно на пост наблюдения! До отменяющего приказа Альфреда.

– Ну, как знаешь... – Маркус пожал плечами.

Минут через двадцать вернулся констебль с доктором.

– Что тут у вас? – осведомился он и, увидев на полу лежащую Клавдию, направился к ней.

Доктор велел всем выйти, за исключением девицы.

– Вас, мадмуазель, я попрошу остаться, если можно, – сказал доктор, обращаясь к Сандре, – ваша помощь мне может понадобиться.

Маркус, прихватив банку с восковой фигуркой, а также свои записи, вышел вслед за констеблем. Примерно через десять минут доктор вышел в кухню, где Маркус с Голдсмитом сидели у окна и, молча, покуривали.

– Господа, я в затруднении. Я не знаю, что с ней. Это не обморок и не каталепсия. При этом все органы работают нормально. Я предлагаю следующее. Мы сейчас вызовем медицинскую карету и отвезем ее в госпиталь Марии Магдалены. А там я назначу консилиум, и мы попробуем разобраться. Других предложений у меня нет.

– Ну что ж... – задумчиво ответил Маркус, – так и поступим. Однако пока эта дама находится под следствием, око-

ло нее будет дежурить констебль, вплоть до дальнейших распоряжений. Позаботьтесь, доктор, чтобы ее поместили в отдельную палату, желательно без окон, или же с небольшим окном. Это возможно?

– Я думаю, да, – кивнул доктор.

– Вот и отлично. Голдсмит, вы поедете с доктором, а с вечерней сменой, вас кто-нибудь подменит. А я поеду в управление, составлю рапорт обо всем, что здесь произошло. Сандра, ты не передумала оставаться?

– Нет, дядя.

– Что ж, тогда все по своим местам, как говорится... – Он встал и направился к двери.

* * *

Было уже около трех часов пополудни, когда Маркус добрался до управления полиции. Войдя, он спросил у дежурного, здесь ли еще господин Ланге или же ушел? Дежурный – немного сонный – кивнул, и сказал, что господин Ланге сейчас вроде бы ведет допрос. Маркус поблагодарил, и отправился в допросную. Он постучал, и, слегка приоткрыв дверь, увидел Альфреда, который расхаживал по комнате и что-то вещал тоном, напоминавшим внушение провинившемуся школьнику. Однако допрашивал он вовсе не Йорковича, а какого-то другого человека. Маркус смутно припоминал, что где-то его уже видел, но не мог припомнить, где именно. Альфред повернулся, и сделал приглашающий жест рукой:

– А! Вот и отлично, что вы прибыли! Заходите. Вот, ува-

жаемый господин Де Ниро, перед вами никто иной, как задержанный сегодня днем в секретном хранилище. И он же по совместительству у нас ни много ни мало – исполняющий обязанности бургомистра, сам Луиджи Феррано, собственной персоной!

– Как? Это и есть господин Феррано? – Маркус был немного сбит с толку.

– Он самый, – подтвердил Альфред. – Был задержан во время несанкционированного проникновения в сверхсекретное хранилище.

– Вот как? И зачем же? – недоумевал Маркус.

– Вот это я и хочу от него услышать, – Альфред сел на край стола. – Ну что, будем говорить, или я сразу передаю дело в Министерство? Тем более что мне известны ваши мотивы, я лишь даю вам шанс, так сказать, облегчить свою участь.

– Вот как? – оскалился Феррано, – И каковы же мои мотивы? Объясните! Прошу вас! Ибо это и для меня самого загадка!

– Вы что же, ничего не помните? – спросил Маркус.

– Ничего! – отрезал Феррано.

Маркус вдруг почувствовал нечто странное, будто он видел этого человека совсем недавно, буквально час назад: на улице или где-то еще...

– В котором часу он был задержан? – спросил Маркус Альфреда.

– Да минут через двадцать, как вы ушли из хранилища, –

спокойно ответил Альфред.

– Хм... значит, не на улице...

– Что вы сказали? – переспросил Альфред.

– Нет, нет, ничего, – Маркус положил свой блокнот на тумбочку у окна, и туда же поставил и банку. Затем он посмотрел на Феррано, после снова на банку, и спросил:

– Скажите, господин Феррано, не могли бы вы рассказать как можно подробнее, что с вами происходило вчера и сегодня утром, вплоть до того момента, когда у вас произошел так сказать, этот провал в памяти?

– Это еще зачем? – удивился Феррано.

– Видите ли, я, кажется, догадываюсь, что с вами произошло, и теперь ваша судьба очень сильно зависит от вашей откровенности.

Альфред вопросительно посмотрел на Маркуса, и тот сделал успокоительный жест рукой, мол, доверьтесь мне.

– Ну что ж... – начал Феррано, – вчера я был весь день в магистрате. Потом поехал в «Голову короля» – встретиться моим приятелем.

– Густавом Йорковичем? – уточнил Маркус.

– Да, с Густавом Йорковичем, – подтвердил Феррано и с некоторым вызовом посмотрел на Альфреда, мол, а что уже с друзьями встречаться запрещено?

– С какой целью? – спросил Альфред.

– Да ни с какой. Просто поболтать, в картишки перекинуться. Мы встречаемся иногда. Он приятный человек, а что

тут такого?

– Понятно, и что дальше? – перебил Маркус.

– Да ничего, – пожал плечами Феррано, – посидели, поболтали, выпили немного, да и разошлись.

– И что было потом? – спросил Маркус.

– Ничего, говорю же вам... Приехал домой, и лег спать. – ответил Феррано немного раздраженно.

– И ничего странного в этот вечер не было?

– Да вроде нет, – ответил Феррано, пожав плечами.

– И не было такого, что бы вам вдруг внезапно стало плохо, или вы на мгновение потеряли сознание? – настаивал Маркус.

– Вообще-то, вы правы! – задумавшись и немного растягивая слова, ответил Феррано. – Когда я выходил из этого трактира, то в дверях столкнулся с каким-то типом, похоже, каким-то приказчиком. Проходя в дверь, он слегка прикоснулся ко мне, и у меня в тот момент сильно закружилась голова. Я подумал, что это странное совпадение... Но тот лишь извинился, да и пошел себе...

– И как часто у вас голова кружится? – уточнил Альфред.

– Очень редко, почти не бывает такого, – ответил Феррано, – последний раз, помню было что-то похожее в детстве, когда я болел скарлатиной.

– Интересно, сказал Маркус, – а что еще вы можете вспомнить?

– Да вроде бы, это и все... Утром проснулся, вышел из

дома, чтобы пойти в магистрат, а вот дальше – уже ничего не помню. Вплоть до момента, как вы меня разбудили, что ли...

– У вас ничего не пропадало из личных вещей? – спросил Маркус.

– Насколько я помню, нет... Хотя...

– Что, «хотя»? – спросил Альфред. – Говорите, Феррано, говорите, мы тут с вами не для своего удовольствия сидим! Любая деталь может оказаться для вас решающей в этом деле.

– Да, нет... это – ерунда... даже говорить об этом странно, – Феррано впервые улыбнулся.

– Ничего, говорите, – снова надавил на него Альфред.

– Ладно. Ночной колпак у меня пропал. Позавчера еще был, а вчера – все обыскал – как в воду канул.

– Дорогой был колпак? – спросил Маркус.

– Да какой там! Самый что ни на есть заурядный. Привык я просто к нему.

– Кто кроме вас, имеет доступ в дом?

– Приходящая домохозяйка.

– Имя, фамилия! – потребовал Альфред.

– Женестьева Дюбари, а что такое? Это вполне достойная, пожилая женщина. Не станет она колпаки воровать! Никогда не поверю!

– А еще кто? – спросил Альфред настойчивее.

– Больше никто. – Феррано несколько театрально мотнул головой.

– А если подумать? – Альфред снова навис над задержанным.

– Это вас не касается! – отрезал Феррано.

– Вот как? – Не без сарказма спросил Альфред, – Ну раз вы не хотите спать в своей кровати, а предпочитаете камеру, я вам это вполне могу устроить. Тем более что нигде так хорошо не думается, как на тюремных нарах.

Феррано вздрогнул и склонил голову.

– Хорошо, – сдался он, – я встречаюсь с одной женщиной. Она не очень знатного рода, но очень достойная. Вдова какого-то военного. Она не любит рассказывать о своем покойном муже, поэтому я не знаю точно, кем он был. Мы уже встречаемся больше месяца, и я дал ей ключ, чтобы она могла приходить, когда захочет.

– Понятно. А имя у вдовы имеется? – спросил Альфред.

– Разумеется, но вы ведь не станете ее допрашивать? Она вообще уехала на неделю к своей кузине, та захворала вроде бы.

– И, тем не менее, имя и адрес вдовы, и побыстрее! – настоял Альфред, – Я не собираюсь тут с вами до утра сидеть!

– Ее зовут Розалина, а где она живет, я не знаю. Она сказала, что мне появляться у нее неудобно, а потому и адрес не дала.

– И где вы познакомились? При каких обстоятельствах? – спросил Маркус.

– Меня представил ей мой приятель Густав. Они с ней

вроде бы какие-то дальние родственники.

Маркус и Альфред переглянулись, а затем Маркус спросил:

– Скажите, а как вы спали прошлой ночью?

– Вы знаете, довольно крепко, я вообще сплю хорошо, но мне снился какой-то очень неприятный сон. Обычно я sny помню хорошо, а тут – ничего не могу припомнить, более того: даже когда просто пытаюсь что-то вспомнить, становится очень неприятно на душе.

– Понятно. У меня больше пока что вопросов нет, – сказал Маркус. И затем, обращаясь к Альфреду, спросил, – Господин Ланге, не изволите ли выйти на пару слов в коридор?

Альфред кивнул, и пошел к выходу, а Маркус, направляясь следом, прихватил за чем-то банку, стоящую на тумбочке.

В коридоре Маркус достал из банки фигурку и протянул ее Альфреду:

– Вам она никого не напоминает? Только не сжимайте сильно, прошу вас! Это – воск.

Альфред взял в руки фигурку и недоуменно посмотрел на Маркуса.

– Что это? И как прикажете вас понимать?

– Это – «выплеск». Приходилось видеть когда-нибудь?

– Ну, это что-то из области деревенского колдовства? – удивленно спросил Альфред.

– Да, там такое тоже бывает, например, когда яйцом сглаз

выкатывают²⁹, но тут у нас магия очень высокого уровня. Короче говоря, я выдернул его из совместного сознания Йорковича и Клавдии во время магии соития. Теперь понятнее?

– Обождите... я что-то совсем запутался... Но ведь этот ваш выплеск – практически миниатюрный портрет Феррано! Так не бывает!

– В том-то и дело! Обычно – вы абсолютно правы – выплеск бывает довольно невнятным, а тут – прямо шедевр какой-то! Готовая миниатюра, жаль, что не из дерева или кости... Но это говорит лишь о совершеннейшей подготовке. Вопрос, как они собрали симпатические агенты³⁰? Думаю, кстати, что пропавший колпак – как раз таки один из этих агентов.

– Вот как? Так вы полагаете, что он не лжет?

– О, нет. Он – жертва – это точно. И он, скорее всего, действительно ничего не помнит. Думаю, если у вас больше к нему нет вопросов, то стоит его отпустить. Вернемся к этому делу чуть позже, когда будет яснее общая картина, а она очень непростая. И нам еще надо многое обсудить.

– И, кстати, очень важно будет обнаружить эту таинствен-

²⁹ В примитивной магии есть метод снятия сглаза посредством «выкатывания яйцом». После процедуры, яйцо разбивают в воду, и желток – «выплеск» – часто приобретает форму того человека, который сглазил или же наслал порчу.

³⁰ В магии часто используются т.н. «симпатические агенты», т.е. предметы или вещества, симпатически связанные с человеком, против которого направлена магия. Часто – это вещи, которые находились у человека в постоянном использовании не менее года. Используют также кровь, волосы, выделения и т.д.

ную вдову военного. Но об этом мы подумаем чуть погодя, – заметил Альфред. – А что там еще происходило на квартире? И где Сандра?

Маркус вкратце изложил суть произошедшего.

– Вот это да!– Улыбнулся он, – Где мне еще взять такого работника? Так, ладно... Феррано я, пожалуй, действительно отпущу, а вы, если не трудно – поезжайте за Сандрой. Скажите, что ей приказано отдыхать. А я пошлю кого-нибудь на смену Голдсмиту, так вы сказали зовут того констебля?

– Именно. Часам к восьми, не желаете заехать? – спросил Маркус.

– Разумеется, разумеется. А Йорковича допросим завтра, нам и вправду нужно многое обсудить.

– Несомненно, – сказал Маркус. Затем он вернулся в допросную комнату за своим блокнотом, и после, спустившись вниз и, спросив у дежурного экипаж, отправился за Сандрой.

Глава 19

– Итак, что у нас есть на сегодняшний день, кроме трех трупов и еще одного, в смысле – «одной», которая, как мы знаем, тоже пока что от трупа мало отличимая?– Спросил Альфред, потягивая шерри.

– Ну, мы только за сегодня узнали больше, чем за все предыдущее время, – ответил Маркус. – Например мы уже знаем, что Густав Йоркович, скорее всего, никакой не учитель, и, может быть, и не Густав Йоркович, а Клавдия, может быть тоже – никакая и не Клавдия вовсе, как Сандра нам и подсказывала раньше...

– И что нам это дает?– спросил Альфред, затягиваясь сигарой, – мы не знаем, ни за кем они следили, ни что им вообще было нужно. Я уже не говорю, что все это вообще никак не вяжется с делом о смерти старосты.

– Мне кажется, мой друг, что вы как всегда торопитесь. Быть может, завтра что-то выяснится, – возразил Маркус, – после допроса Йорковича.

– Вполне может быть, но я ведь подвожу итоги, на сегодняшний день, – возразил Альфред.

– Да, в этом смысле вы правы, пожалуй, – согласился Маркус, – сегодня мы еще знаем недостаточно.

– И вот еще что... – Альфред кашлянул, и, глядя в свой бокал, добавил, – сегодня утром я был у вдовы.

– Вот как? – Маркус слегка выпрямился, он был явно удивлен – И зачем же?

– Как вам сказать... – Альфред сделал паузу, и закрутил в бокале свой шерри, – я чувствовал, что тут остается какая-то неясность. Ваш визит, хоть и был по-своему ценен, но, по сути, не принес никаких новых фактов.

– Ну, допустим, а что узнали нового вы? – спросил Маркус, сделав небольшой глоток.

– Главным образом, я получил нужное мне впечатление, и оно, представьте, резко отличается от вашего, – ответил Альфред.

– Интересно. И чем же? – произнес Маркус с легкой иронией.

– Вдова, как я теперь уверен, далеко не так проста, как может быть кажется, на первый взгляд. В сущности, я должен признать, что мой визит закончился полным провалом, – и Альфред вкратце рассказал о том, как проходила его встреча.

– Вот это да! – воскликнула Сандра, – А можно взглянуть на этот... пентакль? Я правильно назвала этот предмет?

– Да, конечно. Альфред снял с шеи серебряный пентакль, одолженный Маркусом.

Сандра повертела его в руках и скоро вернула.

– Дайте-ка теперь и мне глянуть, пожалуйста. – Маркус протянул руку, и Альфред положил ему на ладонь серебряный кружок.

Маркус достал лупу и стал разглядывать. Он переворачивал пентакль разными сторонами, разглядывал его кромку, а затем сказал:

– Вам не показалось, мой друг, он вполне мог во время вашего визита нагреться. И это не было нападением. Это было чем-то вроде попытки «потрогать вашу душу».

– Как это? – спросила Сандра с любопытством.

– Ну, вот так. Это дает возможность понять человека без всяких слов. Она, или кто-то еще как раз и попытался...

– А откуда вы знаете? – спросил Альфред.

– На аверсе есть небольшие вкрапления, видимые только при большом увеличении. Они – синие, что и говорит о том, что я вам только что сообщил. Оставьте, будьте любезны, пентакль у меня, его нужно очистить. А я вам его завтра верну.

– Да, конечно, благодарю вас, – ответил Альфред.

Маркус спрятал пентакль в карман, и, немного помолчав, сказал:

– Собственно, главное, о чем я вам хотел сказать... хм... Кажется, я знаю, как вернуть в сознание Клавдию, ну, или, по крайней мере, поговорить с ней.

– Как это? – удивился Альфред.

– Нет, я, конечно, не ручаюсь, но... я уже где-то читал о таких случаях. Мне нужно сосредоточиться, и я непременно вспомню. Мы знаем точно, что это был каббалистический ритуал, я записал, к кому именно было обращение, а вот

дальше... мне нужно вспомнить, что предлагается делать в таких случаях. Я не помню точно, где именно я встречал что-то подобное. То ли у Менахема бен Эзры³¹, то ли у Шимона бар Йохайя³²... Хотя, последний – это вряд ли... он больше теоретик, философ, нежели практик... В общем, я подумаю. Может, быть, до утра что-то найду.

– Это было бы превосходно, – сказал Альфред и поднял бокал, – судя по всему, на докторов нам вряд ли стоит очень уж надеяться, не так ли?

– Да, – подтвердил Маркус, – если это то, о чем я подумал, и если Йоркович говорил правду, то тут медицина, во всяком случае, классическая, бессильна.

– А что с ней произошло? – спросила Сандра.

– Видишь ли, Йоркович, когда был в состоянии аффекта, проговорился, что они за кем-то следили. Дух Клавдии уже полностью вошел в тело этого незнакомца, когда тот почему-то потерял сознание... Это – большая проблема, поскольку в этом случае, ее дух не может вернуться обратно в свое тело.

– Обождите... – поднял руку Альфред. – Когда мы брали Феррано, он был совершенно невменяем, и констебль стукнул его дубинкой по башке, отчего тот и потерял сознание.

³¹ **Менахем бен Эзра** (3-й в.н.э) – выдающийся каббалист и алхимик. Его авторству так же приписывают несколько крупных трудов, связанных с ритуальной магией.

³² **Шимон Бар Йохай (Рашби)** (2-й век н.э) – один из виднейших еврейских законоучителей, праведник, основоположник каббалы.

Ненадолго. Так вот, уж, не за Феррано ли они следили?

– А что? – Маркус задумался, – Очень может быть. Как я сам об этом не подумал! Ведь и выплеск, который я получил, говорит как раз об этом! Тут вообще, как я погляжу, все крутится вокруг этого хранилища...

– Погодите, – Сандра даже привстала от волнения, – А как же Феррано? Разве у человека может быть сразу две души?

– Действительно... – подтвердил Альфред, – Что вы, Маркус, об этом думаете?

– Ну, вообще-то нечто похожее иногда наблюдается, – заметил Маркус, – я как-то беседовал с одним доктором, который пользовал одного душевно больного пациента. Так вот тот, время от времени, вел себя то, как один человек, а то – как совсем другой. Причем первый был довольно добродетельный, а второй – настоящий злодей! И это не было притворством. Его проверяли по-всякому. Более того, один «внутренний человек» даже не подозревал о наличие другого, и наоборот. Я вот и подумал, что вдруг это как раз такой случай?

– Да, возможно... – сказал Альфред, выпуская сигарный дым, – но нам это опять же мало что дает. И мы по-прежнему не знаем, отчего умер Ковач и кто убил того неизвестного. И – да – вы правы, Маркус, все, в конечном итоге приводит нас к хранилищу. Даже мертвый Манфред...

– Манфред? – удивилась Сандра.

– Ну да, у него ведь тоже формально имелся допуск в это

самое хранилище, – ответил Альфред, – Он, правда, утверждал, что никогда не бывал там, но сегодня это уже не так важно, не правда ли?

– Да, действительно, – Маркус кивнул.

– Ладно, – Альфред встал. – Предлагаю всем идти отдыхать. Завтра будет не менее трудный день. Сандра, вы правы, я, пожалуй, попрошу вас продолжить наблюдение за квартирой Йорковича. Маркус, вы сможете завезти завтра утром Сандру на пост?

– Конечно!– ответил тот.

– Вот, и отлично. Вы не хотите после этого поучаствовать в допросе Йорковича?

– Хотел бы, но мне сначала нужно заехать в контору, посмотреть, что и как, а после уж... Впрочем, если я что-то придумаю относительно Клавдии, мне все равно понадобится ваша помощь. Так что, я или сам приду, или же пришлю посыльного в управление полиции.

– Отлично! Договорились. Кстати, вот новый цветовой код, – Альфред положил на стол листок с цифрами и присвоенными цветами. – Мой код теперь – синий, белый и оранжевый. До завтра, друзья мои! Сандра, позвольте мне еще раз выразить вам мое искреннее восхищение вашим острым умом, наблюдательностью и расторопностью. Вы – лучший ассистент, с кем мне когда-либо доводилось работать.

Сандра улыбнулась и покраснела, а он слегка поклонился, и направился к выходу.

Альфред с минуту поворочался, а затем сел на кровати. Было совсем темно, явно далеко за полночь. По оконному стеклу струились ручейки: непогода за окном разыгралась не на шутку. Это уже был пятый раз, когда он проснулся, можно сказать, ни с того ни с сего. Хотя, конечно, причина все-таки была. Но это не были тяжелые кошмары или же обычная бессонница, какая, впрочем, чаще одолевает стариков. Нет, просто ему снился постоянно один и тот же, повторяющийся даже в мелких деталях, странный сон: к нему являлся маленький человечек, беззлобный, впрочем, и даже довольно доброжелательный. Он медленно подходил и, протянув свечу впереди себя, всякий раз вздыхал, а затем задавал один и тот же вопрос: «Ну, и что дальше?»

Первые два раза, собственно, Альфред не проснулся, лишь поворочался с минуту, и тотчас снова крепко заснул, но дальше все это стало настолько назойливым и странным, что уже даже начало походить на кошмар.

Впрочем, сны слегка изменялись. Например, в последующих снах, человечек стал также, молча, протягивать Альфреду четыре талера. В этот момент он и просыпался, словно бы вздрагивал. Деньги – понятно – сами по себе – дурной знак во сне, но во всей этой сцене было что-то еще, все было явно не так просто. За всем этим скрывалась какая-то неопознанная деталь, которая была крайне неприятной, словно соринка в глазу. И что именно это было, Альфред никак не мог

понять. В какой-то раз, он уже проснулся оттого, что понял, будто человечка этого он уже где-то видел, и даже в каком-то людном месте, вот только где? В «Змее и льве»? Вряд ли. Тогда где? Может, в «Золотом колесе»? Тоже – нет.

Альфред снова сел на кровати свесив ноги. Он стал перебирать в памяти день за днем: память на лица у него была превосходная. Так он просидел с полчаса, но, увы, ничего не вспомнил. Нет, этого человечка он видел не на улице и не в трактире, это точно... Стоп, стоп, стоп! Он слез с кровати, зажег свечу, а затем подошел к шкафу, отворил скрипучие дверцы, и достал свой старый фанерный чемодан оклеенный синим бугристым дерматином. Звонко щелкнув замками, Альфред откинул крышку. Порывшись немного, и, слегка испачкав одну из сорочек свечным воском, он достал свою старую колоду Таро, с которой не общался уже с месяц. Найдя четверку динариев³³, он сел и с облегчением выдохнул. На карте был тот самый человечек, только тут он сидел, держа в руках один динарий и поставив обе ноги еще на два таких же. Четвертый был у него над головой. За его спиной виднелся город, с такой же ратушей и башнями, как и тут в Марионвиле. «Что бы это значило?» – подумал Альфред. То, что все это не случайность, было очевидно, но смысл данного намека или совета, был пока скрыт. Один из многих смыслов

³³ В картах Таро, как и в обычных игральные картах – четыре масти: жезлы, мечи, чаши и динарии. Собственно, именно из Таро и появились игральные карты, известные сегодня.

карты это то, что человек не видит новых возможностей, что все, что он делает чересчур консервативно, а без известной гибкости, проблему будет решить невозможно.

– Что бы это значило конкретно?– Подумал Альфред.– Я вроде наоборот, даю всем высказываться, слушаю советы Маркуса... Ладно, совет принят. Быть может, завтра или чуть позже, как раз и выяснится, к чему все это мне снилось.

Он погасил свечу и вернулся в постель. Через минуту он уже заснул крепким сном и более не просыпался до утра.

* * *

– Итак, господин Йоркович, – начал допрос Альфред, – не желаете ли сообщить следствию добровольно что-либо по существу дела?

– А что, по-вашему, является существом? – огрызнулся Густав.

– Ну, например, с какой целью вы проводили магический ритуал, повлекший потерю здоровья госпожой Клавдией... как ее фамилия, кстати?

– Фамилия ее Бертлен, – глядя в стол, ответил Густав.

– Допустим... – сказал Альфред, – а что вы можете сказать относительно остального?

– Чего остального?

– Ну, например, что вы можете сказать относительно целей, ради которых вы проводили этот ритуал?

– Ничего, – отрезал Йоркович.

– Вот как? Ну что же... Как хотите. – Альфред встал, – Я думал вам помочь, но раз уж вы желаете пройти весь этот скорбный путь в подвалах Министерства, что ж... я вас отговаривать не стану. Клавдию мы не сегодня – завтра приведем в чувство, и, возможно, она будет поговорчивее вас. В этом случае, кстати, она выйдет чистой, а вы пройдете сразу по нескольким делам, и не только за практику запрещенных видов магии. Например, вас будут судить также за убийство старосты Жака Бюжо. Вы ведь лжесвидетельствовали тогда на суде, не так ли? А это – смертная казнь, причем, далеко не факт, что вам повезет и вам пропишут виселицу... Сами понимаете. Ну что ж, успеха я вам желать не буду, поскольку ни капли в него не верю, так что – прощайте!

Альфред направился к двери.

– Стойте!

Альфред обернулся. Густав по-прежнему глядел в стол.

– Что мне будет, если я все расскажу?

– Я не знаю. Обещать ничего не могу, но, я буду ходатайствовать перед Министерством, о максимальном снисхождении в момент вынесения приговора. Во – всяком случае, смертная казнь уже будет маловероятна.

– Хорошо. Надеюсь на вашу порядочность.

– Итак. – Альфред снова сел.

– Дело в том, что у моего отца была книга. Это алхимический трактат «Тайный ход в закрытый дворец Короля» некоего Эйренея Филарета. В общем-то, именно благодаря этой

книге я и научился производить переходы белого и черного серебра. Затем отца по какому-то доносу обвинили в измене королю, что было абсолютной ложью, и вскоре казнили. Все имущество тотчас конфисковали. Мать через месяц умерла от горя, да и я был на грани голодной смерти. Но, судьба улыбнулась мне. Меня подобрал прямо на улице аптекарь Рудольфо Паллачио. Он мне стал практически вторым отцом, мне тогда было всего двенадцать лет. Он и его жена дали мне не только кров, но и настоящую любовь. Детей у них не было, и они вели себя со мной, как с родным сыном. Я старался их отблагодарить, чем только мог: делал работу по дому, помогал отцу в аптеке, в общем – все. Именно, когда я помогал в аптеке, отец понял, что у меня есть талант к наукам, и когда пришло время, отдал меня в университет.

– Не отвлекайтесь, Густав, ближе к делу.

– Я и веду к делу. В университете, на курсе алхимии, я понял, что мой родной отец владел поистине уникальной книгой. В университете о трактате «Тайный ход в закрытый дворец Короля» высказывались почти мечтательно, некоторые даже не верили, что он когда-либо существовал, а все дело в том, что там, оказывается, в отличие от всех прочих трактатов на эту тему, была описана некая субстанция, именуемая «Белым тезисом». Кое-кто ее называл «основой основ», а студенты между собой в шутку называли эту субстанцию попросту «алхимическим джокером».

– «Джокером»? – переспросил Альфред удивленно.

– Да. Дело в том, что эта субстанция, подобно тому, как джокер в некоторых играх заменяет любую карту, способна заменить собой любое другое вещество в любом алхимическом делании. Но самое интересное было то, что лишь при помощи Белого тезиса, можно было изготовить «камень странствий».

– Это еще что такое? – удивился Альфред.

– Вот видите! Даже вы не знаете! – сказал Густав, грустно улыбувшись. – Этот кристалл тоже описан у Филарета. Говорили, что используя этот камень можно легко путешествовать между мирами.

– Как это? – не понял Альфред.

– Ну, то, что наш мир не единственный, вам должно быть известно, не так ли?

– Это понятно. Вы имеете в виду миры магов, неприкаянных душ и тому подобное?

– Вы назвали, можно сказать, самые неинтересные из них... А есть куда более удивительные. Одним словом, я поставил себе цель найти и вернуть себе книгу Филарета. Я долго искал, и наконец, понял, что она могла быть отправлена только в секретное хранилище, находящееся здесь в Марионвиле. Тогда, я переехал сюда, и стал искать пути, как попасть внутрь хранилища.

– Так, понятно, а Клавдия тут при чем?

– Ну, мы познакомились случайно. Насколько я понял, в ее судьбе тоже далеко не все было гладко. Она откуда-то бе-

жала, хотя, я за это не ручаюсь. Я ее не расспрашивал, поскольку она не любила говорить на эту тему. Потом мы полюбили друг друга... А один раз я застал ее почти в отчаянии. Она рассказала мне, что староста Бюжо знает что-то важное, касающееся ее прошлого, и теперь шантажирует, склоняя к сожительству. В случае ее отказа, он угрожал сдать Клавдию полиции. Я был возмущен до глубины души, я поклялся, что убью этого негодяя, но Клавдия меня отговорила.

– Так, и что было дальше?

– Дальше вы знаете: Бюжо внезапно умер, а Клавдию обвинили в убийстве. Да, я солгал, создавая ей алиби, потому что был уверен: она не может никого убить. Скорее всего, этот старый поддонк сам издох милостью Божьей.

– Так, понимаю. А что вы делали в момент, когда вас арестовали?

– Искали книгу, что же еще?– удивился Густав.

– Как это? – не понял Альфред.

– Ну как... Что такое магия соития вы вообще знаете?

– Разумеется. Но почему вы решили делать именно эту магию?

– Ну, как сказать... Я не знаю. Это была идея Клавдии. Я в магии вообще-то не очень силен. Она понимает куда больше.

– Вот как?– Альфред достал сигару и размяв, сунул в рот.

– Я ей рассказал о книге, и она загорелась идеей ее найти.

Сказала, что поможет мне, а после мы исчезнем в каком-нибудь другом, более счастливом и светлом мире.

– Так, это я понимаю. Но все равно, вы чего-то не договариваете, Йоркович! Чтобы искать, нужно, во-первых, точно знать, что книга там есть. Откуда вы это узнали? Начнем с этого.

– Ну, а где же ей еще было быть? – Густав пожал плечами.

– Значит так, Йоркович, чтобы осуществлять подобную магию, нужен, во-первых, посредник, глазами которого вы будете видеть, а во-вторых, чтобы этого посредника ввести в нужное состояние, необходимо собрать должное количество симпатических агентов. Кто был использован в качестве посредника, и какие агенты были собраны?

Йоркович явно не ожидал такого поворота в разговоре. Он сглотнул и снова уставился в стол.

– Посредником был Луиджи Феррано, – ответил он тихо.

– Понятно. И как вы его заполучили, так сказать? – спросил Альфред и затянулся сигарой.

– Мы разработали план, по которому Клавдия должна была его соблазнить и войти, так сказать, в доверие. Я ее к этому не подталкивал, я бы не посмел. Она сама предложила, сказала, что это ничего не значит, и что, мол это все ради нашего будущего... В общем, это получилось.

– Вдова Розалина, это была Клавдия? – спросил Альфред.

Йоркович снова сглотнул и кивнул.

– Ясно. Скажите, Йоркович, вот вы прибыли в Марионвиль лет пять тому назад...

– Пять с половиной, – уточнил Густав.

– Хорошо, неважно пока. И почему-то вот только теперь вы добрались до хранилища? Это как-то странно, вы не находите? Или же были еще попытки?

Густав сцепил пальцы, на его скулах заиграли желваки.

– Так были или не были? – настаивал Альфред.

– Были.– Коротко ответил Густав. – Но не только у нас.

– Как вас понять?– спросил Альфред.

– Так и понимать: кто-то еще пытался проникнуть в хранилище, и постоянно нам ставил палки в колеса.

– Вот с этого момента рассказывайте как можно подробнее, пожалуйста, это очень важно. Для вас, в первую очередь, разумеется.

– Хорошо, я расскажу, конечно,– согласился Густав,– уже через год по прибытии, я во всем разобрался и навел нужные связи. В частности, я подружился с Луиджи, мы встречались, и я потихоньку собирал нужные мне сведения. Я узнал, например, что главным, так сказать, хранителем библиотеки является Золтан Ковач. В сущности, мы проделали с ним почти ту же операцию, что и с Феррано, но в этом случае, соблазнять его не пришлось. Он был весь в долгах, и мы ему предложили показать в его же библиотеке книгу, с помощью которой он сможет заключить союз с Анаелем³⁴ и тот выполнит некоторые из его заветных желаний. Надо сказать, что фантазии бедному Ковачу не хватило более, чем спросить

³⁴ Падший ангел. Один из семи Великих Князей Ада. Появляется в форме Эдемского Змия. Он искушает, даруя большие богатства и почести.

дар всегда выигрывать. Хотя, может, я и неправ, поскольку именно этот обретенный дар, к слову, помог ему создать и философский камень. И это правда, хотите верьте, хотите – нет.

– Вот как? А какое отношение имеет алхимия к способности выигрывать?

– Да никакого, разумеется. Просто он заключил со мной пари, что через полгода создаст философский камень. И точно! Он выиграл!

– Интересно! Очень интересно! – сказал Альфред, гася сигару. – А что вы попросили у Ковача взамен?

– Он согласился впускать на ночь нашего человека, чтобы тот в течение нескольких недель скопировал мою книгу. Это был весьма заурядный человек, но порядочный, и с хорошим почерком. За относительно небольшую плату и без лишних вопросов, он согласился сделать эту работу, вот и все. Он был не то счетоводом, не то переписчиком в какой-то конторе.

– И как вы его нашли?

– Да никак, это был какой-то дальний родственник Клавдии. Она его привела, сказала, что он ей чем-то обязан, а потому болтать не будет.

– Так, и что дальше? Переписал он эту вашу книгу?

– Переписать-то он переписал, но... – Йоркович запнулся. Что – «но»? – рыкнул Альфред.

– В один прекрасный день, когда работа была практически

завершена, его нашли мертвым в хранилище. Ковач, естественно, о случившемся заявил в полицию, но, понятно, о связи того человека со мной он не упоминал. А где находилась копия, да и оригинал тоже, тот переписчик не успел сказать, а Ковач знал лишь примерно.

– И кто его мог убить, как вы думаете?

– Если бы знать!– вздохнул Густав.– После этого случая все пошло вкривь и вкось. И теперь вот – ни с того ни с сего – помер и сам Ковач. Я узнал это от Луиджи. А перед этим, к слову, почему-то помер секретарь Луиджи. Как его звали-то?– Густав начал щелкать пальцами, пытаясь вспомнить, – ах, да, вспомнил! Манфредом его звали. Не знаю, имеет ли это отношение к делу, но я это говорю, чтобы вы поняли в какой тяжелой обстановке приходилось двигаться дальше. А после еще эта слезка... я вам уже говорил, когда приходил к вам тогда.

– Да, я помню. А что еще странного происходило? – спросил Альфред.

– А что этого мало? Мы уже толком и спать не могли, все боялись, что нас кто-то вот так же... Причем, я и теперь не догадываюсь, кому мы перешли дорогу? Вряд ли кто-то кроме меня мог охотиться за трактатом Филарета.

– Это верно, но почему же еще за вами могли охотиться?– спросил Альфред.

– Я уже говорил: я не знаю,– ответил Густав и пожал плечами, – если бы знать, быть может все можно было бы

построить как-то иначе, и избежать, в частности, каких-то смертей... Впрочем, я действительно не знаю...

– Так, ну хорошо, а вот во время последней магии, вы ничего странного не почувствовали? Вообще расскажите подробнее, что вы чувствовали, видели и тому подобное.

– Знаете, это очень трудно объяснить словами... – Йоркович замялся, – в общем, когда Клавдия вошла в тело Луиджи, и я и она, мы почувствовали, что там уже кто-то есть, понимаете?

– Нет, не понимаю, – признался Альфред.

– Простите, что спрашиваю, но мне так будет легче понять, как именно вам объяснить. А вопрос мой такой: вы когда-нибудь проводили ритуал магии соития? – Спросил Густав, немного смутившись.

– Признаться, не приходилось, – ответил Альфред с легкой иронией.

– Тогда плохо... – сказал Густав и задумался, – тогда мне будет очень трудно вам объяснить, что к чему. Ну, в общем, во время этой магии высвобождается огромная сила, которую можно использовать как угодно, ну, или почти как угодно. Нам она была нужна, чтобы направить Луиджи, имевшего официальный пропуск в хранилище, на поиски копии, которую нам сделал тот несчастный. В общем, Клавдия вошла в его тело, используя, как вы верно заметили, собранные агенты. В общем, она управляла действиями Луиджи, а я, если можно так выразиться – прикрывал тыл и подкачивал

ее дополнительной силой. Обычно, я мало что вижу, это более всего похоже на плавание в сплошном молочном тумане, в котором нет никаких звуков или запахов. А тут я увидел недалеко от себя что-то похожее на тень. Понимаете?

– Тень? – удивился Альфред, – И что это значит?

– Это значит только то, что кто-то еще пытался управлять Луиджи, или же шпионил, пытаюсь понять, что ищем мы.

– И вы опознали эту, так сказать... тень?

– Какой там! Я затаился и ждал, но ничего не происходило. Тень просто висела, и как будто бы ждала чего-то. Более всего это видение походило на утопленника в серой рясе, довольно бесформенной, кстати. Причем, если позволить себе фантазировать, то можно было бы сказать, утонул он в чане с молоком, над которым поднимался густой пар.

– Ну, а потом?

– А потом вы вогнали Луиджи в обморок, и Клавдия застряла в его теле. Кстати! Тень-то там тоже, похоже, застряла! Хотя, я не уверен! Но, если вы сумеете выяснить, что кто-то еще нынче находится в бессознательном состоянии, вы, вероятно, сможете узнать, кто именно был там, кроме нас. – Йоркович откинулся на спинку стула.

– Интересная мысль, – тихо сказал Альфред.

– Позвольте вас спросить? – Густав немного подался вперед.

– Что? – Альфред напротив, откинулся на спинку стула.

– Как вы собираетесь вернуть Клавдию в сознание?

– Я подробностей не знаю, но есть один человек, который готов помочь в этом, скажем прямо, непростом и очень рискованном деле. Попробовать, во всяком случае, думаю, стоит.

– А я могу в этом как-то помочь?

– Нет, благодарю вас. Вы пока что останетесь здесь, до окончательного выяснения всех обстоятельств. Если выяснится, что все обстоит так, как вы говорите, то, я думаю, вам ничего серьезного не грозит. Но, посмотрим, я пока ничего не обещаю.

– Спасибо вам, – кивнул Густав.

Альфред встал и потянулся. Он был доволен. Похоже, допрос, оказался на редкость результативным. Он собрал бумаги, дал Йорковичу подписать протокол допроса, и позвал дежурного, чтобы тот увел задержанного в камеру.

Как только Альфред вышел за дверь, к нему подошел мальчик-посыльный, который очевидно, уже ждал у дверей минут двадцать.

– Давно ждешь? – спросил Альфред, принимая от мальчика конверт.

– Нет, не очень, – ответил тот.

– Обожди здесь, я прочту письмо в комнате и напишу ответ, если понадобится.

Мальчик кивнул. Альфред вернулся в допросную и вскрыл конверт. Это было послание от Сандры:

«В 10:12 в курятнике появилась цесарка. Пробыла около

двадцати минут. Похоже, искала овес. Не могу сказать наверняка, унесла ли что-то с собой. Остаюсь на рейде и жду указаний.

Синица»

– Так... – подумал Альфред, – цесарка – это незнакомая женщина. «Искать овес» значило, что цель поисков осталась неизвестна, равно как и то, нашла ли она, что хотела? Кто бы это мог быть? Да, зря оставили квартиру без охраны... а может, и не зря... посмотрим. Альфред сел и написал ответ.

– «Пока в курятнике пусто, постарайтесь описать цесарку подробнее. Доложите на вечерней вахте.

Канонир»

Глава 20

Пару часов назад Альфред получил с посыльным записку от Маркуса, где тот рассыпался в извинениях и просил привезти Сандру домой, поскольку сам он этого не может сделать: у него в конторе возникло сверхсрочное и совершенно непредвиденное дело. Альфред поехал тотчас же, отослав соответствующую ответную записку, и меньше, чем через час они с Сандрой уже сидели, беседа у камина в доме Маркуса.

– Скажите, – спросила Сандра, – я уже несколько раз слышала, как дядя употребляет словосочетание «деревенское колдовство», пытаюсь противопоставить его какой-то иной магии. В чем тут разница? Мне всегда казалось, что магия – это всегда магия, независимо от того, где она делается, в деревне или в городе. Или я не права?

– Дело не в том, где она делается, – ответил Альфред, набрасывая карандашом очередной эскиз на листе, – а в том, что за всем этим стоит. Маркус, под «деревенским колдовством» понимает не место, а некую традицию или ритуал, обычно, передаваемый внутри семьи для достижения каких-то довольно узких и конкретных целей, скажем: надо улучшить виды на урожай, или, допустим, побороть коровий мор, и тому подобное. При этом чаще всего, человек, кото-

рый делает такую магию, понятия не имеет, что за всем этим стоит и почему все это работает. Ну вот, например, все знают, как зажечь свечу, верно? Но при этом мало кто задает себе вопрос о том, какие именно химические процессы происходят в момент возгорания спички. Вы согласны? Так и в магии. «Деревенский колдун», – назовем его так для простоты, обычно не задается никакими вопросами относительно сути процесса, ибо ему важен только результат здесь и сейчас, а маг – напротив, его интересуют причины и его интересует еще одна открывающаяся только ему грань мира. И поэтому маг – всегда движется вперед. Его магия десять лет назад и теперь может отличаться разительно! Но, с другой стороны, вполне понятно, что тут нет четкой грани: это – маг, а это – колдун. Вы сами понимаете. Взять хотя бы Клавдию. Она, судя по всему – очень сильный маг, но, в то же время, она и старосту уколошила – я в этом уже не сомневаюсь – и, представьте, именно посредством примитивного колдовства. Ей нужен был быстрый и надежный результат. Она и применила известный еще с вавилонских времен ритуал «Ложе Иштар».

– Я столько всего не знаю, – сказала Сандра смущенно.

– О, не отчаивайтесь. Магия – это огромный мир, и в нем мало таких глубоких знатоков, как ваш дядя.

– А он маг? – спросила Сандра.

– Хороший вопрос. – Ответил Альфред, продолжая набрасывать на бумаге новые штрихи к какому-то портрету. – Думаю, что да. Но он необычен, знаете ли. Он больше читает

и запоминает, чем, собственно, делает магию. Но, уж когда делает... получается не просто хорошо. Я был тому свидетелем. Однако его кругозор и память меня лично просто-таки ошеломляют.

– Так, – продолжал Альфред, протягивая лист с портретом какой-то женщины Сандре, – а теперь наша «цесарка» похожа?

– К сожалению, нет, – ответила Сандра, тихо, – та была гораздо старше. И черты у нее были несколько грубее.

– Понятно... – размышлял вслух Альфред, – значит, не вдова... Кто же тогда?

Он стал перебирать в памяти лица женщин, которых ему довелось встретить в городе, но больше ничей образ ему в голову не приходил.

– А вы – отличный художник, Альфред! – сказала Сандра искренне.

– Да что вы... – ответил Альфред, – так...брал небольшой курс живописи в университете.

– Значит, у вас талант! – ответила Сандра убежденно.

– Ну, не знаю. Искусство, по-моему, это – не способность отображать реальность как можно более похожим образом. Искусство – это нечто большее. Нет, техника, безусловно, вещь важная, но – не это главное. Рисовальщиков вроде меня много, а художников – единицы. Так что, я к своим талантам, – он сделал ироническую паузу, – отношусь более чем спокойно. – Он улыбнулся.

– А что же тогда искусство? – спросила Сандра.

– Искусство... Снова хороший вопрос. – Альфред выпрямился и поднял глаза к потолку. – Наверное, это, как и магия – особый путь для особых людей. Причем, нам их деятельность может нравиться или не нравиться, мы даже можем рассуждать, насколько она нам понятна, но по-настоящему понятной она является только им самим. Художник, который лишь передает цвета и тени, но картины, которого схожи в своей манере и тематике из года в год, я думаю лишь рисовальщик. А маг, который никуда не движется – просто колдун, более или менее умелый.

– Интересно, – сказала Сандра, – я никогда не сталкивалась с подобной точкой зрения. Но мне она нравится, и кажется правильной почему-то.

– Ну и мне тоже, – снова улыбнулся Альфред.

– Скажите, а почему тогда ваше Министерство преследует магов? – спросила Сандра.

– Оно преследует не магов вообще, а только тех, кто, тем или иным образом, способствует проникновению в наш мир чуждых элементов, вроде призраков, дибуков и тому подобного. Хотя, конечно, надо признаться, что за десять с лишним лет моей работы, редкий маг оказывался чистым перед лицом государства.

– Государство! – сказала Сандра почти презрительно. – Кто вообще в его глазах чист? Наверное, только тот, кто никогда не высказывает своих мыслей вслух, исправно платит

все подати, и вовремя размножается, поставляя солдат для бесконечных войн. А затем,— она пожала худенькими плечами, и добавила после секундной паузы,— вовремя умирает.

— Что вы хотите сказать? Что государство — это лишь по-меха нормальной жизни? Я не согласен с вами.

— Нет, не в этом дело, — ответила Сандра немного взволнованно, — но я против того, произвола, который царит повсюду. Адльфред, ведь это только вы — порядочный, нормальный человек. Вы, ну и быть может еще с десятков людей вашего круга. А ведь, сколько таких, кто отправляет на эшафот сотни людей лишь для того, чтобы сделать карьеру или даже просто насладиться своей властью. Почувствовать свою «избранность», так сказать. Я вообще думаю, что царство справедливости и законности — это утопия, вроде «Города солнца», читали такой роман?

— Возможно, вы и правы, но ваши рассуждения годятся — допустим — лишь для мирного времени. А если война?

— Я думаю, что войны — это — всего лишь результат амбиций отдельных личностей, ну и накопленных между этими же личностями противоречий. Война — этот тот же произвол, только гораздо большего масштаба. А всякий произвол — это насилие. А насилие почему-то всегда свойственно, если не примитивным, то уж точно — несовершенным личностям. В этом смысле, наиболее несовершенными, как мне кажется, как раз и являются те, кто жаждет власти. Полной же противоположностью им являются — мастера своего дела, ну, а са-

мыми совершенными, наверное – маги, в широком смысле.

Кстати, я много думала об этом, и мне кажется, что и народы, как и люди тоже бывают более и менее совершенные. Есть народы-мастера, которые куда-то движутся, а есть и такие, которые практически одинаковы на протяжении тысячелетий и заняты исключительно войнами. Это не хорошо и не плохо. Это – данность. Факт. А факты лишь могут нравиться или нет, и не более того. И при этом вовсе не значит, что в таких странах несовершенными являются абсолютно все, кто там живет. Это парадокс, но от него никуда не деться.

– О, нет, вот тут вы ошибаетесь, – сказал Альфред, – Какой народ конкретно, вы бы назвали несовершенным, так сказать?

– Ну, я не знаю... Быть может, какие-то племена в джунглях или же какие-нибудь людоеды на далеких островах...

– Да, насчет людоедов, я судить не берусь. Но вот с некоторыми людьми из африканских племен, мне общаться доводилось. Поначалу, признаюсь, я тоже говорил с ними несколько свысока, но потом... Почему вы считаете их несовершенными? Только лишь потому, что они не построили у себя Версаль или же Александрийский маяк? А вы допускаете, что у них просто настолько отличный от нас с вами путь, что мы им в свою очередь кажемся непроходимо тупыми и ограниченными, поскольку запросто можем погибнуть в пустыне или в тех же джунглях? Ценности этих народов

настолько отличны от наших, что они попросту не понимают нас, а мы – их. Они, например, не понимают, зачем нам нужны все эти огромные дома и машины, когда в камышовый хижине с пальмовой крышей вполне уютно? Мне как-то довелось разговаривать с одним африканским магом, и я был просто потрясен глубиной этого человека. Мне казалось, что мы можем общаться, не раскрывая рта, ибо он меня – я уверен – видел насквозь, и одновременно показывал себе лишь, то, что хотел, чтобы я увидел.

– Ну что ж... Со временем, я, наверное, пересмотрю свои взгляды. Ваш опыт, конечно, гораздо шире моего, – ответила Сандра.

– Да, но мы еще говорили о войнах? – улыбнулся Альфред.

– Да, и я вот подумала: пусть бы воевали только те, кто хочет воевать, быть может, это изменило бы ситуацию?

– Да? А как же крестьяне, чьи поля вытаптывают конницы и свои и чужие? Они, вроде бы не хотели воевать? Или же, им было все равно, пока вытаптывали не их поля. Но, войны приходят к нам в дом не спрашивая нашего согласия.

– Да, это верно, – согласилась Сандра, – и отчасти в этом и видится весь произвол существующей реальности. И я хотела бы закончить этот спор вот как. Я не против государства как такового. Я против того, когда кто угодно может делать что угодно, будь это какой-то бандит в трущобах Лондона, или же король, какой-нибудь страны. Но, я, правда, хотела

бы закончить эту тему, и потому я хочу вас спросить: вы действительно считаете, что магия работает?

– Сандра, с вами никогда не соскучишься! Вы задаете один за другим вопросы, которые стоят большого научного труда. Говоря коротко – да, работает. И тому неисчислимое множество свидетельств. Как это работает – другой вопрос, и уж совсем другой вопрос: почему у одних она работает, а у других нет, или, скажем так, работает, но гораздо слабее?

– И вы знаете ответы?– спросила Сандра и посмотрела на Альфреда.

– Нет, – ответил Альфред честно, – я лишь предполагаю. Вот, скажите, что отличает человека от животного?

– Разум, – быстро ответила Сандра.

– Увы! Разум есть и у многих животных. Просто он часто совсем другой природы. Более того, я знаю ученых, которые утверждают, будто у обезьян и некоторых других млекопитающих есть довольно развитый язык. Но он опять же – совсем другой, человек им овладеть не сможет никогда. Так же, как и, скажем, собака, никогда не сможет разговаривать на наших языках.

– Ну, тогда, быть может, способность строить? Я имею в виду архитектуру, механизмы, – предположила Сандра.

– Опять – мимо, – констатировал Альфред, – Ласточки строят довольно сложные сооружения, тоже и термиты в Африке, некоторые рыбы в Полинезии. В общем, видимо, не в этом дело.

– Тогда, я не знаю, – призналась Сандра.

– Видите ли... Поймите меня правильно, я не ученый, и не претендую на какие-то откровения. Просто вся моя работа меня убедила в том, что единственное качество отличающее человека от животного, это – умение творить символы.

– Символы? – удивилась Сандра.

– Да, именно!

– Что вы имеете в виду? – спросила Сандра.

– Ну, хорошо, давайте определимся сначала, что такое символ? – Альфред достал сигару и медленно ее раскурил.

– Ну... мало ли... – проговорила Сандра и подняла глаза к потолку, – вот, скажем – распятие, или даже просто крест – это символ.

– Понятно, – кивнул Альфред, – а еще?

– Ну, есть много всяких! Например, у аптекарей можно увидеть две свившихся вокруг жезла змеи...

– Правильно, вы имеете в виду кадуцей Гермеса, – снова согласился Альфред, – а вот, вы верите в то, что черные коты приносят несчастье?

– Пожалуй, да, – ответила Сандра неуверенно.

– А с точки зрения зоолога, они отличаются чем-то, кроме цвета, от своих рыжих или серых собратьев?

– Нет, конечно! – на сей раз увереннее ответила Сандра.

– Правильно, я тоже так думаю. Так почему же люди считают именно черных котов носителями зла?

– Не знаю, вероятно, такова традиция?

– Это верно, но традиция с чего-то ведь началась, верно? Кто-то посчитал, что черный кот принес ему неудачу, потом рассказал об этом соседям, и пошло-поехало! Но что произошло, когда он впервые так посчитал?

– Не понимаю вас, – призналась Сандра.

– Произошло то, что этот наш давний предок, наделил несчастное животное неким новым смыслом, не имеющим никакого отношения к его физическому бытию. Таким образом, любой символ – это предмет, явление или же изображение, как тот же кадуцей Гермеса, наделенное особым смыслом, не имеющим ничего общего с его физической природой. Вы изучали астрологию, насколько я понял, не так ли?

Сандра кивнула:

– Да, в гимназии у нас был небольшой кружок любителей этой науки, но я и по книгам училась немного.

– Отлично, – кивнул Альфред, – Вас не удивлял тот факт, что Солнце, которое во вселенной в сотни миллионов раз массивнее Луны, при этом в астрологии, по своей, так сказать «силе» почти равно ей. Почему так?

– Ну, это, наверное, какая-то иная плоскость бытия... – неуверенно ответила Сандра.

– Именно! Лучше и не скажешь! В астрологии – это всего лишь символы, и в рамках этой дисциплины не имеет ни малейшего значения, какая из планет массивнее, которая из них дальше и так далее. Символ – это смысл, находящийся вне нашей реальности, если хотите. Он, как бы проводник из

нашей реальности в некую иную.

– Так что же тогда влияет на человека? Ведь астрологические описания вполне неплохо работают, я сама убеждалась много раз.

– Ничего не влияет! В том-то и дело! Более того, если бы влияло, это было бы главным противоречием божественному замыслу, ведь человек сотворен по образу и подобию божьему, а представить себе, что на бога кто-то влияет, просто невозможно, вы согласны? Я здесь имею в виду не физическое воздействие, а нечто, что контролирует поступки, и, в конечном итоге – всю дальнейшую судьбу.

– Согласна, – кивнула Сандра, – но как же это тогда работает?

– Я не знаю точно. Я лишь догадываюсь, что планеты никоим образом на людей не влияют, и никем не управляют, они лишь указывают. Сказать, что планеты и светила управляют людьми, все равно, что сказать, будто маяк управляет кораблем, а градусник поднимает и опускает температуру за окном. Астрология – это один из богатейших символических языков, при помощи которого сама вселенная предлагает нам тот или иной план действий, предупреждает о наступлении благоприятных или тяжелых периодов. А уж как пройти этот период – дело исключительно самого человека и его свободной воли.

– Вот как? Значит, вы и в судьбу не верите? – удивилась Сандра.

– Нет, представьте, не верю. Вы ведь сами упоминали работы Лейбница. Так вот именно он ввел принцип бесконечного многообразия мира. Другими словами, существует множество вариантов будущего, теоретически – бесконечное множество. Но есть варианты более вероятные и менее, и таковыми делаем их мы сами, своим настоящим. Я, правда, не очень понимаю, как с идеей бесконечного многообразия сочетается его идея о времени, как о некоем потоке, в котором уже существует прошлое, настоящее и будущее, но это, видимо, другая тема.

– Да, я что-то такое помню, – кивнула Сандра, – но если вариантов будущего бесконечное множество, каков смысл в астрологии, да и в гаданиях тоже?

– Дело в том, что любой астрологический символ, в отличие от Таро, например – содержит множество смыслов, причем на разных планах этого мира. И астролог, учитывая все особенности сидящего перед ним человека, может выбрать наиболее вероятный, с его точки зрения, вариант. Понимаете?

– Не очень, – призналась Сандра.

– Ну хорошо, давайте рассмотрим, например Марс. И допустим, он расположен в некоем неблагоприятном положении в карте.

– Транзитной³⁵, или натальной? – уточнила Сандра.

– Хм... ну, пусть в натальной – ответил Альфред, – в тран-

³⁵ См.гл.7

зитной от него толку мало. Так вот, что мы можем понять в натальной карте, изучая положение Марса?

– Так... – Сандра задумалась, и снова посмотрела вверх, – Марс описывает активность в самых разных смыслах, например – живость ума, насколько человек энергичен или неутомим. Он также указывает на способность сопротивляться внешним трудностям, указывает, насколько человек вынослив, или же – агрессивен. В мужских картах символизирует сексуальность, а в женских – сексуальные предпочтения.

– Отлично! – ответил Альфред, сделав вид, что не заметил то, как покраснела Сандра. – А о состоянии каких внутренних органов мы могли бы судить, изучая положение Марса?

– Сейчас... надо вспомнить... Ага... кажется, это – желчный пузырь, прямая кишка и... – она снова густо покраснела.

– Все верно, – кивнул Альфред, – И вот вы, изучая неблагоприятное положение Марса, что можете сказать? Что у человека будет проблема с желчным пузырем, что у него слишком много или мало энергии, или же, что он склонен сдаваться перед трудностями? А может быть, все вместе?

– Да, это вопрос... – ответила Сандра, – я никогда не могла понять, как выбрать единственное нужное значение, и чаще всего делала это наугад.

– Не вы одна! – воскликнул Альфред. – В том-то и дело, что интуиция тут – главный подсказчик, поскольку нет никакой определенности, на что именно указывает символ с множеством значений.

– Вы думаете? – воскликнула Сандра.

– Не думал бы – не говорил бы, – пожал плечами Альфред. – В жизни символов, нет и намек на математическую точность. Все очень зыбко, но, тем не менее, это не повод, чтобы к этому не обращаться. Но, вернемся к нашему Марсу. Допустим, что вы наблюдаете в карте два фактора, которые его поражают, например – две квадратуры³⁶ от каких-то планет. А в другой карте вы наблюдаете целых четыре фактора! Значит ли это, что во втором случае, проблема с желчным пузырем в два раза более вероятна?

– Наверное, да... – неуверенно ответила Сандра.

– Нет, моя дорогая, не значит. В лучшем случае, мы можем предполагать, что проблема во второй карте несколько более вероятна, но и это – далеко не факт.

– Почему вы так думаете? – удивилась Сандра.

– Как вам сказать... я много наблюдал за тем, как работают символы в нашей жизни. Вот возьмем сны. Вам снятся вещи сны? – спросил Альфред.

– Не часто, – ответила Сандра, не понимая, куда тот клонит.

– Это понятно, они и не должны сниться часто. Но когда такое случается, вы ведь точно знаете, что это сон непростой, не так ли?

³⁶ Квадратура – астрологический термин. Означает ситуацию, когда планеты или светила в Зодиаке расположены под углом 90 градусов. В некоторых астрологических школах подобное расположение планет считают крайне неблагоприятным.

– Да, несомненно, – подтвердила Сандра.

– Так вот, на примере своих снов, я понял, что неважно, подбираю ли я одну монету или же пригоршню – в любом случае меня кто-то обманет или выставит в дурном свете, поскольку сам символ «деньги» во сне – весьма дурной и указывает именно на фальшь, обман или же – возможность попасть в неприятное положение. Неважно, срываю ли я во сне один гриб или набираю их целую корзину, за этим в реальности неизбежно последует болезнь, поскольку символ «гриб» – всегда указывает именно на скорую болезнь. Причем, один раз мне как-то приснилось, что я собрал много грибов, и при этом лишь простудился. А в детстве, перед тем как заболеть коклюшем, мне снилось, что я нашел всего один гриб, но довольно большой, правда. Еле выкарабкался, к слову... Почти полгода болел. Поэтому, «количество символов», как я понял, никак не влияет на «вес события», если так можно выразиться.

– Очень интересно, я никогда не думала об этом. Теперь есть о чем поразмышлять... Действительно... – она задумалась, подперев кулачком щеку.

В прихожей послышалось какое-то движение, и Альфред тотчас потянулся за своей тростью.

– Что-то не так? – немного испуганно спросила Сандра.

– Нет, нет... не беспокойтесь, думаю, что все в порядке.

Через несколько секунд в комнату ввалился Маркус. Он был, как всегда весел, и как всегда в полутьме опрокидывал

предметы.

– А где Иосиф? – осведомился он с порога.

– Я не знаю, – ответил Альфред, – он принес нам чай, и я его больше не видел.

– Вот как? – Маркус был явно удивлен. – Ну что ж... Пожалуй, проведу его...

Маркус развернулся и ушел куда-то в темноту задних комнат. Было видно, что где-то там, дальше, он раздобыл канделябр, зажег свечи, и затем свет померк.

Спустя минут пять-семь, свет снова появился, и Маркус все с тем же канделябром в руке появился немного озадаченный:

– Иосиф заболел, у него жар. Мне нужно сходить за доктором...

Глава 21

Маркус ушел, но Альфред и Сандра остались в комнате, решив его дожидаться. Спустя час или чуть поменьше, Маркус снова вернулся, но уже с доктором, которого и препроводил в комнату Иосифа. Еще через четверть часа, от силы, Маркус и доктор уже не спеша шли к выходу и последний на ходу давал рекомендации: три раза в день лекарство, что я выписал, покой, побольше горячего питья, и, я думаю, он поправится. Если через три-пять дней не будет изменений, пошлите за мной снова.

– Да, конечно, спасибо, доктор!

– Не стоит, право. И провожать меня не нужно, благодарю вас. Ступайте к вашим друзьям.

– Еще раз благодарю вас, доктор, – слышалось уже из прихожей.

Затем дверь хлопнула и Маркус, с глубоким выдохом, остановился на пороге комнаты.

– Вот ведь... – только и сказал он, и после, помолчав, сообщил, – Иосиф заболел! Видимо, простудился. Надеюсь, обойдется. А что у вас? – спросил он, переводя взгляд с Альфреда, на Сандру.

– Ну, у нас много чего есть рассказать, присядьте, мой друг, тогда и поговорим, – предложил Альфред.

– Ну что ж, – кивнул Маркус и сел в кресло между Сан-

дрой и Альфредом. Он пошарил в карманах и достал свой кисет с цветной кистью. В ответ Альфред серьезно кивнул и выложил свой кошелек, а Сандра свой. На этот раз Маркус кивнул в ответ и откинулся на спинку кресла:

– Так, – улыбнулся он, – и что у нас за сюрпризы на этот раз?

– Представьте – да – есть кое-что. – Ответил Альфред. – В квартиру Йорковича действительно приходила какая-то женщина, но вот я изрисовал несколько листов бумаги, и пока что Сандра никого не опознала.

– Вот как? И как же она выглядела? – спросил Маркус.

Сандра снова подробно описала внешность странной гостыи.

– А что она там делала? – спросил Маркус.

– Видимо, что-то искала, – ответила Сандра, – но я не заметила, чтобы она что-то уносила с собой.

– Что ж... В принципе, это может быть и просто визит, не относящийся к нашему делу. Например, проходящая прислуга или дальняя родственница.

– Родственница – вряд ли, – заметил Альфред, – откуда у нее ключ? А отпирать отмычкой для родственницы было бы странно, вы не находите?

– Да, пожалуй, – согласился Маркус, – но прислуга вполне может быть.

– Насколько я знаю, у Густава не было прислуги: не те доходы. Но, я еще уточню у него завтра. Однако я уверен, что

этот, как вы говорите, визит, имеет к нам как раз таки самое непосредственное отношение.

– Почему? – спросил Маркус.

– Ну, потому, что прислуга бы стала что-то делать, и не ушла бы так быстро.

– Возможно, – согласился Маркус, – но быть может, ее испугал этот круг на полу? Многие люди, знаете ли, относятся к магии со странным предубеждением.

– Возможно, возможно... – согласился Альфред, – но мы можем это выяснить лишь двумя путями: спросив у Йорковича, или же, если мне повезет набросать правильный эскиз.

– А кого вы уже показали Сандре? – поинтересовался Маркус.

Альфред протянул ему рисунки:

– Пока только три. Это – директор и секретарь женской гимназии, где Йоркович преподает. Это – нынешний секретарь Феррано – Франсуаза Жаме, а это – сами знаете кто.

– А вдова – то тут причем? – удивился Маркус. – Она вообще к этому делу вряд ли имеет отношение.

– Не знаю... – Ответил Альфред неуверенно. – Может, вы и правы. Просто я нарисовал тех женщин, кого сам видел, и кого мог видеть Йоркович.

– Да, но Йоркович не знаком с вдовой! – возразил Маркус.

– Откуда вы знаете? – парировал Альфред.

– Ну, у нас попросту нет никаких фактов на этот счет.

– Это верно, – согласился Альфред. – Я и вправду не знаю,

почему я ее нарисовал. Может, просто интуиция разыгралась.

– Скорее воображение, – буркнул Маркус.

– Ну, пусть так, – согласился Альфред, – но я не понимаю, почему вы сердитесь? Сандра ведь все равно ее не опознала!

– Я не сержусь, – сказал Маркус, – просто это был – явный тупик.

– Вот как? Но кто-то же еще следил и за Йорковичем и за Феррано, и за нами, в конце концов! И кто-то же уколошил Манфреда, Ковача и того переписчика?

– Какого переписчика? – удивился Маркус. И тогда Альфред рассказал о допросе Йорковича, и обо всем, что удалось узнать.

– И вы молчали? – возмутился Маркус, – Да это же – самое главное! Теперь я точно знаю, как быть с Клавдией! Понимаете? И здесь две новости: плохая и хорошая. С какой начнем?

– С плохой, – уверенно ответил Альфред.

– Ладно. Начнем с плохой, – сказал Маркус. – Главная проблема в том, что у нас мало времени. Чем дальше мы уходим от момента потери Клавдией сознания, тем сложнее ее привести в чувство. Хорошо бы провести ритуал прямо сейчас, сегодня, поскольку ночь для этого годится гораздо лучше дня. Но, я не знаю, как об этом сказать Феррано?

– А хорошая? – потребовал Альфред.

– Хорошая новость в том, что я уверен – у меня все полу-

чится. Я нашел книгу, где описан именно такой случай. Так что, можно начать хоть сейчас.

– Что за книга? – спросил Альфред.

– Я вам потом ее покажу, – ответил Маркус, немного замявшись, – У нее оборван титульный лист, так что названия я не знаю точно. В общем, давайте лучше думать, как нам уговорить Феррано?

– Да никак! Я поеду к нему на квартиру и привезу сюда, что еще остается? – пожал плечами Альфред. – Он все еще под следствием, так что капризничать вряд ли станет.

– Ну что ж... Тогда – с богом... И вот еще, – он словно спохватился. – Присядем... Есть, видите ли, еще одна сложность, – он сделал паузу, опустив глаза, – мне нужна Клавдия, и... Сандра. – В каком смысле? – удивился Альфред. – Клавдия – мне понятно, но Сандра-то тут при чем?

– Дело в том, что нужно создать магический круг, похожий на тот, что был в квартире Йорковича, хотя магия по характеру будет совершенно иной, – добавил он поспешно.

– А что я должна буду делать? – смущенно спросила Сандра.

– Почти ничего. Раздевшись до нага и завернувшись в простыню, ты должна будешь лечь в круг, куда я покажу.

– Обязательно до нага? – еще больше смутилась Сандра.

– Да. Нагота – это символ открытости перед ангелами, к которым мы будем обращаться, так что нагими должны быть все, включая и меня. Но ты же, как и все, будешь под покры-

валом, тебя никто все равно не увидит, – успокоил ее Маркус.

– Не знаю... Само собой нужно, чтобы об этом никто не узнал и не увидел... – сказала Сандра почти шепотом и сильно смущаясь.

– Никто и не узнает, – сказал Маркус твердо, – в начале, я положу Клавдию, потом Альфред введет в комнату Феррано, и хорошо бы, кстати, завязать ему глаза. Потом придешь ты, а потом лягу и я сам. Мы будем лежать голова к голове, не касаясь, так, что будем образовывать подобие креста.

– Вы не могли бы рассказать подробнее об этом ритуале? – попросил Альфред.

– Конечно. Это ритуал, который впервые проделал кто-то из учеников Ибн Аби Зимры Давида бен Шломо. Сам Радбаз – так его называли все в его общине – был больше философ, законник и каббалист, но многие его ученики ушли через каббалу в магию. Имя того, о котором я говорю, доподлинно неизвестно – предположительно это был Мордехай бен Давид – но ясно, что это был не просто маг, но и выдающийся эксзерцист³⁷ в том числе. Вообще, надо сказать, что он умел обращаться с духами, и даже написал почти легендарный трактат о работе с ними, не дошедший, впрочем, до наших дней целиком. Так вот, он как раз описывает случай, подобный нашему, когда человек становится одержимым сра-

³⁷ Маг, практикующий ритуалы по изгнанию подселившихся в человека чуждых духов.

зу двумя или большим числом духов. Исходя из того, что мы знаем, Феррано сейчас одержим как духом Клавдии, так и еще чем-то, возможно, дибуком. Ритуал, о котором я говорю, предлагает следующее. Двое являются активным началом, это буду я и Сандра. Когда я лягу в круг, мои ноги должны быть расположены в направлении на север, а у головы должна быть буква йод – в каббале – это мужское активное начало. Далее должна лежать Сандра, ноги ее будут указывать на восток. И у головы ее будет начертана буква хей. По каббале – это женское начало. Затем ляжет Феррано, ногами на юг, и у его головы мы напишем букву вав – это бесполой символ, означающий в нашем случае – мужское, но пассивное начало. И, наконец, как четвертый луч креста, мы положим Клавдию, и у головы ее будет снова хей, которая также еще символизирует окончание или завершение дела – женское и пассивное начало. Таким образом, у нас в го-

⁸³ловах будет начертано имя Божье – םיהוה

Мне желательно найти красную накидку, для Сандры – зеленую, для Феррано – белую, а для Клавдии – голубую. Но это – как получится, времени, как я уже сказал, у нас просто в обрез, возможно придется обойтись чем-то попроще. По внешней стороне круга мы должны будем написать ряд обращений к Азраилу, Самаилу, Рафаилу и Сариилу.

Потом, я и Сандра должны будем остановить мысли, или хотя бы только я, ну а дальше уже дело исключительно за

³⁸ Йегова – согласно еврейской традиции, так звучит одно из имен бога.

мною. Вы, мой друг, можете присутствовать, записывайте все, что будет происходить. На всякий случай, я дам вам Иоанов посох, которым мы сражались тогда с Манфредом. Если что-то пойдет не так – вы знаете, что нужно делать.

Альфред кивнул.

– Да, и пентакль в этом случае вам надевать нельзя. Вот вкратце, так это будет выглядеть. Сандра, если ты не хочешь принять участие, я все пойму и не обижусь. Но, тогда нам придется искать другую участницу, а на это уйдет несколько дней. Клавдия может и не выжить в таком случае. Да, в общем, и жизнь Феррано под вопросом...

– Хорошо, я согласна, – ответила Сандра сухо, – но зеленой накидки у меня нет, к сожалению.

– Ничего, ответил Маркус. За недостатком времени, мы, скорее всего, обойдемся обычными белыми простынями, а пока, наверное, вы, мой друг, поезжайте за Феррано, а я попробую привезти Клавдию. Это будет гораздо дольше, видимо. Начать нужно в час Юпитера, давайте-ка взглянем... – Он подошел к одному из стеллажей, достал какую-то книгу и поднес ее к свету. Полистав, он сообщил:

– Ага! Вот! Сегодня час Юпитера начинается в один час четырнадцать минут пополуночи. Сейчас только десять, так что – время есть, успеем, я думаю.

– Тогда – с богом! – кивнул Альфред. – Только вот... кто мне откроет, когда я вернусь с Феррано?

– Сандра, – уверенно ответил Маркус.

– Сандра? Ночью? – удивился Альфред.

– Да, действительно... Извините... Договоримся так: условный стук сегодня вечером будет такой, – и он стукнул по столу один раз, а после длинной паузы быстро постучал еще четыре раза.

– Хорошо, – согласился Альфред, и Сандра тоже кивнула. – И так, до встречи! – Он повернулся и вышел в прихожую.

** ** *

Спустя час или около того, Альфред вернулся в дом Маркуса и, как было договорено, постучал условным стуком. Сандра их встретила, открывая дверь и, увидев заспанную физиономию Феррано, тотчас спросила, не желает ли кто-нибудь кофе? Альфред ответил отрицательно, а Феррано пробурчал что-то неразборчивое, и Сандра, на всякий случай, отправилась на кухню. Альфред вошел в гостиную, ведя перед собой злобно ворчащего на весь белый свет Феррано. Еще через несколько минут, все расселись в креслах, и Феррано, попивая принесенный Сандрой кофе, задавал вопрос за вопросом:

– Так все-таки, зачем я здесь? Что за расследование посреди ночи? Я не понимаю.

– Хорошо, – спокойно ответил Альфред, – да, вы здесь в рамках расследования. Все дело в том, что вами воспользовались не очень чистые на руку люди, с тем, чтобы получить

доступ в хранилище. При этом вами воспользовалось, как минимум две группы...

– Мною воспользовались? – Феррано даже возмутился, – Что вы такое говорите?!

– Но вы ведь сами показали на следствии, что не помните ничего, что творилось с вами с самого утра и вплоть до момента вашего ареста? Или вы решили изменить показания? – спросил Альфред сурово и даже приподнял правую бровь.

– Нет, все это так и было, – Феррано уже перешел на другой тон, – Но все-таки довольно странно то, что вы меня вытащили посреди ночи из постели, согласитесь.

– В нашем деле и не такое бывает. И то ли еще будет сегодня... В общем так, дорогой Луиджи, буду краток и предельно откровенен: если вы не будете делать то, что мы вам предложим, вы скоро умрете, поскольку сейчас в вас, кроме вашей собственной, существуют еще две души. Одна – той самой замечательной вдовы с вымышленным именем Розалина, а другая, я вообще не знаю чья. Скорее всего, это некий неприкаянный и довольно злобный дух. Понимаете? Таким образом, спустя небольшое время, вернется мой напарник, с полумертвой Розалиной, как вы ее называете, на руках. И затем мы, посредством довольно сложной магии, попробуем изъять из вас ее душу и вернуть в тело хозяйки, а также понять, кто еще в вас обитает. Это понятно?

– А это не опасно? – спросил не на шутку ошарашенный Феррано немного дрогнувшим голосом.

– Ну, как вам сказать? А умереть через месяц-другой не опасно? – парировал Альфред. – Спокойнее, Феррано. Если будете делать в точности, что вам говорят, то, скорее всего, будете целы. Ну, а будете артачиться... пеняйте тогда на себя. Насколько, я понимаю, в рай вам вряд ли удастся попасть, судя по показаниям Манфреда. М-м-м?

Феррано опустил глаза.

– Не беспокойтесь, эта тайна, и вообще все, что известно следствию, останется сугубо между нами, – сказал Альфред, – и у вас еще впереди целая жизнь, чтобы все исправить и покаяться, не так ли?

– Да, пожалуй, – согласился Феррано, – Но вот сеньорита...

– Что «сеньорита»? – уточнил Альфред.

– Мне, право неудобно...

– Не беспокойтесь, сеньорита – сотрудница Министерства, так же как и я. И умеет хранить тайны не хуже меня.

– Ну тогда... что ж... я согласен. – Феррано обреченно кивнул и опустил глаза.

– Ну, вот и хорошо, а теперь пойдёмте со мной, мне нужно вас приготовить к ритуалу.

– Ритуалу? – испугался Феррано.

– Ну не беспокойтесь вы так, все в порядке, уверяю вас, я же сказал, что здесь будет проводиться довольно сложный магический ритуал, – сказал Альфред успокаивающим тоном, – ну, полежите голый на полу с полчаса или чуть долъ-

ше...

– Что? – взорвался Феррано. – Что вы себе позволяете? Я – дворянин, в конце концов! Я буду жаловаться курфюрсту!

– Успокойтесь, прошу вас! Вы будете под простыней, вас никто не увидит. Так устраивает? Мы ведь будем обращаться к ангелам за помощью, а нагота – это как бы символ вашей искренности и открытости, не более, – пересказал услышанную час назад идею Альфред.

– Что значит: «устраивает»? – Я вообще не знаю, ни что тут будет, ни кто все это... хм... увидит... – Феррано почти кипел от негодования.

– Ничего-ничего. Пойдемте, и я вам все подробно объясню, – ответил Альфред мягко, уводя Феррано в другую комнату.

Вскоре он вернулся и присел в кресло.

– Так... Он готовится. Наверное, нужно и вам?.. – спросил Альфред Сандру.

– Что нужно? – спросила та сухо, – Раздеться? Это быстро. Не беспокойтесь, когда дядя вернется, я буду готова.

– Да, конечно, – ответил Альфред, – конечно, извините...

Вдруг откуда-то из глубины дома послышались стоны, почти переходящие в крик. Но кричал явно не Феррано. Альфред вскочил и почти побежал навстречу странным звукам. Сандра поспешила за ним. Альфред нес канделябр над головой, освещая путь в коридоре, а Сандра вцепилась в его руку повыше локтя и, молча, семенила сзади.

– Это отсюда, – он указал на комнату Иосифа, – боюсь, что дело плохо, вам лучше остаться здесь. Я позову, если что...

– Нет!– отрезала Сандра,– Я с вами!

– Ладно, тогда, любой мой приказ вы должны выполнить немедленно. Это понятно?– спросил Альфред сурово.

Сандра кивнула, глаза ее были широко раскрыты.

– И только потом, можете спрашивать «зачем», и тому подобное. Вы точно поняли, что я сказал?

Сандра кивнула дважды.

– Хорошо. Вы боитесь мертвецов? – вдруг спросил Альфред.

Сандра снова кивнула, и глаза ее расширились еще больше, а губы сжались.

– Тогда, может быть, все-таки останетесь тут?

Сандра решительно помотала головой.

– Хорошо, – сказал Альфред, – но, думаю, это будет не просто труп...

Сандра впиалась в его локоть.

Альфред повернул ручку двери и тихо открыл. Свет канделябра осветил комнату, и Сандра вскрикнула. На кровати лежал, укрытый одеялом пожилой человек, руки и ноги которого явно поднимались вверх вместе с одеялом. Губы его были черны, глаза раскрыты и на выкате. Его явно корежило судорогами, он стонал уже тихо, но время от времени из его уст слышались какие-то обрывки молитв.

– За спину! – скомандовал Альфред, и Сандра тотчас по-

виновалась. Альфред достал из кармана какой-то предмет, напоминающий портсигар, поднял его над головой и почти закричал:

– Альтурахии хасма³⁹

Человек слегка притих, но спустя несколько мгновений снова стал выгибаться под действием судорог.

– Михаэль, Габриэль Фарам! – закричал Альфред

И снова человек в кровати на какое-то время затих. Альфред сделал шаг внутрь комнаты, но человек снова выгнулся дугой и застонал.

– Артума-доксика-карти! – выкрикнул Альфред, и человек снова притих, хотя и остался скованным судорогой. Альфред начал читать какую-то молитву, водя над человеком руками и, время от времени, делая над ним движения, похожие на крест.

Затем, человек, казалось, сел на кровати, но утверждать это было невозможно, в силу того, что одеяло свисало с него как-то странно. Он снова застонал, а затем выпростал из-под одеяла руки, на которых были видны многочисленные порезы, которые почему-то не кровоточили. Альфред продолжал читать молитвы, поводя руками, и, время от времени доставая предмет, напоминающий портсигар. Человек выгнулся дугой и застонал. Альфред поднял правую руку и почти закричал:

³⁹ (один из мертвых языков хеттской группы) фраза очевидно, означает – «Именем его!»

– Башем Габриэль! Тахзор аль ми ше шелах отха ле гуф газэ!!⁴⁰

Вскоре человек затих, и, похоже, уснул. Альфред снова поднял руку и произнес:

– Ариэль, Габизэль, Михаэль! Тисгэру га делет газе ленецах! Ани бээмет корэ лахем ба шем шель Элогим⁴¹

Затем, спустя полминуты, он подошел и пощупал пульс. Человек лежал тихо, и, похоже, спал. Альфред приоткрыл веко больного, и удовлетворенно кивнув, произнес: «Хм, неплохо, однако...», и показал жестом, что нужно уходить. Сандра медленно шла сзади, она глубоко дышала, и было очевидно, что она находится в совершеннейшем возбуждении. Все произошедшее произвело на нее невероятно сильное впечатление, у нее была куча вопросов, но при этом она понимала, что сейчас не время их задавать, и оттого все ее тело, казалось, готово было взорваться от какого-то внутреннего напряжения. Когда они вернулись в гостиную, она лишь спросила:

– Как вы думаете, теперь все будет в порядке?

– Не знаю, если честно, но надеюсь... Впрочем, мы сделали все, что смогли, – ответил Альфред и с выдохом плюхнулся в кресло.

Сандре понравилось это «мы», и она тоже присела.

⁴⁰ Именем Габриэля, вернись к тому, кто тебя послал в это тело!

⁴¹ Ариэль, Габизэль, Михаэль! Закройте эту дверь навсегда! Истинно призываю вас именем Божиим!

– Не знаю, право, время ли сейчас спрашивать? – осведомилась она деликатно.

– Ну, пока Маркус не прибыл – спрашивайте, – разрешил Альфред.

– Чему я была свидетелем только что? – спросила Сандра, и налила себе в чашку остывшего кофе.

– Честно говоря, не знаю точно, – признался Альфред, – но, похоже, кто-то подбирается и к дому Маркуса.

– В каком смысле? – спросила Сандра.

– В том самом, что происходили все случаи и в библиотеке и до того. Кто-то пытался, видимо, подсадить дибука в Иосифа.

– Это был Иосиф? – воскликнула Сандра и прикрыла рот ладонью.

– Да, – ответил Альфред, – он самый. И все то же самое наблюдалось и прежде: черные губы, судороги и тому подобное. Кто-то пытается за нами следить с самого начала, и я не знаю почему. Дело, которым я занимаюсь, казалось бы, касается только Клавдии, а она при этом без сознания... В общем – непонятно.

– А что вы сейчас сделали? – Спросила Сандра. – Ну, там, в комнате.

– Да ничего. Просто отвадил одержателя на какое-то время. Нельзя поручиться, кстати, что он не вернется. Но, это уже другой вопрос.

– Понятно. То есть, Иосиф пока что вне опасности?

– Ну, можно сказать и так, – согласился Альфред, – во всяком случае, я надеюсь.

– А нельзя ли, скажем... как-то так разозлить этого одержателя, чтобы он вернулся и поразил того, кто его послал? – спросила Сандра.

Альфред на мгновение онемел. Он смотрел на Сандру с минуту широко раскрытыми глазами, о чем-то при этом размышляя.

– Я что-то не то сказала? – спросила Сандра поспешно. – Вы уж извините меня за мое любопытство.

– Нет-нет, вы – молодец, как и всегда, – почти шепотом ответил Альфред и закрыл лицо руками, будто что-то припоминая...

Глава 22

Еще пару часов назад трактир «Мадрид» содрогался от восторженных криков, звуков скрипок и бубнов производимых небольшим оркестром венгерских цыган, а также от выстрелов бутылок шампанского. Что и говорить, студенческая вечеринка удалась на славу, но уже к полуночи как-то растеряла задор и пыл, цыгане вдруг исчезли непонятно куда, словно растворились, и в общем, веселье довольно скоро пошло к завершению. Кое-кто из гуляк уже лежал под столом, кое-кто, все еще пытался шагать от стола к столу, но получалось это не очень убедительно. Трактирщик – пузатый, не очень высокий человек с добрым круглым лицом, схваченным словно рамкой, густыми седеющими бакенбардами, тихо посмеивался, протирая посуду. Вечер, по его мнению, что и говорить, удался как нельзя лучше. Пива и вина было выпито больше, чем за два последних дня, да и еды было наготовлено и подано тоже в избытке. Такое случается нечасто: всего два раза в год, когда в университете, что находится в квартале от трактира «Мадрид», заканчиваются экзамены и начинаются каникулы.

Альфред сидел на лавке и, пощипывая едва пробивающийся юношеский ус, пытался собраться с мыслями.

– Вот ведь, странная штука... – он отчаянно икал, но изо всех сил пытался размышлять, стараясь при этом ни в коем

случае не торопиться, – вот еще утром, я знал что такое.. это ... как его... хм... Animus ... икк... injuriandi⁴². А сейчас не знаю... И не знаю даже откуда я это взял? ... икк... из «Иллиады» Гомера, что ли?

Рядом рухнул на скамейку Руфус Кевендиш. Он выглядел словно призрак: бледный, серьезный и немногословный. Руфус был отличником по всем предметам, длинный как жердь, с вечно невымытыми длинными волосами и неизбывными прыщами на лице. Сейчас на его носу почему-то не было очков, хотя, он без них не видел даже собственную руку.

– Альфред, дружище, – выдавил он изо всех сил, – а я к тебе... представляешь?

– Да ну... – удивился Альфред, и даже поднял брови – ты ко мне где? – ик.... – Меня же дома нет!

– Я знаю... я был там... но ты здесь, в этом... как его... ну, неважно, в общем.

– Да! Как это верно сказано, дружище Руфус! Все это вообще неважно!

– А я вот хотел тебя ... это... на... каникулы приг... приг... при... ласить... Пошли, а?

– Пошли... – согласился Альфред, – а куда?

– Ну как это куда?... – Руфус почему-то развел руками, а затем сложив их на столе, опустил на них голову. – Ко мне... в имение... родительское... ну и мое, наверное, тоже... я еще не знаю!

⁴² **Animus injuriandi** (лат.) – юридический термин – «преступный умысел»

– Родительское, говоришь? – почему-то насторожился Альфред.

– Да! – твердо заявил Руфус.

– Тогда пошли... – согласился Альфред и попытался встать, – А где оно? Тут недалеко?

– Да... недалеко... два дня пути... или три... я не знаю! Отсюда... от «Мадрида» – заявил Руфус, и уже собирался было заснуть.

– Два дня от Мадрида? Ты что испанец, что ли? – почему-то спросил Альфред, а затем перешел на какой-то оскорбительный тон, и стал трясти указательным пальцем над головой, – Ага! Я всегда подозревал, что ты испанец!

– Я? Испанец? Ты уверен? – вдруг проснулся Руфус.

– Да! – заявил Альфред твердо, – Ты уж мне поверь!

– Ну, хорошо... – согласился Руфус, и снова уронил голову на сложенные на столе руки.

– Ну, так мы идем или нет? – вдруг заорал Альфред.

– Куда это? – снова проснулся Руфус.

– Ну, к тебе... к родителям... в Испанию...

– В Испанию? – встрепенулся Руфус. – Ты испанец, что ли? – спросил он подозрительно.

Альфред махнул рукой, и сначала сел напротив Руфуса, а затем прилег на скамью, исключительно с тем, чтобы сосредоточиться на том, что только что выяснилось. Оказывается Руфус – испанец... кто бы мог подумать?..

Утром Альфред проснулся первым. Кое-кто все еще похрапывал под столом, кое-кто возлежал на лавках. Руфус – всем известный отличник – спал за столом, положив голову на руки.

– Хозяин... – попытался было позвать трактирщика Альфред, но в результате издал некое сиплое шипение. Хозяин, тем не менее, уже стоял у стойки, и, увидев титанические потуги Альфреда, понимающе кивнул и тотчас подбежал с кружкой капустного рассола.

– Не изволите ли, господин студент? – спросил он ласково.

Альфред отхлебнул из кружки, и вдруг почувствовал какую-то огромную благодарность к этому немолодому доброму самаритянину.

– Благодарю вас, господин трактирщик! Вы меня просто спасли! – просипел он довольно искренне.

– Кушать, вы, вероятно, пока не желаете, но, может быть кофе? – снова ласково спросил трактирщик.

– Да, спасибо вам... – ответил Альфред и трактирщик, оставив кружку с рассолом, удалился.

Альфред пихнул Руфуса локтем. Тот замычал, но не проснулся.

– Эй, чернильница! Просыпайся! – Альфред пихнул его снова.

Руфус приоткрыл один глаз:

– Где я?

– На вот, рассольчику хлебни, должно помочь! – сказал

Альфред, придвигая кружку.

– Расс... чего? – переспросил он. И снова поинтересовался: – Я что, уже в аду?

– Почему в аду? – удивился Альфред.

– Ну, а где же еще может быть так плохо? – резонно поинтересовался Руфус.

– Кофе будешь? – снова спросил Альфред, не ответив на терзающий Руфуса вопрос, о его местонахождении.

– Кофе? – непонимающе переспросил Руфус, – Какой еще?

– Ну, уж какой есть, я бы на твоём месте не привередничал.

– Ладно... А, это ты, Альфред... Как славно... А я тебя вчера искал весь вечер...

– Да ну! С чего бы это? – удивился Альфред.

Трактирщик принес два кофе и тотчас удалился.

– Поехали со мной на каникулы, а? Я родителям писал о тебе, они хотели бы познакомиться...

– Вот еще! А что я своим скажу? – спросил Альфред. – Рождество на носу!

– Да ничего, напиши им, скажи, что задержишься немного...

– Надо подумать... – сказал Альфред, не понимая, на кой черт ему ехать к Руфусу, который, в общем-то, и близким другом ему не был. Ехать бог весть куда, бог весть зачем, знакомиться непонятно зачем с его родителями...

– Думай. Но выезжаем сегодня после обеда, – Руфус схватил голову руками, – Ой как болит-то... – сообщил он.

– Рассолу еще выпей, – посоветовал Альфред.

Руфус кивнул и отпил из кружки.

– Так поедешь? – спросил он с какой-то странной надеждой в голосе.

– Ладно, так и быть! – почему-то согласился Альфред, – но только дня на два, не больше, идет?

– Хорошо, как скажешь, – кивнул Руфус и снова хлебнул рассолу. – Я зайду за тобой где-нибудь в час дня, так что уж ты будь готов, ладно?

– Конечно, – ответил Альфред, сам не понимая, зачем это он согласился на эту авантюру. Он одним глотком допил кофе, не без труда встал и, оставив на столе несколько монет, пошатываясь, направился к выходу.

– Так я зайду за тобой в час пополудни! – попытался крикнуть в след Руфус.

Альфред, не оборачиваясь, лишь поднял руку в знак согласия.

На улице выпал первый снег, который понемногу таял, превращаясь в сероватую ваксу. Улицы вмиг стали промозглыми и какими-то сонными, а экипажи с покидающими город студентами стали навевать странную непонятную тоску. И захотелось тоже уехать как можно скорее, хоть куда, хоть бы и к Руфусу в его имение...

Несмотря на тайные надежды Альфреда, Руфус ничего не забыл, и явился вовремя, ровно в час. Альфред обреченно взял со стула свой чемодан, и они спустились вниз, где у крыльца поджидал извозчик.

– Этот довезет нас до первой почтовой станции, это в десяти лье отсюда, там мы пересядем на другой попутный экипаж, и к вечеру будем в гостинице «Троя», – тараторил Руфус. – А затем утром нас уже будет ждать отцовский экипаж, и я думаю, что завтра к вечеру мы доберемся.

Все, в общем, так и случилось, как предсказывал Руфус. Никаких особенных впечатлений дорога не оставила, не говоря уже о приключениях, которыми впоследствии можно было бы поражать девушек. «Троя» оказалась мерзким местом, полным клопов и тараканов, а о еде уж, и говорить не приходится. Даже холодная телятина оказалась на редкость не съедобной, а пиво и вовсе, похоже, прокисло еще в прошлом месяце. Родительский экипаж, впрочем, оказался отменным: четверка отличных рысаков, уютная карета на очень мягком ходу, словом, эта часть пути была куда менее изнурительной. За окном все также проплывали унылые пейзажи: леса и поля, покрытые тающим снегом, стаи ворон, то там, то тут пересекающие небо, крестьяне с возами, нагруженными всякой всячиной, да, в общем-то, это и все, более смотреть было не на что. От скуки Руфус все пытался завести беседу, но она никак не клеилась, хоть Альфред со своей стороны и пытался ее поддерживать изо всех сил.

– А знаешь, Альфред, – вдруг сказал Руфус, – у нас в городе есть клуб, под названием «Книжный червь»!

– Вот как? – уже без особого интереса переспросил Альфред, – И что это за клуб?

– Ну, как тебе сказать... Это что-то вроде клуба любителей чтения, букинистов, любителей редких книг... Я к слову, уже два года, как являюсь его членом! – не без гордости заявил Руфус.

– Вот как? – снова спросил Альфред вяло.

– И я хочу тебя пригласить туда, когда мы приедем. Уверен, тебе понравится!

– Но я ведь не член этого клуба! – ответил Альфред с надеждой как-то отвертеться от предложенного визита. Клубных посиделок он не любил, да и заядлым библиофилом не был.

– Это неважно! – с задором ответил Руфус, – если ты приходишь с постоянным членом клуба, то это допускается.

– Ну что ж... – ответил Альфред, – наверное, там будет весело.

– Не то, чтобы весело... – ответил Руфус, – но ты ведь любишь книги, я знаю...

– Да, конечно люблю, – ответил Альфред, улыбнувшись, – я с удовольствием.

– Ну, вот и отлично, – обрадовался Руфус, – а то ведь у нас в городке развлечений немного.

– Это ничего, – заверил его Альфред, – мне ничего осо-

бенного и не нужно, да я и ненадолго ведь.

– Знаешь, через три недели ведь Рождество, а в это время чаще всего обсуждаются книги, связанные с магией, алхимией и тому подобным. В прошлом году, например, один из наших членов, господин Тайфер, показывал нам подлинный греческий магический папирус, который он приобрел на аукционе в Цюрихе.

– Не тот ли, где описана так называемая "Литургия Митры"? – спросил Альфред.

– О, да ты и впрямь знаток! Да, именно этот! – оживился Руфус.

– Хм... так у вас, в самом деле, собираются знающие люди. Я с удовольствием познакомлюсь ними! – сказал Альфред искренне. – А я, честно говоря, думал, что все это выдумки... греки, папирус... Митра... Ты сам видел его? В смысле папирус.

– Да, конечно, – кивнул Руфус, и даже попытался читать, но это непросто. Манера письма там какая-то замысловатая...

– Ну, это понятно... Все-таки, он вроде бы был написан за двести лет до Рождества Христова...

– Верно... – сказал Руфус, – А еще, я слышал краем уха, на днях в клуб должен приехать какой-то крупный ученый не то египтолог, не то археолог, не знаю точно. Говорят, он прибудет, с какой-то интересной лекцией.

– Верно говоришь? – Альфред немного оживился, – Это может быть действительно любопытно. Буду рад послушать.

Они еще поболтали, потом Альфред достал книгу и попытался читать, но все без успеха. Спустя еще какое-то время, Руфус достал дорожные шахматы и предложил сыграть партию, но Альфред шахматы не любил и предложил шашки. К шашкам же Руфус относился не серьезно, и далее они уже просто обсуждали пройденные в последнем семестре предметы, преподавателей и забавные истории, которые иногда приключались на лекциях или семинарах.

К ночи карета подкатила к старинному дому Кевендишей. Молодые люди вошли в прихожую, где отдали пальто и шляпы прислуге, и затем ступили в гостиную. Руфус представил Альфреда отцу, а после и матери.

В дороге приятели почти ничего не ели, за исключением пары сэндвичей с ветчиной, наскоро приготовленных хозяйкой маленького трактира, пока извозчик поил лошадей.

В этой связи поданный ужин показался Альфреду просто волшебным, да, впрочем, он и был великолепен, без всяких там «но»: жареные фазаны, оленина с брусничным соусом, удивительное тридцатилетнее вино, поданное по случаю приезда дорогого гостя. В какой-то момент, Альфред даже почувствовал себя немного неловко, поскольку хозяева придавали его визиту куда больше значимости, чем он сам. Видимо, у Руфуса с детства не было друзей, и родители были рады, что он, наконец-то сможет с кем-то общаться.

После десерта и бренди, Руфус вдруг заявил, что они собираются в клуб. Графиня Кевендиш тотчас запротестова-

ла, мол, не успел вернуться, как тут же и убегаешь, да еще и гостя заставляешь идти в это скучное место, на ночь глядя! Граф посмеивался в своем кресле, он, видимо, решил, что «клуб» – это отговорка для матери, а на самом деле они собираются в какое-то злачное местечко. Но, вырваться все-таки удалось, дав слово графине, что вернутся они от силы часа через два, а может быть и раньше.

– Ты извини, мать всегда почему-то против моих походов в клуб! – стал оправдываться Руфус.

– Да, пустяки! – заверил его Альфред, – Моя мать такая же. Все думает, что я младенец, которого нужно тискать с утра до ночи!

– Да уж... – обреченно отозвался Руфус.

Клуб оказался совсем недалеко, всего в паре кварталов. Это был изящный двухэтажный особняк в стиле барокко. Был он немного вычурный, но все же и красивый: голубые и белые тона, колонны и балюстрады, высокие стрельчатые окна, все это было хоть и приятно глазу, но, тем не менее, была в этом, как подумал Альфред, и некоторая чрезмерность. Они поднялись по мраморной лестнице, к двери, втиснутой, между двух колонн. Руфус постучал. На пороге появился швейцар и вопросительно посмотрел на Альфреда.

– Это мой друг, он со мной, – веско заявил Руфус.

Швейцар кивнул и отступил в сторону. Затем он принял у вошедших пальто и шляпы и затем предложил пройти в зал. Там уже находилось человек десять-двенадцать, и Ру-

фус обошел по очереди всех, представляя Альфреда. Присутствующие любезно раскланивались, улыбались и тотчас возвращались к своим прерванным разговорам. Один из тех, кому был представлен Альфред, поинтересовался:

– А вы знаете, господа, какая сегодня будет тема заседания?

Альфред и Руфус лишь пожали плечами.

– Мы только пару часов назад приехали, – ответил Руфус.

– В таком случае, вам очень повезло! У нас в клубе проездом в Берлин сам Карстен Нибур! Представляете?

– Вот как? – изумился Альфред, – Сам доктор Нибур, который выдвинул гипотезу о существовании Аккадского царства, и даже предложил способ расшифровки нескольких аккадских таблиц?

– Именно! – обрадовался такой осведомленности собеседник, – Именно! Он будет рассказывать о своей последней работе с аккадскими текстами. Собственно, именно с этим докладом он и едет в Берлин! Вот ведь удача, верно?

– Да, уж... – согласился Альфред, – Повезло, так повезло! Я прежде и мечтать не смел о том, чтобы познакомиться с таким человеком!

Руфус восхищенно посмотрел на друга.

– А когда состоится доклад? – спросил Альфред.

– Да вот... – собеседник достал часы, – через полчаса, но, возможно доктор Нибур немного опоздает, так что, думаю, минут через сорок.

– Благодарю вас! – Альфред поклонился, и они с Руфусом отошли в сторону.

– Ты, правда, знаешь, кто это такой? – удивился Руфус.

– Да... читал как-то его статью, а затем и книгу о шумерской цивилизации. Мне очень понравилось, если честно. Увлекательно, даже очень. Он здорово пишет о своих экспедициях в Месопотамию.

– Вот как? А я вот и не слышал об этом ничего, – смутился Руфус.

– Ну, так... зато ты все остальное знаешь на отлично, а я вот – далеко не все, – улыбнулся Альфред.

– Да-да, – кивнул Руфус и тоже улыбнулся. – Скажи, а Шумер и Аккад, это что одно и то же?

– Территориально – да, почти. Но Аккад, по мнению доктора Нибура появился примерно на тысячу лет позже, то есть около четырех тысяч лет назад.

– Вот это да! – воскликнул Руфус, – так... давно?

– Ну, первые следы шумерской цивилизации, полагают, имеют возраст семь-восемь тысяч лет.

– Вот как? А почему ты говоришь «выдвинул гипотезу»? Что не все согласны, что это самое Аккадское царство существовало?

– Не все, конечно. Ученые вообще страшно консервативны. Дело в том, что Аккад не упоминается ни в одном античном источнике. Единственное упоминание о нем есть в Библии, но тоже не очень понятно, что это: город или госу-

дарство?

– А следы какие-нибудь есть? – Руфуса тема явно заинтересовала.

– Следы-то есть, но в этом как раз все и дело. Нужно доказать, что они именно аккадские, а не более ранние – шумерские или более поздние, скажем, халдейские.

– А ты сам, что думаешь об этом? – спросил Руфус.

– Я? Ничего. Я слишком мало знаю, чтобы иметь мнение на это счет. Вот, быть может, сегодня и услышим что-то новое. Спасибо тебе, что ты меня сюда привел! – Альфред слегка сжал плечо Руфуса.

– Вот видишь! Я же говорил, что ты не пожалеешь! – засиял Руфус.

Как ни странно, доктор Нибур явился без опозданий. Он был довольно высок, худощав, и в его походке чувствовалась сила и гибкость леопарда.

– Ну что же господа, быть может, приступим? – спросил ученый неожиданно сильным голосом.

Все расселись, и доктор Нибур стал рассказывать о своих экспедициях, об этнографических и археологических находках. Затем он пустил по залу глиняную табличку с клинописным текстом, которую он нашел в своей последней экспедиции на месте, где, по мнению доктора должен был находиться древний город Ниневия.

– Эта табличка, – рассказывал доктор, – как раз и навела меня на мысль о способах дешифровки аккадских текстов.

И я, используя этот подход, перевел несколько десятков найденных мной подобных табличек. Видимо, в этом месте когда-то находилась библиотека или же храм, поскольку практически все тексты, как выяснилось, касались аккадской магии и астрологии.

– Я, например, понял, – продолжал ученый, что в Аккаде была очень развита демонология. Представление же об ангелах и прочих небесных существах, которое существовало в Аккаде, и вовсе плавно перешло в нашу культуру и мировоззрение, очевидно, через иудаизм, а затем и христианство, то есть, оно вполне для нас современно. Вот, например, как звучит аккадская формула, позволяющая изгонять зловредных духов – доктор откашлялся и затем, почти запел каким-то густым басом:

– Атаба варага хизба! Авара ватаба кахида!⁴³ – Доктор откашлялся и продолжил, – Насколько я понял из текстов, это очень мощное и строго секретное заклинание, поскольку оно было способно не только изгонять духов из тела человека, но те, прежде, чем уйти в преисподнюю, откуда были изъяты, возвращались и убивали мага, который их наслал.

Альфред слушал с огромным интересом и даже пытался что-то записывать на манжете. Примерно через час доктор поблагодарил всех за внимание и попросил разрешения откланяться, поскольку завтра он очень рано поутру должен продолжить свой путь в Берлин на заседание Академии.

⁴³ Вполне вероятно, что формула воспроизведена не полностью верно.

Все тотчас захлопали и доктор даже несколько раз благодарно поклонился. А затем все как-то быстро разошлись по домам. На удивление, никто не остался обсудить доклад доктора или поделиться впечатлениями.

Альфред шел молча, он был потрясен не только докладом, но и самой личностью удивительного ученого и отважного путешественника. Они перебрасывались с Руфусом малозначащими замечаниями, и вскоре пришли обратно к дому Кевендишей.

Через два дня, Альфред, как и было договорено, убыл в свое родовое поместье, что находилось в трех днях пути от города, где жил Руфус.

Спустя месяц, по приезде обратно в университет, Альфред узнал печальную новость, что Руфус, неожиданно скончался спустя пару недель после отъезда Альфреда, от воспаления легких.

Глава 23

– Так, так... – бормотал Альфред, ротирая руки, – разозлить, говорите... Отлично-отлично!

Он быстро полез в левый карман, затем – в правый, и извлек оттуда несколько предметов. Резко вскочил, подбежал к полке, откуда прежде Маркус брал книгу с таблицами планетарных часов, открыл ее и стал быстро листать. Затем он поднял глаза к потолку, что-то прошептал, пытаясь, видимо, запомнить, и взглянув на часы, которые достал из жилетного кармана, произнес:

– Ага! Ровно через семь минут! Как удачно-то!

Неожиданно он, схватив канделябр, устремился снова к комнате Иосифа. Сандра едва за ним поспевала.

– Так, – сказал он, – все, что я придумал – очень рискованно! Рекомендую вам все-таки остаться здесь, в коридоре.

– А в коридоре безопасно?

– Думаю, что – да... пожалуй. В каком-то смысле...

– Тогда, я с вами! – отрезала она.

– Ну, дело ваше! – ответил Альфред.

Они вошли. Иосиф тихо сопел под одеялом. Альфред подошел и потрогал его лоб, а затем пощупал пульс.

– Пока все хорошо, – сообщил он шепотом, – но, если что-то и начнется, то минут через пять. Стойте за мной, что бы ни происходило. Если что-то случится, скажем, я упаду – возь-

мите из моей правой руки пентакль и произнесите те же слова, что и я, насколько запомните.

Сандра кивнула. Она была очень испугана.

– Ждем, – сказал Альфред, присев у стены, и показав Сандре жестом следовать его примеру.

Сандра села на низкий стульчик с гнутыми ножками и без спинки, недалеко от Альфреда, и по другую сторону от канделябра.

– Только бы сейчас Маркус не вернулся, это было бы очень некстати, – сообщил Альфред шепотом.

Сандра кивнула, хотя и не очень понимала, почему возвращение ее дяди было бы некстати.

В доме стояла мертвая тишина, и лишь слегка потрескивали свечи. В каминной трубе временами завывал ветер, и дождь потоками заливал оконное стекло. Прошло несколько минут. Сандра начала время от времени ерзать на своем стуле, больше, впрочем, походившем на табурет, ей было трудно усидеть спокойно более пары минут. Внезапно с потолка полилась вода: поначалу это были капли, а после и поток стал вполне ощутимым. Сандра только тихо ахнула. С потолка упал небольшой кусок штукатурки. Альфред вскочил, а Сандра вцепилась руками в стул. Ее глаза наполнились ужасом. Иосиф, как и прежде, издал громкий стон и изогнулся. Альфред жестом приказал Сандре оставаться на месте.

Он подошел к кровати и занес обе ладони над Иосифом. Вода текла прямо на постель и на голову Альфреда. Он за-

крыл глаза и каким-то горловым голосом произнес:

– Атаба варага хизба!

Иосиф застонал сильнее. Альфред повторил:

– Атаба варага хизба! – И затем – Авара ватаба кахида!

Иосиф закричал уже совсем не своим, очень тонким голосом, а Альфред все повторял и повторял столь неожиданно пришедшую ему аккадскую формулу. Проходили минуты за минутами, Альфред уже промок насквозь, когда вдруг Иосиф затих, и на мгновение даже показалось, что он умер. Вода тоже прекратила лить с потолка, и Альфред вдруг отметил, что и сам он просох почти тотчас же. Он еще раз повторил формулу и проверил пульс. Иосиф был жив и глубоко спал.

– Так... кажется, ваша идея сработала, – прошептал Альфред Сандре, – теперь надо бы поставить защиту на всякий случай. Не мог ли бы вы принести из кухни сколько есть соли?

– Я... боюсь... – прошептала Сандра и опустила глаза.

– Да конечно, пойдемте вместе.

Он подхватил подсвечник и быстро зашагал к кухне. Сандра за ним едва поспевала.

Прихватив бочонок с солью, Альфред направился обратно в комнату Иосифа.

– Теперь так. Берите соль пригоршнями и сыпьте сплошной линией, без пропусков. Мы должны сделать кольцо вокруг его кровати. Если сможете, повторяйте про себя «Ба

шем шель элогим!»

– «Ба шем шель элогим!» – посторила Сандра. – А что это?

– «Именем божьим!», на древнееврейском, – ответил Альфред. – Это все имеет отношение к кабалистическим ритуалам.

– Ясно, – ответила Сандра, и принялась сыпать соль дорожкой, вокруг кровати Иосифа.

– Кажется, все! – Сообщил Альфред, – теперь пойдете, – он жестом указал на дверь, и, пропустив Сандру вперед, тотчас и сам двинулся прочь из комнаты.

Они вернулись в гостиную, и снова уселись в кресла. Сандра вопросительно посмотрела на Альфреда.

– Вы мне подали хорошую идею, насчет того, чтобы разозлить духа. Я вспомнил одно очень древнюю аккадскую формулу. Кое-кто мне о ней рассказывал еще в мою университетскую бытность. Но, признаться, я ее до сегодня не применял ни разу. Не доводилось, знаете ли. Вроде бы считается, что это заклинание не просто изгоняет дибука или иного духа, но также причиняет ему боль. Будем надеяться, что это его разозлит, и он отомстит тому, кто его послал.

– А как мы об этом узнаем? – спросила Сандра.

– Пока не знаю точно, – ответил Альфред, доставая сигару, – но я уверен, что этот некто находится где-то рядом. Со всем близко. Вот и увидим, со временем.

– Вот как? А почему вы так уверены? – снова спросила

Сандра.

– Не знаю... Как вам сказать... Отчасти это интуиция, а отчасти и нет: чтобы постоянно за кем-то следить, нужно быть рядом. Нельзя это делать из другого города, очень сложно, по крайней мере, и смысла большого я тоже не вижу.

– Понятно... Но что будет с этим, кто нам пытался навредить? – спросила Сандра.

– Не знаю, – признался Альфред, – быть может, отделается синяками, а может быть и похуже.

– Насколько «похуже»? – спросила Сандра.

– Пух... и все! – Альфред изобразил ладонью что-то, похожее на вспышку.

– Хм... – задумалась Сандра, – а мы не преступаем закон?

– Думаю, нет: мы спасали больного, готового вот-вот умереть, так что это вполне может считаться самообороной, вы не находите?

– Да, пожалуй, – она словно бы поежилась. – Но знаете, вы мне довольно хорошо объяснили все относительно символов, но я все равно не очень понимаю, какое это имеет отношение к тому, что вы, например, делали, или к тому, что собирается делать дядя.

– Да, это сложный вопрос. Более того, в университете на вопрос, который вы задали, мне отвечали почти три года. Понимаете? Я не уверен, смогу ли вам все это рассказать за несколько минут, но... попробуем, – он улыбнулся, – Итак, относительно символов, вам уже как будто все более-менее

понятно? Или нет?

– Понятно то, что мы их сами творим, и что каждый символ имеет множество значений.

– Да, но только в астрологии. В магии мы стараемся сузить значение символа до минимума, лучше до чего-то одного. Иначе, результат действия может оказаться непредсказуем.

– То есть, символ Марса или Венеры в магии совсем не то, что в астрологии?

– Ну, в общем – да. В магии Марс – это лишь мужское начало, мужская сила и тому подобное. Венера – женское начало, и это, в общем-то, все. Поэтому настоящие маги разрабатывают целые языки, чтобы делать магию. Языки, которые действительно имеют алфавиты, свои слова и особые символы.

В коридоре раздались тихие шаги, и Альфред насторожился. Шаги приближались, и вскоре в комнату ступил несколько заспанный Феррано:

– Вы не возражаете, если я тут посижу? – спросил он.

– Да, конечно, – ответил Альфред, – но, боюсь, что наша беседа, скорее, утомит вас еще больше.

– Вряд ли, – ответил Феррано, – а о чем, собственно, беседа?

– О магии, и о том, как все это работает, – ответил Альфред.

– Интересно. И вы знаете как? – спросил Феррано с едва заметной иронией.

– Да, как вам сказать... Утверждать, что знаю – было бы самонадеянно. Но, я лишь высказываю свое видение этой проблемы, не более. Итак, мы остановились на том, что серьезные маги разрабатывают свои символы и даже целые языки для общения с иными мирами.

– Вот как? Я об этом не слышала, – сказала Сандра удивленно.

– И, скорее всего и не услышите, – ответил Альфред.

– Почему? – спросила Сандра.

– Понимаете, сила символа зависит от веры, с которой в него вкладывают тот или иной смысл. Как только кто-то начинает что-то уточнять или подвергать сомнению, так в этот момент символ начинает терять силу.

– То есть, маги боятся чужих сомнений?

– Можно и так сказать, – ответил Альфред, – то, что делал я – это довольно известная магия, чудом сохранившая свою силу вот уже спустя четыре тысячи лет, или даже больше.

– Простите, я что-то, видимо, пропустил: делали – где? – спросил Феррано.

– А... ну, пока вас не было, тут слуге хозяина дома сделалось худо, мы зашли его проведать, и я тотчас понял, что на него пытались наслать одержателя, вроде того, что был наслан и на вас тоже. Разница в том, что вы довольно молоды и сумели с этим справиться, а бедняга Иосиф уже готов был умереть.

– Вот как? И у вас получилось? – оживился Феррано.

– Надеюсь, что да, – ответил Альфред, – Да, так на чем мы остановились?

– На магии, которой более четырех тысяч лет. И вы думаете, что ее символы и методы никто ее не ставил под сомнение?

– Не знаю. Но изначально она была создана такими исполинами духа, что сомнения разных мелких людишек вряд ли могли нанести ей существенный урон. По этой же причине, кстати, жива и астрология, хотя, она, конечно, на сегодняшний день находится в гораздо худшем состоянии.

– Вот как? Почему же? – удивилась Сандра.

– Ну, потому что астрология – это всего лишь язык, и он доступен практически любому. А отсюда следует, что ею владеют гораздо больше людей, а где много людей, там и множество мнений, сомнений, желаний что-то переделывать и тому подобное.

– Понятно, – проговорила Сандра, – а вот что вы держали тогда в руках, когда делали эту вашу магию?

– Это... это очень древнее издание «Книги ангелов». Это, по сути дела записная книжка самого Шимона бар Йохая, отца каббалы. Мне она досталась чудом, я купил ее за гроши в одной из лавок в Дамаске. В этой книжке заключена огромная сила веры не только самого великого бар Йохая, но и многих поколений его учеников. А теперь вот и моя тоже.

– Вот как? А можно на нее взглянуть? – спросила Сандра с любопытством.

– Извините, Сандра, но я не могу вам ее показать.

– А почему? – спросил Феррано.

– Потому что мы все люди, а как я только что сказал: людям свойственны сомнения. Эта книжка ведь тоже символ. Зачем его зря ослаблять?

– Понятно, – Сандра опустила глаза. – Но все равно, я не до конца понимаю, как все это действует? Вот скажем, строитель берет и строит дом. Это – понятно. Он приложил много сил, поднимая и укладывая камни, а отсюда и результат. Но в случае с магией ведь, силы прикладываются совсем небольшие, а при этом в результате подчас получается нечто сопоставимое с постройкой дома, не так ли?

– Да, это верно, хотя, такой уровень магии и доступен единицам. Но давайте, снова вернемся к снам, с которых у нас прежде и началась эта беседа. Допустим, человеку снится нечто не очень приятное, скажем, сырое мясо. Этот символ лишь указывает на то, что наиболее вероятным будущим для этого человека является тяжелая болезнь, если вообще речь не идет о смерти. И вот, например, его убивают разбойники, или же он попадает под колеса поезда... Сон здесь вообще не нес никакой силы, верно? Но в реальном мире сила была к нему приложена. С другой стороны, если вы умеете управлять сном, то вы можете, допустим, не подходить к этому мясу, не притрагиваться, и тем самым снизить риск. Я сам наблюдал такое неоднократно. Более того, если вам, скажем, очень нужны, деньги, вы можете вызвать нужный сон, и ес-

ли это делать несколько ночей подряд, то деньги вполне могут прийти к вам. Вопрос – сколько, конечно остается открытым, поскольку символы, как мы уже говорили прежде, не ведают количеством. А теперь сделаем тоже самое, но в реальном мире. А именно – соберем много символов, связанных с тем или иным желательным исходом в будущем, придумываем, как их связать, придумываем, кого из высших сил стоит просить о помощи, и это, собственно и составляет магию. Остальное – за вами. От вас нужна только вера, чтобы наполнить все вами созданное особой силой, жизнью, если хотите. Как Всевышний вдыхает жизнь во вновь нарождающееся существо.

– Да, теперь мне стало немного яснее, – ответила Сандра задумчиво, – вот только как заставить себя поверить, если не очень верится?

– Это как раз и есть – самое трудное, но со временем и это получается, – заверил ее Альфред.

– А ведь верно! Сам Иисус говорил как раз об этом! – Феррано поднял глаза вверх и стал цитировать по памяти: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...»⁴⁴

– Именно! – подтвердил Альфред, и оглянулся, ибо в прихожей послышался шум и топот нескольких пар ног.

⁴⁴ Евангелие от Матфея 17:20

Глава 24

Когда носилки с Клавдией поставили на пол, Маркус отвел двух санитаров в задние комнаты и велел там ждать последующих распоряжений. Затем вернувшись, он подошел к Альфреду и чуть приподнял брови, мол, все ли в порядке? Альфред кивком головы в сторону, предложил поговорить наедине. Они вышли в прихожую и Альфред быстро пересказал все, что происходило в доме, пока Маркус отсутствовал.

– Да вы что! – Изумился тот. – Вон, значит как... Ну, этого я им не прощу... Спасибо вам за вашу помощь, будем надеяться, что с Иосифом все будет в порядке.

– Да, я тоже надеюсь, – кивнул Альфред, – но теперь – за дело? До начала часа Юпитера остается... – он достал часы и, щелкнув крышкой, поглядел на циферблат, – двадцать восемь минут.

– Да, за дело! – согласился Маркус и направился в гостиную.

– Итак, – начал он, обращаясь ко всем присутствующим, – ступайте и приготовьтесь. На вас не должно быть ничего, включая колец, серег, цепочек и тому подобного. Покрывала я оставил в ваших спальнях. Пока вы будете готовиться, я нарисую круг. Альфред, друг мой, помогите господину Феррано сделать все правильно, а затем, когда вернетесь, если

вас не затруднит – подбросьте еще дров в камин, чтобы мы не замерзли во время ритуала, хорошо? Вот и славно, итак – за дело, господа. Альфред, пойдете, я дам вам Иоанов посох.

Они вышли и Маркус прошептал:

– Завяжите Феррано глаза на всякий случай, так будет лучше.

Альфред кивнул. Они вошли в одну из комнат, и Маркус зажег свечу. Недолго поискав в ящиках, Маркус достал пучок сухого растения и вручил его Альфреду:

– Это вам понадобится только, если кого-то из нас начнет сильно корезить. Бывает даже, что человек встает или садится. В этом случае немедленно швырните в него Иоанов посох. Да, и вот еще... Я очень рискую. Если возникнет ситуация, что Клавдия очнется, а я нет, постарайтесь меня вытянуть молитвой Захарии. Сможете?

– Конечно. Само собой. Не беспокойтесь.

– Ну, тогда – с богом!

Они вышли и направились в гостиную. Сандры и Феррано уже не было.

Маркус начертил на полу большой круг, взял с каминной полки компас и обозначил стороны света, прочертив радиальные линии. Затем он написал по внешней стороне круга обращения к архангелам Азраэлю, Самаэлю, Рафаэлю и Саризэлю⁴⁵. Внутри он начертил небольшой круг, и как объяснял прежде, написал по буквам имя Божье. Затем между

⁴⁵ См. Приложение №2 в конце книги

линиями направлений, Маркус начертил четыре печати указанных архангелов. В центр он поставил большую, распространяющую странный запах свечу.

– Когда мы все ляжем, зажгите у каждого в ногах по свече, они лежат на бюро. Можете ставить прямо на пол. А теперь, давайте перенесем Клавдию на ее место. – С этими словами он подошел к носилкам, и взял ее подмышки.

Альфред тоже подошел и, взяв Клавдию за ноги, приподнял. Она оказалась довольно легкой, и вдвоем, они переложили ее на линию, указующую на запад. Маркус разрезал на ней ночную сорочку, вынул ее из-под Клавдии, и скомкав, отбросил в сторону. Затем тщательно накрыв Клавдию накидкой, он сказал:

– Все... мне пора. А вы ведите Феррано, и не забудьте, прошу вас, подбросить дров.

– Я все помню, – ответил Альфред, – не беспокойтесь.

Маркус ушел, а Альфред удалился в комнату, где должен был готовиться Феррано. Он застал своего подопечного сидящим на краю кровати в печальном расположении духа: Феррано и не думал раздеваться.

– Что это значит, дорогой Луиджи? Вы передумали?

– Нет... Но мне что-то не по себе...

– Я вас очень хорошо понимаю. Потерпите, это ведь и для вашей же пользы, не так ли?

– Да, я сейчас приду...

– Вот, не забудьте накидку, – Альфред указал на акку-

ратно сложенную ткань, лежащую на комод. Я подожду вас здесь. Если хотите, я могу отвернуться.

– Хорошо... как угодно, – тихо ответил Феррано.

Через минуту он уже был готов, и Альфред завязал ему глаза:

– Так надо, мой дорогой! Так надо! Не будем смущать барышню. И вообще, так потребовал ведущий ритуала.

Феррано уже ничему не сопротивлялся. Они вошли в комнату, и он без лишних слов устроился на линии, указующей на юг. Поерзав немного, Феррано сообщил, что полностью готов.

– Постарайтесь не заснуть, – попросил его Альфред.

– Само собой, – буркнул Феррано, – вы уж сами, знаете ли, не засните!

Альфред подошел к комнате Сандры и тихо постучал. Но ответа не последовало. Тогда он постучал еще раз чуть громче. Дверь отворилась, и Сандра молча выступила за дверь. Не глядя на Альфреда, она прошла в гостиную, и лишь одним взглядом спросила, куда ей лечь. Альфред указал на линию, указующую на восток. Она молча легла и закрыла глаза. Ее бил мелкая дрожь. Ей явно было еще более не по себе, чем Феррано. Она ощущала огромный букет самых неприятных чувств. Тут был и стыд и что-то вроде унижения, и какое-то разочарование в Альфреде, который не уберег ее от столь постыдной процедуры и многое другое, чего она уже даже и не пыталась понять.

Альфред подошел к камину и бросил в уже угасающий огонь несколько поленьев. Они тотчас запылали, и в комнате стало значительно светлее. Вскоре тихо вошел и Маркус. Кроме накидки на нем был венок из каких-то красных цветов. Он обошел каждого из участников, лежащих внутри круга. Он всякий раз вставал на колени, произносил незнакомую Альфреду молитву на арамейском, и оставлял какой-то предмет – возле каждого свой. Сандру он осыпал какими-то белыми, похожими на орхидеи цветами, рядом с Феррано он положил серебряную цепочку с мальтийским крестом, а подле Клавдии он положил пентакль, явно свинцовый и небольшую веточку сосны. Альфред арамейский почти не знал, и различал лишь последнюю фразу, которую он перевел для себя как «в добрый путь!». Затем Маркус тоже лег, и теперь уже Альфред обошел всех и зажег у ног каждого, начиная с Маркуса, по свече. Затем он сел и огляделся, тотчас отметив, что комната стала меняться почти сразу. Первое, что ему привиделось, будто огонь в камине и у каждой из свечей вдруг стал белым, а затем он почувствовал, что комната перед его глазами немного плывет...

Так продолжалось довольно неопределенное время, быть может, полчаса, а, возможно и все пять или шесть часов: точно сказать было совершенно невозможно. А затем, спустя это неопределенное время, все очнулись. Первым открыл глаза Феррано, затем Клавдия, после – Сандра и последним – Маркус. Альфред помог подняться каждому по очереди, на-

чиная с Клавдии. Все молчали и лишь переглядывались, несколько уже не смущаясь своей наготы и вообще всей странности происходящего.

– Прошу всех сесть, – попросил Альфред, и все участники, кроме самого Альфреда усадились в кресла.

– Насколько я понимаю, наш эксперимент удался, не так ли?

– Более, чем... – откликнулся Маркус.

– Прекрасно! Клавдия, как вы себя чувствуете, позвольте спросить?

– Удивительно... – ответила она довольно низким голосом.

– Ну, и отлично. Я более не стану всех вас задерживать, сейчас вы уйдете отдыхать. Завтра в два часа пополудни, мы снова встретимся здесь, и я прошу всех вас написать к этому времени небольшой отчет о своих впечатлениях, мыслях, в общем, напишите все, что посчитаете нужным, касательно эксперимента, который мы сумели произвести этой ночью. Я могу на это рассчитывать?

Все закивали.

– Ну, вот и отлично. Маркус, вы могли бы обустроить Клавдию на эту ночь? – спросил Альфред.

– Думаю, да... – неуверенно ответил Маркус.

– Я бы вас не тревожил, но сейчас глубокая ночь, а у нее нет одежды. Йоркович сейчас в тюрьме, – Клавдия чуть не вскрикнула, но прикрыла рот ладонью. Альфред отметил это

и продолжал, – так что позаботиться о ней некому. Я думаю, что она вам не доставит больших хлопот, не так ли?

Клавдия спросила:

– Простите, а вы кто?

– Ах, да, конечно, я не представился, извините. Я – старший дознаватель Министерства. Прибыл сюда по вашему делу. Это – хозяин дома Маркус Де Ниро, и ваш спаситель вот уже дважды. Вы, должно быть, его помните по прежнему делу, о котором нам еще предстоит поговорить подробнее. Это – господин Феррано, его вы, очевидно, помните еще лучше. Ну, а это – фрейлин Сандра – тоже сотрудник Министерства и моя помощница. Вопросы есть?

– По прежнему делу? По какому еще? – спросила Клавдия с некоторым вызовом.

– По тому самому, об убийстве старосты. – ответил Альфред спокойно.

– Вы, должно быть шутите? О чем тут еще говорить? Меня оправдали! И господин Де Ниро тому был свидетель!

– В столь поздний час я шутить и не собираюсь, дорогая госпожа Клавдия, или как вас там зовут по-настоящему – пока не знаю. Вас оправдали лишь потому, что ваш сообщник составил вам алиби, то есть – лжесвидетельствовал, и он уже признался в этом, а Маркус сумел доказать вашу непричастность, лишь благодаря подложным документам о рождении. Короче говоря, так: я не намерен начинать допрос прямо теперь, мы обо всем поговорим утром, и если вы будете пол-

ностью откровенны, вполне возможно, что вам ничего и не грозит. Так что подумайте, и не пытайтесь сбежать. Женской одежды в доме нет, а переодеться мужчиной, думаю, вам бессмысленно, – Альфред обвел многозначительным взглядом пышные формы Клавдии. – Так что? Ждать ли мне от вас каких-нибудь ночных сюрпризов?

Клавдия опустила голову и слегка ею качнула.

– Нет? Ну, вот и отлично! Если вы будете вести себя разумно, я вам завтра устрою встречу с Густавом. Договорились? Вот и хорошо! А теперь позвольте мне пожелать всем спокойной ночи, а вас фрейлин, позвольте препроводить в вашу комнату.

Маркус, Клавдия и Альфред ушли и вскоре Альфред вернулся.

– Теперь все! Еще раз благодарю всех и желаю доброй ночи! – Альфред поклонился и направился к выходу.

Надо отметить, что Альфред получил отчеты от участников ночного эксперимента только на следующий день, и не в два пополудни, а гораздо позже, но, думается, стоит привести их здесь, поскольку дальше будет такая кутерьма, что уже будет совершенно не до них.

Жанна Ксавье (Клавдия)

Я не знаю, как это описать, наверное, я даже буду говорить, на первый взгляд, какие-то глупости, но все же надеюсь, что вы меня поймете. Во-первых, уже в самые первые мгновения, когда душа ко мне стала возвращаться, я немного ужаснулась. Я осознала, что вот еще пару мгновений назад я просто не существовала. Меня не было. Совсем не было. Нигде. Это жутковатое ощущение, скажу я вам. Но затем, все это сменилось радостью. И я даже с радостью отвечала тому, кто меня допрашивал, хоть я и теперь не очень понимаю, кто именно это был. За ним было столько света, что разглядеть самого вопрошающего было попросту невозможно. В общем, я поняла, что для того, чтобы вернуться в тело, я должна покаяться и рассказать все, что со мной было. Именно поэтому, я и рассказываю все откровенно здесь, как и было велено. Прошу, рассматривать мой рассказ как исповедь, которая, соответственно, имеет право на полную конфиденциальность.

Родилась я двадцатого января тысяча семьсот пятьдесят шестого года в Тулузе. И звали меня тогда Жанна Ксавье. Моя семья была не особенно богата, но и отнюдь не бедна. С детства я интересовалась тайными науками вроде магии и алхимии, и уже в пятнадцать лет сотворила свой первый амулет. Отец не возражал, даже напротив – он помогал мне,

брал различных учителей, и скоро я овладела не только тайными, но и обычными науками. В двадцать, я уже могла врачевать, но предпочитала лечить животных: лошадей, коров, а иногда даже собак и кошек. Заработанные мною деньги отец откладывал на приданое. Но вот в наш дом пришла беда. От неизвестной болезни сначала умер отец, а затем и мать. По доносу соседа, меня должны были арестовать как колдунью и отцеубийцу. Однако накануне ночью мне было видение, будто Иисус читает мне Евангелие от Марка, а именно, вот этот отрывок:

«Когда же вы увидите «опустошающую мерзость» там, где ее не должно быть, тогда те, кто находится в Иудее, пусть бегут в горы. Кто окажется на крыше, пусть не спускается и не идет в дом за вещами, и кто окажется в поле, пусть не возвращается за своим плащом»⁴⁶

Я тогда сразу поняла, что беда вот-вот накроет и меня. Я быстро собрала свой мешок, и той же ночью ушла из города. Странствовала я около месяца, кормясь тем, что помогала в крестьянских семьях по хозяйству, а также врачую их скотину. Как-то мне снова приснился Иисус и велел поутру идти в Марсель, куда я и отправилась еще затемно. Добравшись в этот город за несколько дней, я решила заночевать в одной ночлежке. Сама не знаю почему: было то место невероятно грязным и убогим. Но, видимо, сил моих уже больше не оставалось, да и ночь, помнится, уже накрыла землю. Я заснула

⁴⁶ Евангелие от Марка 13:14-16

почти мгновенно, как только улеглась на деревянном неструганном настиле, где вдруг обнаружилось свободное место. Около полуночи меня разбудили чьи-то стоны. Это металась в бреду моя соседка. Я принесла ей воды, и, зажегши свечу, что была у меня с собой, я осмотрела ее. Увы, жить ей оставалось недолго, ибо то была, похоже, черная болезнь. Она, тем не менее, сказала мне, что зовут ее Клавдия, и что она родом из Испании. У нее были подорожные документы, и она направлялась в какой-то неизвестный мне городок, неподалеку от Марионвиля. За какой надобностью, я уже не помню, да и не суть. В общем, наутро, воспользовавшись ее подорожной, я ушла в Марионвиль. Так я стала Клавдией.

Я поселилась на окраине, в небольшом поселке, что на границе города, и стала понемногу обживаться. Работа повитухи мне приносила скромный доход, и на жизнь, худо-бедно, хватало. Вскоре по счастливой случайности, я познакомилась с Густавом, и он даже предложил мне обручиться. Я согласилась, но предложила ему не торопиться, а все как следует обдумать. Я не хотела, чтобы страсть, в конце концов, сделал его несчастным. Однако мы встречались довольно часто, и нам было действительно хорошо вместе. Наверное, это и вправду была, да и есть теперь, настоящая любовь. Но счастье наше длилось недолго.

Внезапно, меня начал преследовать староста. Он что-то заподозрил, видимо, решил, что я слишком молода для повитухи. И тогда, насколько я знаю, он вызвал в старой церкви

дух епископа Урбиция, который, как говорят, был убит рыцарями-крестоносцами много веков назад. Я об этом узнала несколько позже. Оказывается, дух этого епископа вызывают в этой деревне довольно часто, и если епископ считает вопрос стоящим, он отвечает вполне толково. В общем, при помощи духа епископа, староста все узнал, и моя история и настоящее имя вполне могла бы всплыть на поверхность, поскольку я отвергла его домогательства. К тому моменту, надо сказать, он уже погубил не одну женщину, так что сомневаться в его подлых намерениях не приходилось. Не видя иного способа себя защитить, я создала нужные пентакли и затем сотворила Ложе Иштар. Густав на суде лжесвидетельствовал по моей просьбе, создав тем самым мне алиби, а наш уважаемый Маркус Де Ниро, даже сделал больше, чем мог кто-либо ожидать. Используя документ о крещении Клавдии, который староста где-то добыл, господин Де Ниро доказал, что вызвать черный ветер я не могла, да я и действительно его не вызывала. Зачем это было мне? В общем, все обошлось как нельзя лучше. После, Густав рассказал о своей семейной реликвии, и мы решили ее отыскать. Нашли мы ее довольно быстро, используя магию любви и, как проводника – хранителя архива Ковача. За определенную выгоду, Золтан разрешил нашему переписчику работать по ночам. Но случилось странное: кто-то его убил. Переписчика нашли мертвым с ножом в сердце. Мы были в отчаянии, ибо не знали, ни что с ним произошло, ни то, где он спрятал по-

что законченную копию книги. Сразу после гибели нашего человека, мы обнаружили слежку и за собой тоже. Еще спустя какое-то время при странных обстоятельствах умер наш бургомистр, а после и сам Ковач, что было уж совершеннейшим ударом для нас. На нашем горизонте оставался лишь один человек, имевший доступ в хранилище – Луиджи Феррано, временно исполнявший обязанности бургомистра. Далее – история всем известна, и нет смысла ее повторять снова. Я знаю, что я совершила много тяжких грехов, но ирония судьбы в том, что я не совершала ничего из того, в чем меня когда-либо обвиняли... Я была честна с вами, насколько это вообще возможно, а потому да поможет мне Бог избежать той страшной участи, которую, быть может, я заслуживаю...

Луиджи Феррано

Пожалуй, я должен отметить, прежде всего, что ничего подобного со мною никогда ранее не происходило. Сначала мне показалось, что я засыпаю, во всяком случае, я испытал ту самую приятность, когда сон только-только касается ваших глаз. А после, почти сразу, я увидел, что стою на освещенном ярким солнцем зеленом холме. Вокруг было множество ярких цветов, и впереди стояло нечто, похожее на ворота, только ни к какой ограде они не примыкали. За воротами стояло какое-то странное существо, а может быть и не существо, в общем – нечто, источающее яркий свет, на который было даже немного больно смотреть. Это нечто помашило меня, и я прошел через ворота. Я не испытывал никакого страха, но некоторое беспокойство все же у меня было. Однако, это, скорее, из опасения сделать или сказать что-то лишнее или невпопад. Интересно то, что когда я шел, до того, как пересечь ворота, я ощущал некоторую тяжесть, не очень существенную, впрочем, словно бы, когда идешь вверх к вершине горы. Зайдя же за ворота, тяжесть тотчас пропала и ее напротив – сменила удивительная легкость, и я даже почувствовал, будто могу летать. В тот же момент, существо, буду условно называть его так, мне сказала: «Ничего не бойся!»

А затем все исчезло, и далее я, видимо, просто спал, не

ощущая времени. Во всяком случае, я пробыл там, на холме от силы четверть часа, а когда очнулся, уже было почти три часа пополуночи. И вот что еще интересно, я ведь и теперь ощущаю эту удивительную легкость, не так, правда, сильно, как там на холме, я уже не чувствую, что могу взлететь, но все-таки ощущаю, и это по-настоящему странно и удивительно.

Сандра Кваттроки

Наверное, это самое яркое событие, которое произошло со мной с момента моего рождения. Впрочем, я думаю, что оно и останется самым ярким. Начиналось все с того, что я чувствовала чудовищное смущение: подумать только, я лежу на полу, нагая в компании еще одной женщины и двух мужчин. Признаться, меня даже била мелка дрожь, несмотря на то, что в комнате было очень тепло. Однако, как и велел дядя, я попыталась остановить мысли. На удивление это удалось довольно быстро, и я впала в какое-то странное состояние. Сначала я услышала страшный рев, как если бы гром гремел несколько минут, и при этом меня уже била не мелкая, а вполне ощутимая дрожь. А после произошло нечто, отчего я чуть было не закричала, но какая-то сила, мне показалось, закрыла мне рот. Дело в том, что я словно бы взлетела под потолок и увидела всех нас, лежащих на полу, а также Альфреда, который сидел в кресле поодаль и что-то записывал. Затем кто-то схватил меня, и мы тотчас перенеслись явно очень далеко. Там было мягкое теплое лето, и мы висели в воздухе над зеленым холмом, вокруг которого рос бескрайний дубовый лес. Я попыталась повертеть головой, но это было, наверное, глупо, поскольку, я тотчас ощутила, что у меня нет не только головы, но я вообще себя ощущаю словно бы целиком и во многих местах сразу, я не могу это объ-

яснить, но это было удивительно. В общем, я по сути дела могла смотреть во все стороны сразу, могла выбрать какое-то направление и глядеть только туда, я могла все: перемещаться куда хочу, хоть на луну, хоть к Млечному пути. Могла ощутить себя и тут над холмом, и на луне одновременно... Но, как я поняла, мы прибыли на этот холм с какой-то важной целью, и мне не стоит отвлекаться.

Тогда я попыталась понять, кто еще находится рядом со мной. Не знаю как, но я ощущала только нечто, светящееся ярким светом, и еще чувствовала, что где-то рядом за мной наблюдает дядя. Не знаю, может быть мне и показалось, хотя, в том мире ничего не кажется, но я была уверена, что в том мире было возможно все, что не запрещено какой-то высшей силой, которую к слову, я тоже ощущала довольно отчетливо. Она не была ни грубой, ни навязчивой, она скорее давала ощущение собственной цельности. И еще было ощущение какого-то безграничного счастья, словно бы наступил большой праздник, хорошая погода и родители подарили тебе множество подарков. Затем был какой-то голос, но он был настолько мощный, что я не разобрала, что именно он говорил, однако внизу на холме я увидела нечто, чего раньше там не было, и чего я никогда не видела прежде. Я даже не знаю с чем это сравнить. Быть может, это походило на шевелящиеся мешки, наподобие тех, в каких возят поросят на ярмарку, с той разницей, что они были словно бы прозрачные и при этом наполнены дымом или туманом. И еще

они как будто немного светились изнутри, хотя, может быть это мне как раз и показалось. Далее мне почему-то стало понятно, что я должна спуститься к этим мешкам, что я и сделала. И вместе со мной спустилось еще нечто, напоминавшее облако, и я снова почувствовала, что дядя где-то рядом. Но я не могла понять, где именно. И после я и это нечто, мы словно бы кружили вокруг этих мешков, пока они не разъединились что ли... Хотя, это тоже условность, просто, скорее, вся эта груда стала поменьше. Не знаю, очень трудно подбирать слова для всего того, что довелось там увидеть. А потом, когда груда этих мешков стала несколько поменьше, то светящееся существо вернуло нас обратно, и тотчас мне показалось, что я знаю много больше, чем знала до сих пор, и это тоже было так удивительно. А после, когда я очнулась, меня уже не била та мелкая дрожь, и все вообще теперь выглядело иначе, совсем по-другому, и я снова не умею сказать, в чем именно произошли перемены. Но я чувствую, что я стала совсем другой, наверное, лучше, хотя, быть может, мне просто хочется в это верить.

Глава 25

Альфред проснулся оттого, что в дверь довольно решительно тарабанили, причем, как видно, не только руками, но и ногами тоже.

– Сейчас! – прокричал он, и стук прекратился. – Сейчас... Обождите... Вот ведь проклятие...

Он пошарил ногами в поисках домашних туфель, и не найдя их, опустился на колени. Пошарив под кроватью рукой, он выудил сначала одну войлочную, слегка примятую туфлю, а после и вторую. В дверь стукнули еще раз, но уже не так сильно.

– Сказал же – сейчас! – рыкнул Альфред, и достал часы из жилета, висевшего на стуле. Было всего-то семь часов и четырнадцать минут, за окнами уже понемногу начинало сереть. Альфред накинул домашний халат, стащил с головы шелковый ночной колпак, и двинулся открывать. По дороге он опрокинул стул, и выругавшись, поднял его и поставил поближе к столу. Провернув пару раз ключ, он распахнул дверь. На пороге стояла незнакомая дама, одетая во все черное или же темно-синее, в полутьме коридора было не разобрать. Лицо ее было прикрыто довольно густой вуалью, свисающей с весьма изящной шляпки. Альфред окинул ее взглядом с головы до ног, но узнал не сразу. Лишь после обычной фразы: «Чем я обязан, мадам?», он вдруг понял,

что перед ним стоит вдова бургомистра, перед которой он еще вчера ломал комедию, притворяясь писателем.

– Вы позволите мне войти?– спросила она холодно.

– Да, прошу вас, но будьте великодушны, застав меня в таком виде! Я как раз собирался привести себя в порядок!

– Оставьте свои куртуазности, барон. Я прекрасно понимаю, что вытащила вас из постели, но дело слишком серьезное и не терпит отлагательств. Я в отчаянии, и мне больше не к кому обратиться.– сказал вдова входя в комнату и резко оглядываясь по сторонам.

– А что случилось? – спросил Альфред мягко.

– Умерла моя служанка Ирен, вы должно быть, ее помните? – вдова сверкнула взглядом из-под вуали и бросила перчатки на стол.

– Да... видимо, она открывала мне тогда дверь, когда я приходил взять интервью...

– Да, это была она, но оставьте все это... я даже не знаю, как сказать... В общем, я прекрасно понимаю, что вы никакой не корреспондент и не писатель. Вы, по-видимому, либо сыщик из полиции, либо даже из самого Министерства, не знаю... собственно, я здесь именно потому, что вы вовсе не писатель.

Альфред попытался что-то возразить, но вдова подняла ладонь и опустила глаза. Альфред замолчал.

– Прошу вас, – сказала вдова, – хотите дальше держаться своей легенды – на здоровье, я не против, но то, что я вам

скажу, возможно, вас заинтересует.

– Вот как? – Альфред простодушно поднял брови.

– Дело в том, что Ирен умерла с теми же симптомами, что и мой муж! Понимаете?

– Да, я понимаю, – ответил Альфред, – и чего вы ждете от меня в этой связи?

Брунхильд подняла на него глаза и ответила:

– Ничего. Я просто боюсь.

– Чего? – спросил Альфред, все еще писатель.

– Я не знаю точно. Если бы я знала, я бы пошла в полицию.

Но вы мне показались человеком не только понимающим, но и надежным, – ответила Брунхильд, пытаясь показать, что вот-вот заплачет.

– Вот как? Так чего же именно вы от меня ждете, все-таки? – снова осведомился Альфред.

– Помощи, наверное, – коротко ответила вдова, слегка пожав при этом худенькими плечами.

– Какого рода? – осведомился Альфред.

– Видите ли... – начала было Брунхильд. Затем она снова оглядела комнату и спросила, – вы позволите мне присесть?

– О, разумеется, простите, я еще, видимо, не проснулся окончательно, – рассыпался в извинениях писатель Ланге. Он указал на стул. Сам он присел на другой стул, стоявший по другую сторону стола.

– Да... так вот, – начала Брунхильд, – судите сами: сначала умирают мои родители, затем умирает мой муж, а затем

и моя прислуга, и все с одинаковыми симптомами! Следовательно, на нас идет охота! И следующей буду я!

– Вы так думаете? – спросил Альфред, – Расскажите мне все по порядку. Начнем с того, как умерли ваши родители?

– Да что родители? – возмутилась вдова, – Надо что-то делать! Или вы не понимаете?

– Я все понимаю, – ответил Альфред спокойно, – но чтобы решить, что именно следует делать, я должен иметь представление о том, что происходит, видеть картину в целом, так сказать. Надеюсь это не вызовет дальнейшего раздражения с вашей стороны?

– Да нет, конечно... извините, я просто очень напугана, – ответила Брунхильд и достала батистовый носовой платок с кружевами по краям.

– Итак, как умерли ваши родители? – спросил Альфред еще раз.

– Ну как... сначала умер отец, а затем и мать...

– Сколько вам тогда было лет? – спросил Альфред.

– Двадцать два, – ответила гостя и делано промокнула глаза и нос.

– Понятно. А с каким интервалом умерли родители?

– Отец умер в феврале, а мать в апреле... А что, это важно? – переспросила Брунхильд, всхлипывая.

– Пока не знаю. И какие симптомы наблюдались у обоих? – спросил Альфред и достал свой блокнот.

– Ну, как и у мужа, словно бы от поражения дибуком...

– Дибуком? – удивился простодушный писатель, – но ведь дибук превращает человека в камень? Разве нет?

– Это все молва! И, кроме того, в камень человека, согласно легендам, превращает взгляд василиска, а вовсе не дибук, – ответила вдова жестко, и нагнулась к Альфреду поближе, – вообще-то, при поражении дибуком бывает много симптомов: черные губы, судорожная поза, еще что-то, я уж не помню, быть может, и что-то вроде сильного отвердения тела тоже бывает...

– Вот как? А откуда вы узнали впервые, какие бывают симптомы при поражении дибуком? – спросил Альфред и твердо посмотрел на вдову.

– Когда? Да какое это имеет значение? Я к вам пришла за защитой! А вы меня тут допрашиваете! – довольно правдоподобно всхлипнула гостья и прижала платочек к глазам.

– Оставьте, Брунхильд, – попросил Альфред, – мы ведь с вами говорим серьезно, не так ли?

– Вы мне не верите! – снова всхлипнула вдова, – Мне никто не верит! Я одна на всем свете, мне некуда идти и не к кому обратиться! Я думала, что пришла к другу, но и тут все какие-то допросы... Нет настоящих мужчин уже не осталось совсем, Ирен меня предупреждала об этом, и не раз!

– Вот как? Вы беседовали с прислугой на столь деликатные темы? – спросил Альфред не без иронии.

– После смерти родителей она мне была почти как мать. Я много советовалась с ней.

– Интересно. Так чего вы все-таки ждете от меня?

– Я уже сказала: помощи! – вдова уже, казалось, была готова зарыдать.

– Да, но чем же я могу вам помочь? Я совсем не разбираюсь ни в медицине, ни в магии, – ответил простодушный писатель.

– Понятно, – сказала вдова, и глаза ее тотчас просохли. – Значит, помочь вы мне не хотите...

– Я не...

– Довольно, – сказала она твердо, – я понимаю все и с первого раза.

– Замечательно, но в вашем доме, как вы говорите, произошло убийство... Мне сообщить об этом в полицию, или это сделаете вы?

Вдова уже направлялась к двери, но тут она резко повернулась:

– Теперь вас это не касается!

– О нет, вы ошибаетесь. Сообщить полиции о совершенном преступлении – долг всякого гражданина. Вы не знали? – Альфред улыбался.

– Хорошо, я сообщу. Теперь вы довольны? – вдова сделал вид, что не заметила сарказма.

– Вполне, – ответил Альфред ласково, – И вот еще: я бы очень вас просил не покидать город, пока полиция вам не позволит. Надеюсь, это ясно и без разъяснений, не так ли?

– Само собой! Куда мне ехать? – буркнула вдова. – Я во-

обще не знаю, что мне теперь делать. Как быть с телом, например?

– Давайте так, – продолжил Альфред тем же елейным тоном, – я нанесу вам визит, скажем, около одиннадцати. И приду я с очень толковым экспертом в области магии. Основываясь на его мнении, мы и решим, что делать дальше. Договорились?

– Вы – сама любезность, – пробурчала вдова, – нет, чтобы начать с этого... Ну что ж... Тогда я вас жду к одиннадцати с этим вашим... хм... экспертом.

– Ну, вот и славно! – Альфред поспешил открыть дверь перед внезапной гостьей.

Она, молча, ступила в коридор, и затем не спеша и не оглядываясь, стала спускаться, держась за перила и стуча каблуками, по темным деревянным ступеням.

Альфред закрыл дверь, подошел к кровати и сел. В голове словно бы стоял гул... Ирен? Прислуга вдовы? Что за черт?! Не может быть! Но, она мертва, во всяком случае, так утверждает сама вдова. Неужели ее действительно убила акадская формула? А может, что-то случилось в магическом круге, который мы делали нынешней ночью? Так... – Он посмотрел на часы. Было всего-то семь тридцать две. – Так, разбуду Маркуса в девять, пусть приведет себя в порядок, позавтракает, и после двинемся к вдове. Феррано – в порядке, он мне пока не нужен, а вот с Клавдией... Так, приду в управление к восьми и попрошу ее официально арестовать

вплоть до полного разбирательства дела. Предложу им использовать Сандру для производства ареста. Им бы нужно найти подходящую одежду... Хотя, вероятно, они прихватили платье, которое оставалось в квартире Густава. Да скорее всего. И вот еще! – Альфреда словно осенило. Он подбежал к столу, взял альбом для эскизов и нарисовал по памяти портрет Ирен: ее изображение он еще не показывал Сандре. Вдруг она опознает тайную гостью, чем черт не шутит. Быстро приведя себя в подобающий порядок, он направился в управление полиции.

Спешить было некуда. Вокруг царил полумрак раннего осеннего утра, и Альфред двинулся самым размеренным прогулочным шагом, поддевая тростью листья, и по ходу размышляя обо всем случившемся. У дежурного он осведомился, все ли на месте, и, получив утвердительный ответ, попросил прислать к нему в допросную комнату весь сегодняшний наряд. Дежурный кивнул, и встал по стойке смирно.

– Вольно, – спокойно сказал Альфред, – постарайтесь, чтобы минут через десять все были в сборе.

– Есть! – снова кивнул дежурный, и удалился выполнять приказание.

Время невыносимо медленно подкатывало к девяти. Альфред уже обошел площадь по периметру два раза, убедился, что команда для ареста Клавдии готова, и, не дождавшись пары минут до девяти, не выдержал и постучал в дверь. Он

не ожидал, что ему откроют скоро, и решил постучать для верности еще раз. К его изумлению, дверь отворилась прямо в тот момент, когда он уже занес набалдашник трости над дверным косяком, с тем, чтобы постучать вторично. Более того, на пороге стоял Иосиф. Он немного осунулся, выглядел немного усталым, но это был он!

– Иосиф! Я не верю своим глазам! Как вы себя чувствуете? – Альфред схватил слугу за плечи и, на радостях, слегка встряхнул.

– Спасибо, герр Ланге, уже немного лучше, но простите, что я не открыл сразу, я плохо спал этой ночью, и я все еще немного не в себе.

– Плохо спали? А что случилось? – спросил Альфред.

– Не знаю, все какие-то ночные кошмары, быть может, слегка переел на ночь... Мне разбудить хозяина?

– Да, пожалуйста. Можно я войду?

– Конечно, – Иосиф покосился на полицейских.

– Нет, пока только я, – и обращаясь к полицейскому наряду, попросил, – Господа, подождите тут немного, я скоро вернусь. Можете курить.

Полицейские понимающе закивали, и стали доставать свои трубки.

Иосиф будил Маркуса еще минут пять, и, в конце концов, тот явился в комнату как был – в ночной рубашке и в колпаке.

– Что случилось, мой друг? – спросил он, еле ворочая

языком, – мы ведь договаривались после полудня, или я вас неверно понял?

– Нет, все правильно, но обстоятельства резко изменились. Я вас попрошу разбудить Сандру, пусть приведет себя в порядок. За порогом полицейский наряд для ареста Клавдии, Сандра должна будет им помочь, а вас я попрошу позавтракать со мной в «Золотом колесе», и я вам расскажу все по порядку о том, что произошло, и что нам еще предстоит сделать сегодня, если вы, разумеется, не против.

– О, нет... – Маркус даже поднял руки кверху, мол, что за странные предположения? Как он может быть против? – Вы могли бы подождать минут десять, от силы пятнадцать, пока я оденусь?

– Конечно, – кивнул Альфред. Усаживаясь в кресло, он также попросил, – Мы уйдем, как только я поговорю с Сандрой. Мне нужно ей отдать кое-какие распоряжения.

Маркус повернулся вполоборота, и, кивнув, ушел к себе.

Первой в гостиной появилась Сандра, все еще немного сонная, но было видно, что ее уже разбирает любопытство:

– Что случилось, Альфред? – спросила она немного тревожно.

– Ничего особенного. Кстати, вы узнаете этот образ? – Альфред достал из принесенного саквояжа сложенный вчетверо листок с изображением Ирен.

– Да... – удивленно сказала Сандра, – это она была в доме Йорковича... А откуда вам...

Альфред остановил ее жестом:

– Вопросы потом, вероятно, вечером. Это долгая, и главное – интересная история, не хотелось бы ее комкать. А пока что вам предстоит новое, и не вполне приятное дело.

Сандра немного нахмурилась и посмотрела вопросительно.

– Сейчас за дверьми ждет полицейский наряд, дабы официально арестовать Клавдию. Но, как вы помните, она не в том виде... в общем, вы понимаете. У полицейских ее одежда. Нужно проследить за ней, когда она будет одеваться, а, когда она будет готова – дать знать наряду, чтобы они препроводили ее в управление.

– Это все? – спросила Сандра.

– Да, на сегодня, это для вас все. Когда закончите с Клавдией, можете быть свободны до самого вечера. Часов в семь, как обычно, устроим совещание, если нам не помешают обстоятельства.

– Хорошо, – Сандра кивнула.

Появился Маркус и тотчас стал сыпать вопросами, что, мол, все это значит, и почему так рано, и вообще, так ли уж необходимо было поднимать ни свет, ни заря бедную Сандру?

– С Сандрой мы уже обо всем договорились, – ответил Альфред со спокойной серьезностью в голосе, – а вас я хочу пригласить на завтрак, там вам все и объясню.

– Вот как? Ну что же... А как же Сандра позавтракает? –

спросил Маркус.

– Думаю, Иосиф сможет ей приготовить что-нибудь.

– Иосиф? Вы, должно быть шутите? Он ведь серьезно болен... – Маркус был очень удивлен.

– Он уже выздоровел, уверяю вас. И его прошлая болезнь – это часть того, о чем нам нужно побеседовать.

– Вот как? Иосиф! – позвал Маркус.

Через минуту на пороге комнаты появился слуга:

– Слушаю вас, – сказал он тихо. У него был вид сильно утомленного человека: глаза его словно бы впали, лицо казалось несколько бледнее обычного, и он немного сутулился.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился Маркус.

– Уже неплохо, мой господин, но я довольно плохо спал, сам не знаю почему.

– Вот как? Вы сможете приготовить завтрак для Сандры?

– О, разумеется. Не беспокойтесь. Что желает госпожа? – обратился он к Сандре.

– Спасибо, Иосиф, я вас попрошу чуть позже. Мне нужно кое-что закончить.

– Что ж, буду ждать ваших приказаний, – старый слуга поклонился, и тихо удалился в темноту коридора.

– Вы уже готовы, мой друг? – спросил Альфред Маркуса.

– Да, конечно, мы идем в «Золотое колесо»?

– Почему бы и нет? Это близко, и готовят там отменно, не так ли? – Альфред улыбнулся и пожал плечами.

Выходя из дома, Альфред коротко объяснил, зачем здесь

находится наряд полиции, и добавил, что Сандра все сделает в лучшем виде.

– Но может быть, мне стоит присутствовать при аресте? Я все-таки хозяин дома!

– Зачем? Эти ребята знают свое дело, а Сандра им поможет уладить деликатную сторону вопроса. Зачем вы там? Если возникнут какие-то вопросы, Иосиф, я думаю, все уладит.

– Ну что ж... – нехотя согласился Маркус, – тогда идем к Кривому Ласло! – и он, как показалось Альфреду, даже зашагал чуть быстрее.

За завтраком, Альфред рассказал во всех подробностях об утреннем визите вдовы, и о том, что им в одиннадцать предстоит ее навестить. Маркус немного погрустнел. Неприятности, связанные с вдовой его почему-то всегда расстраивали.

– Ну что вы, мой друг!? – попытался подбодрить его Альфред, – Вы не хотите идти со мной? Так скажите, не стесняйтесь, я что-нибудь придумаю.

– Нет, не в этом дело, – ответил Маркус.

– А в чем тогда?

– Знаете, в этом круге, который мы делали сегодня ночью, у меня было довольно странное видение.

– Вот как? Это помимо того, что вы вернули душу Клавдии?

– В том-то и дело, что я ничего не возвращал.

– Как это? – Альфред даже отставил чашку.

– Я не знаю, смогу ли вам объяснить, ибо тут слова почти бесполезны... – замялся Маркус.

– Ну, объясните как-нибудь, я постараюсь понять, – настаивал Альфред.

– Понимаете, когда я увидел Азраила... и вот вам первая неточность... это только так звучит «увидел», хотя это совсем другое ощущение, не похожее на зрение.

– Ну, это не важно, я думаю... – сказал Альфред.

– Важно! – пылко возразил Маркус, – Там все было важно... В общем, я пришел со своим вопросом, а ушел с его...

– То есть? – снова не понял Альфред.

– Ну, то есть, я попытался подать свою проблему, с которой пришел, но он не то отмахнулся... вот снова – слишком человеческое слово... то ли вообще меня игнорировал... Но потом, у меня вдруг возникло чувство, что все уладится, а после... во мне словно бы прожгли несколько... как бы это сказать... странных знаков, что ли. Я употребил слово «прожгли» не потому, что мне было больно, а потому, что я их воспринимаю теперь всем телом, даже мизинцем левой ноги. Это было очень странно, и я ничего такого прежде не испытывал, а потом почему-то стали мелькать разные картины... дома, пейзажи, лица... и один дом мелькал почему-то чаще...

– Какой дом? – удивился Альфред.

– Это был дом, куда вы хотите пойти после завтрака...

Альфред остановился и серьезно спросил:

– И что, вы полагаете, это могло бы значить?

– Если бы знать... – вздохнул Маркус. – Если бы не знаки, которые я ощущаю до сих пор, я бы подумал, что это предупреждение.

– Например, о чем?

– Например, о том, чтобы мы оставили в покое несчастную женщину. Но, это было бы слишком просто. Тут что-то иное, и именно поэтому я не могу оставить вас, и пойду с вами до конца. Теперь, это и мой путь тоже, видимо.

– Ну, что ж, – согласился Альфред, – возможно, мы получим кое какие разъяснения сегодня.

Закончив завтрак, приятели не торопясь вышли на улицу и размеренно зашагали по бульвару. Спустя минут двадцать, неспешно беседуя, они подошли к дому покойного бургомистра. Было две минуты двенадцатого. Поднявшись на крыльцо, Альфред постучал дверным молотком. Довольно скоро – приятели не успели переброситься и несколькими фразами – дверь отворилась. На пороге стояла Брунхильд. Окинув холодным взглядом визитеров, она коротко сказала:

– Входите! – и сделала шаг в сторону, точно так, как день назад это сделала Ирен.

Самостоятельно повесив пальто и шляпы в прихожей, Маркус и Альфред вошли в гостиную.

– Итак... – начал, было, Альфред, – с чего начнем?

– Ну, вам виднее, – ответила вдова, пожав плечами.

– Да, конечно... – согласился Альфред, – тогда так: я начну с осмотра тела, а мой друг Маркус, – он указал жестом на стоящего поодаль приятеля, – еще раз осмотрит дом в поисках пропавшего завещания. Вы согласны?

– Ну что ж... был бы результат, – ответила вдова, усаживаясь в кресло. – От меня вам что-нибудь нужно?

– Пока что нет, но, думаю, что позднее вопросов будет много. Вы будете готовы на них ответить? – спросил Альфред.

– Ну, смотря какого рода будут вопросы, – резонно заметила Брунхильд.

– Само собой, – кивнул Альфред. – Вы не проводите меня к телу усопшей?

Вдова встала и направилась к выходу. Проходя мимо Маркуса она бросила: ищите всюду, господин Де Ниро, где сочтете нужным, не спрашивая более разрешения. Вы его уже получили.

Маркус кивнул и стал почему-то оглядывать потолок.

Пройдя по коридору, Брунхильд остановилась, и открыла дверь, пропуская Альфреда вперед.

Он вошел в комнату и тотчас отшатнулся. До сих пор он лишь слышал о том, как порой ужасно выглядят трупы, пораженные черным ветром или же дибуком, но теперь он понял, что все эти рассказы были жалки. Ни Манфред, ни Ковач не были обезображены до такой степени. Он вообще мог узнать в этом трупе черты Ирен, лишь сильно напрягши во-

ображение. Во-первых, труп был невероятно раздут. Раздут настолько, что ночная сорочка местами даже треснула. Вся кожа, не только губы, была словно обуглена, а ноги и руки скрючены какой-то страшной судорогой. Глаза у покойницы, казалось, должны были бы выпасть из орбит. Черный язык вывалился, словно бы ее сняли с виселицы.

– Интересно... – пробормотал Альфред и подошел поближе. – Интересно... А что вот это такое? – на простыне лежал какой-то предмет. Подойдя поближе, Альфред понял, что это обыкновенная, хоть и не самая дешевая запонка. Очевидно, она выпала из руки покойной. Он подхватил ее двумя пальцами, и стал рассматривать через небольшую лупу, которую выудил из принесенного с собой саквояжа. Хмыкнув что-то про себя, он сунул запонку в обычный почтовый конверт, сделал на нем какие-то пометки золотым карандашом, а затем спрятал в кармане саквояжа.

– Понятно-понятно... – пробормотал он себе под нос.

Оглядев комнату еще раз, он затем обошел кровать со всех сторон, заглядывая и под нее, и во все углы комнаты, что были поблизости. Затем он вытащил откуда-то со дна саквояжа медицинский пинцет, которым тотчас подцепил что-то из одного угла, а затем и из второго. Подняв зажатый пинцетом почти невидимый из-за своей малости предмет, Альфред стал разглядывать его на свету со всех сторон. Снова пробормотав свое: «ага, понятно!», он поместил найденное в отдельные конверты, снабдив их, и на сей раз, ка-

кими-то пометками.

Вдова стояла поодаль и время от времени, пытаясь что-то понять в действиях гостя, выглядывала из-за спины Альфреда, становясь на цыпочки и немного вытягивая шею. Она была явно удивлена происходящим. Глаза ее были широко открыты, но она за все время не проронила ни звука. Затем произошло нечто и вовсе странное: писатель встал на колени и стал медленно оглядывать комнату. При этом глаза его были скошены к переносице.

– Что с вами? – спросила Брунхильд немного испуганно: тот факт, что к лежащему на кровати жуткому трупу, она вдобавок заполучила еще и внезапно спятившего писателя, ее явно не радовал.

Но сумасшедший писатель не обратил на ее слова никакого внимания, и лишь продолжал планомерно рассматривать комнату сдвинутыми к переносице глазами. Затем его взгляд задержался у платяного шкафа, и он, ни с того ни, с сего произнес: «Вот оно!». Все также скашивая глаза, Альфред подошел «гусиным шагом» к тому месту, куда смотрел, и затем, пошарив в саквояже, вытащил какой-то блестящий шнурок. Просунув в петлю на конце правую ладонь, он стал обвязывать серебристым шнурком нечто невидимое в углу у шкафа. Затем свернув петлю и вокруг левой ладони, он стал с большой натугой тянуть что-то обеими руками, и на глазах Брунхильд, прямо на полу стал проявляться, словно бы из тумана, окованный медью ларец.

Она чуть не вскрикнула, а затем, взяв себя в руки, спросила дрожащим голосом:

– Что это такое?

– Это мы скоро узнаем. Когда откроем его вместе с Маркусом.

– А почему не теперь? – удивилась вдова.

– А у вас есть ключ? – спросил Альфред небрежно.

– Должен где-то быть, я поищу, – ответила хозяйка и направилась к двери.

– Да, вот и отлично, поищите, будьте так любезны. А я, пожалуй, в этой комнате уже закончил...

Он взял ларец за витиеватую ручку в верхней части крышки, и двинулся в гостиную. Маркус уже сидел в кресле, в глубокой задумчивости.

– Что с вами, друг мой, вы словно увидели привидение! Что-нибудь случилось? – поинтересовался Альфред.

– Нет, пустяки, просто не выспался.

– Нашли что-нибудь? – спросил Альфред.

– Да так, ничего особенного, – он махнул рукой.

– А я вот – как видите, не с пустыми руками, – Альфред поставил ларец на стол.

– Господь всевышний! Где вы его нашли? – спросил Маркус, подаваясь вперед.

– Не поверите! В области пустоты!

– Где? – переспросил Маркус.

– В области пустоты, – повторил Альфред, – вы не знаете

что это?

– Нет, впервые слышу, – признался Маркус.

– Ну, вы ведь сами говорили, что миров таких как наш существует множество, и хоть многие из них похожи, как две капли, но все-таки всегда имеются и некоторые отличия... Неужели не помните этот наш разговор?

– Нет, этот разговор я помню. Но...

– Но миры ведь... как бы это сказать... тут тоже слова – плохие помощники. Да, так вот, говоря условно, миры ведь не «прилегают» один к одному точно. Возможно, как раз из-за этих самых различий. В общем, знаете ли, между мирами существуют такие небольшие «зазоры», где нет ничего, но умеючи, там можно оставлять предметы или даже прятаться самому. Впрочем, большие пустоты встречаются крайне редко, а вот такие, чтобы спрятать ларец – вполне можно отыскать. Нужно лишь уметь это делать. Хотя, признаться, я впервые вижу область пустоты прямо в доме.

– Вот как? Тогда мне понятно, куда девался мой ключ... Помните, я вам говорил, что он лежал за одной из книг?

– Помню, говорили, кивнул Альфред, – И куда же он девался, по-вашему?

– Видите ли... иногда можно сделать так, чтобы ключ и замок стали бы симпатически связаны. То есть, если пропадает замок, то пропадает и ключ вслед за ним. И наоборот. Думаю, Ирен, когда прятала ларец, так и поступила, чтобы перестраховаться, что ли...

– Так ключ все-таки можно теперь найти? – спросил Альфред, немного сбитый с толку.

– Не знаю, – если он вслед за ларцом попал в какую-то из «областей пустоты», как вы их называете, то я уж и не знаю... Если захотите, можно потом поискать эту самую «область» в моем доме, но, с другой стороны – какая теперь разница, верно? – спросил он немного потухшим голосом.

– Вы правы, – согласился Альфред, – там видно будет...

– А что еще вы обнаружили? Что с покойной? – спросил Маркус, уже немного бодрее.

– Да, все тоже, – махнул рукой Альфред, – А вот доказательство, кто еще охотился на Феррано, – он выложил на стол запонку, найденную подле трупа.

– Вы думаете, что это была Ирен? – спросил Маркус.

– Я не думаю! Я знаю. Это – очень серьезная улика, – ответил Альфред. – Эта запонка использовалась, как симпатический агент, и потом, есть еще и другие улики...

– Какие же? – спросил Маркус.

В это время в комнату вошла Брунхильд.

– Вы нашли ключ, позвольте осведомиться? – спросил Альфред.

– Нет, – ответила вдова, – не нашла, он куда-то запропастился...

– Понятно. Маркус, скажите, как вы полагаете, разрешено ли нам будет вскрыть этот ларец, не прибегая к помощи ключа?

– Ну, это собственность семьи фон Кляйне... Если мадам фон Кляйне не против, то – да.

– Мадам, вы не против? – осведомился Альфред.

– Нет... я вообще не знаю, что там, и никогда прежде этот сундук не видела...

– Вот мы и посмотрим вместе, – заверил ее Альфред, – Так что? Я открываю?

– Ну, конечно, если сможете... – ответила Брунхильд.

Альфред достал из саквояжа, стоявшего на полу, черный чехол, тесненной кожи с набором отмычек. Поковыряв в замке с минуту, он чем-то щелкнул и крышка распахнулась.

– Так... вот и завешание... – Альфред достал бумагу и передал ее Маркусу. – Узнаете, мой друг, этот документ?

– Да, как будто... – он пробежал глазами завешание. – Да, это оно. Там есть еще что-то?

– Есть, – Альфред достал довольно плотный конверт и протянул его Маркусу. – Будьте так добры, Маркус, прочтите нам, что написано в завещании господина фон Кляйне?

– Прямо теперь? – удивился Маркус.

– Да, а почему нет? – удивился Альфред.

– Хорошо... – сказал Маркус тихо и надел очки. – Завешание... Настоящим повелеваю... Так... все переходит к моей жене Брунхильд, сто пятьдесят талеров – Ирен Варт, прислуге, так.. распоряжения относительно попечительского фонда, ходатайство о назначении бургомистром Луиджи Феррано, вот и все, пожалуй...

– А что в конверте? – спросил Альфред.

– Тут, – Маркус показал конверт всем присутствующим, – написано: «Вскрыть Маркусу Де Ниро лично и конфиденциально, без присутствия третьих лиц». Надеюсь, вы не против, если я вскрою его дома?

– Не против. Воля усопшего – закон. А мы пока что продолжим. Магия, магия... кругом одна магия в этом городе! Такого я, пожалуй, не видел даже в Толедо! Думал, что хоть вы, мадам, чисты перед законом, но, увы, я сильно ошибался...

Маркус посмотрел на Альфреда вопросительно и даже немного враждебно.

– Итак, мадам фон Кляйне, как видите, теперь у нас есть все основания подозревать вас в организации убийства мужа с целью получения наследства, а также ряда других людей, включая Манфреда Шварцшильда...

– Простите, но, насколько я помню, Манфреда как раз убили вы, или я что-то путаю?

– Технически – да, его убили мы, но подселили дибука в него вы. Он был бы жив, не овладей вы его телом и сознанием, а мы лишь действовали в рамках необходимой самообороны, думаю, что любой суд с этим согласится. Вы, разумеется, действовали не в одиночку, вам помогала ваша прислуга Ирен Варт, но она, видимо, стала не нужна, а знала она много, и вы решили убить и ее, не так ли?

– Что за вздор! Не понимаю, причем тут я? Допустим,

Ирен всем этим занималась, но я ничего об этом не знала! Хотя, догадывалась, конечно. Из чего следует, что я была с ней в сговоре?

– Это как раз очень просто доказать. Дело в том, что манипуляции с дибуками требуют парной магии. Это, конечно, не то же самое, что магия...хм... соития, ибо просто подразумевает участие двух людей любого пола. Один, как правило, подсаживает дибука, и называется в этой магии «дорифорием», а другой затем уже управляет одержимым, и называется «возничим».⁴⁷ Дорифорий и возничий – это всегда разные люди. Да зачем же я вам все это рассказываю? Вы в этом искушены куда более моего, не так ли? Поскольку ваш муж, как соучастник исключается, а других людей в доме практически не бывало, то остаетесь только вы... – Альфред развел руками.

– Да, но Ирен могла заниматься своей магией где угодно и с кем угодно! Я ведь не держала ее на цепи. Она довольно часто отлучалась.

– Верно! Это вы точно заметили, и я бы никогда не смог ничего доказать, не пусти вы меня осмотреть тело! А пустили вы меня лишь для того, чтобы заручиться нужным, глупым и послушным свидетелем. И Маркус в этом смысле вас тоже устраивал, поскольку вы прекрасно знали, что он влюб-

⁴⁷ Здесь имеет место астрологическая аналогия. В гороскопе, планета, идущая прямо перед солнцем называется дорифорием, а идущая сразу за солнцем – возничим. Видимо, этот вид магии берет начало именно отсюда, из астрологических мистерий древней Халдеи или Вавилона.

лен в вас!

Маркус подскочил, как ошпаренный.

– Не волнуйтесь, мой друг, в моих словах нет ничего дурного. Вы ведь к тому же очень старательно скрывали свои чувства, и я бы никогда не сказал того, что говорю сейчас, если бы не слишком серьезные обстоятельства, увы. Прошу вас, сядьте, и дослушайте до конца.

Маркус сел, но все еще довольно злобно пыхтел, и метал из-под бровей сердитые взгляды.

– Дело в том, что последняя магия, была направлена на то, чтобы овладеть сознанием Иосифа, слуги Маркуса, – Альфред посмотрел на своего друга. Тот сидел, положив голову на руки, – и я бы, наверное, опять-таки остался в неведении, как и в прежних случаях. Но я применил одну малоизвестную аккадскую формулу, и это сильно ранило одержателя, а в таких случаях они возвращаются к тому, кто их послал, к дорифорию то есть, и наносят серьезный ущерб, хотя чаще – просто убивают. При этом, как отмечали многие авторы, в углах комнаты, где находился дорифорий, остаются кристаллы синей или черной соли, похожей на обсидиан. Вот они! – Альфред высыпал из конверта на стол черные кристаллы, размером с гречишные зерна. – То есть, магия творилась здесь. Вы искали что-то в доме Маркуса. Что именно?

– Какой смысл мне вам отвечать? Меня ведь все равно казнят, не так ли? – ядовито осведомилась вдова.

– Смысл прямой. Я письменно поклянусь при свидетеле,

что в случае чистосердечного раскаяния и сотрудничества со следствием, я, в свою очередь, буду ходатайствовать перед Министерством о значительном снисхождении к вам. Это понятно?

– В чем конкретно может быть выражено это снисхождение?

– Ну, во-первых, вас уже точно не казнят. Во-вторых, вас не пропустят через печально известные подвалы Министерства. Относительно остального, я не могу знать, ибо тут все будет зависеть от суда и от вас. Точнее, от того впечатления, которое вы произведете на судью и присяжных. Но, если же вы откажетесь давать показания, или будете лгать, я просто передам вас к следователям Министерства, и там, в подвалах, вы рано или поздно расскажете все, поверьте мне на слово. Ну, и в этом случае, я уж и не знаю, какого рода казнь вас ждет. Впрочем, думаю, что если вы все-таки решите пойти этим путем, то вам стоит уже сейчас начинать молиться о виселице, как о смерти наиболее быстрой, относительно безболезненной и наименее постыдной.

– Хорошо, клянись! Письменно. Как обещали, – тихо сказала вдова и отвернулась к окну.

Альфред пожал плечами и достал из саквояжа загодя приготовленную расписку, написанную каллиграфическим почерком на листке гербовой бумаги. Он аккуратно развернул ее, и, немного прищурившись, стал читать:

– Я, Альфред фон Ланге, старший дознаватель Министер-

ства, клянусь в присутствии частного детектива Маркуса Де Ниро, и обязуюсь выполнить следующее. Подать рапорт по всей форме с ходатайством, о максимальном снисхождении в отношении мадам Брунхильд фон Кляйне со стороны Министерства, как главного обвинителя. Подать отдельное прошение в Высший суд о максимальном смягчении возможного приговора, с перечнем всех известных смягчающих ее вину обстоятельств. Все вышеизложенное должно быть сделано в том, и только в том случае, если мадам фон Кляйне убедит следствие в своем чистосердечном раскаянии, и если ее сотрудничество со следствием будет иметь решающее значение. Клянусь исполнить все данные мною обязательства перед лицом бога отца, сына и святого духа. Аминь.

Маркус, простите, ваша печать при вас?

– Конечно, – ответил тот, – давайте, я заверю вашу клятву. – Он достал из кармана печать, растопил на свече сургуч, и припечатал его. Затем Маркус, стараясь не смотреть в глаза вдове, передал ей документ.

– Хорошо... будь по-вашему... – хрипло проговорила Брунхильд, – я вам все расскажу... А хотите – сами спрашивайте, что вас интересует.

– Простите, я вас оставлю ненадолго, – Маркус встал и слегка поклонившись, направился к выходу.

Далее я хочу привести кое-что из того, что мне удалось найти по делу Брунхильд фон Кляйне. Хотя, в основе всего

написанного ниже все-таки лежит допрос, протокол которого записан по памяти днем позднее, я все же полагаю важным показать еще кое-что. Например, то, что я узнал из бесед с другими людьми. Кроме того, во время последующего обыска мне удалось найти несколько дневников, письма, а также некоторые предметы личного характера, которые очень помогли мне понять эту личность довольно полно и всесторонне. Короче говоря, я решил привести тут отчасти некую реконструкцию, связанную с жизнью мадам фон Кляйне, основанную на упомянутых выше материалах. Разумеется, я не ручаюсь за полную достоверность приведенных ниже диалогов и размышлений – если только диалоги не были со мною, – но я уверен, что не погрешил против истины, и понял характер этого странного и неординарного человека довольно точно. Итак...

Некоторые записки по делу

Брунхильд фон Кляйне

Зовут меня, как вы знаете, Брунхильд фон Кляйне. Девичья фамилия – фон Пуллах. Родилась я в семье Карла и Греты фон Пуллах одиннадцатого ноября тысяча семьсот пятьдесят четвертого года в небольшом городе Шверине. Моя семья происходила из обедневшего, но довольно древнего купеческого рода. Баронство, насколько я знаю, не то купил, не то получил за какие-то большие заслуги, еще мой дед Эрих фон Пуллах, в те времена, когда дела семьи еще шли неплохо.

Спустя годы, волею разных обстоятельств, все пошло прахом, наша семья обеднела, дела шли день ото дня все хуже, и гордиться теперь уже оставалось лишь титулом. Как вы можете легко догадаться, приданого за мной практически не давали, и в этой связи, очередь из женихов к нам не стояла. Тех же немногих, кто все же пытался свататься, отец отвергал, как недостойную для меня партию. Мне уже шел двадцать один год, и шансы на замужество таяли, довольно быстро. Моей гувернанткой с самых малых лет была Ирен Варт. Я уже не помню, когда и при каких обстоятельствах она стала у нас служить, но случилось это довольно давно. Ирен была несколько моложе моих родителей, быть может, лет на семь-восемь, и при этом казалась женщиной мудрой и опытной. Как-то раз, во время прогулки по саду, я поделилась с Ирен своей тревогой относительно того, что, видимо, мне на роду написано умереть старой девой в компании котов и канареек. Она успокоила меня, и сказала, что с замужеством она все устроит, когда придет время, и если я, конечно, не против поручить ей это дело. Я, естественно, была не против. «Более того, – сказала тогда Ирен загадочно, – вы, моя госпожа, пока что можете познавать тайны любви и, не будучи замужем, это я тоже могу устроить». Я ужасно засмушалась, и лишь спросила, мол, как это возможно? Но Ирен снова ответила довольно таинственно, что не может мне всего рассказать сразу, но, если я пожелаю, она со временем будет рада меня обучить некоторым полезным наукам, зная которые

мне будет значительно легче и интереснее жить. А затем, – я как теперь помню, – она вдруг поглядела на меня таким пронизывающим взглядом, что я даже поежилась, словно от холода.

– Я могла бы вам устроить свидание с одним молодым человеком, – предложила она, – О, не беспокойтесь, я дам вам особую мазь. После того, как вы расстанетесь, вам будет нужно лишь смазать ею у себя между ног, и к утру, свидетельство вашей невинности восстановится.

– Но это невозможно! – вскрикнула я, не поверив своей гувернантке.

– Дорогая моя, если я только смею вас так называть, в мире много странного и загадочного. Но, повторю еще раз: я не смогу вам рассказать все сразу. Во-первых, это долго, а во-вторых, я должна быть уверена, что вы меня, простите меня за мои сомнения, не предадите меня, – она снова посмотрела на меня так, будто вдохнула мне в грудь ледяной холод. – Любовное приключение будет и вам и мне на пользу. Вы обретете опыт и сказочное удовольствие, а я – уверенность, что теперь мы будем навсегда связаны тайной, и ваш прелестный рот отныне будет на замке.

Я лишь покраснела в ответ. Да, Ирен, видимо, и не ждала никакого ответа. Она все прекрасно понимала и без слов.

– Вот и хорошо, – сказала она очень спокойно, – только что вы выбрали интереснейшую жизнь, полную событий и приключений, и отвергли жизнь квочки, которую ведет боль-

шинство женщин этого мира. Итак, вечером за ужином, вы скажете родителям, что будете ночевать в зеленой комнате. Спросят почему – скажете, что прошлой ночью какой-то неизвестный пару раз бросал камешки в окно и это вас разбудило. Я вам там постелю и передам мазь, она будет у вас под подушкой. Ложась, оставь окно приоткрытым. Ну, а дальше – все получится само собой.

Я не удержалась и спросила, мол, а кто это будет? Мол, не могу же я впервые лечь в постель с незнакомым человеком. Ирен меня успокоила. Она сказала, что это будет мой кузен Фридрих. У нас с ним уже намечалась интрижка, но Ирен всякий раз появлялась именно тогда, когда мы могли бы зайти чуть дальше, чем это было бы позволительно. В общем, я была согласна. Единственное, что меня тогда еще мучило – это возможность нежелательной беременности. Но Ирен снова меня успокоила, и сказала, что мазь и тут сделает все как надо. Она спросила, знаю ли я что-нибудь о магических растениях? На тот момент я знала лишь то, что таковые бывают, но не более. Ирен вкратце пояснила мне, что магические растения, связанные с планетами, это те, чьи качества наиболее подобны силам той или иной планеты, и в которых нет влияний других планет или светил.

– Например, растения Луны, – пояснила мне Ирен, – отличаются внутренним холодом и влагой, нередко они и растут в воде, как, например, водяная лилия или же трифоль. Некоторые из них, будучи собранными в правильное время, могут

способствовать легкому протеканию беременности, другие же – напротив, могут оказать помощь в прерывании таковой. Растения же Венеры более способствуют женской чувственности, а одно из них – она так и не назвала мне его – может восстанавливать невинность. Впрочем, как я поняла позже, эта мазь состояла не из одной травы, и не только из трав, но это, не так важно в рамках данного дела.

В общем, все и вправду было просто волшебно, и на утро я, убедившись, что снова невинна, даже подумала, уж не привиделось ли мне все это? Но нет, на зеркальном столике, в стакане с водой стояла роза, которую вечером принес мне Фридрих.

Ирен встретила меня, как ни в чем не бывало, и лишь однажды спросила, все ли подействовало, как надо? Более, мы не говорили о моем ночном приключении, и вообще ни о чем таком, что не касалось бы рукоделия или грамматики французского языка, коей Ирен меня обучала. Наконец, я не выдержала и спросила прямо, может ли ее мазь подействовать вторично, или же она действует только один раз? Ирен лишь пожала плечами и сказала, что мазь может действовать много раз, и если я пожелаю снова встретиться с Фридрихом, я должна лишь ей намекнуть. Перед тем, как устроить мне новое свидание, Ирен принесла мне другую мазь, и сказала, что невинность мне всякий раз восстанавливать незачем, мы это сделаем непосредственно перед замужеством, а пока, мне нужна лишь мазь из растений Луны, предохраняющих

от беременности. Так я встречалась с Фридрихом несколько раз, до тех пока он не получил приказ убыть в полк, расквартированный где-то у Черных гор. Ирен дала нам встретиться на прощанье еще разок, а затем сказала, что, пришло время подумать и о моем браке. Я не была готова, и лишь спросила, кого она прочит мне в женихи, и когда этот некто навестит нас?

Ирен попросила не торопить ее, и заверила, что я все узнаю в скорости, а пока что она хочет меня посвятить в одну тайну. Это была действительно очень важная и страшная тайна, касающаяся ее жизни. Не скрою, ее рассказ совершенно ошеломил меня. Начну с того, что настоящее ее имя было вовсе не Ирен Варт, а Элизабет Брейтенштайн. Года за два до того, как Ирен – я далее буду называть ее этим именем, поскольку уже привыкла – стала служить у нас, она чудом сбежала из Имперской тюрьмы, расположенной где-то на севере, соблазнив стражника, и после какое-то время скрывалась, странствуя по свету. Она была приговорена к пожизненному сроку по обвинению в колдовстве и убийстве, при помощи такового. Я ей поверила, поскольку, не было никакого смысла лгать о себе, приписывая настолько страшные вещи. Я поклялась ее не выдавать, и с тех пор мы стали партнерами. Ирен учила меня понемногу, и уже не только и не столько французскому языку, сколько, как вы, верно, догадались – магии и некоторым другим подобным наукам и искусствам. Я была очарована, передо мной открылся удиви-

тельный мир, а моя жизнь, наконец, приобрела смысл. Например, Ирен знала, как проходить в миры неприкаянных духов и извлекать их оттуда. Я тоже понемногу научилась этому искусству, и у меня даже стало получаться, но до мастерства Ирен мне, конечно, было еще очень далеко. Однако у нас была и большая проблема. Дело в том, что в семи случаях из десяти, тот, в кого был препровожден одержатель, то есть дух, извлеченный из другого мира, умирал, причем, довольно мучительно. Это делало все наши усилия не только бесполезными, но и весьма опасными. Рано или поздно всеми этими смертями должна была бы заинтересоваться как полиция, так и ваше Министерство.

– Понятно. И каков был смысл в этой подсадке одержателя? Что вы хотели получить в результате? – спросил Альфред.

– Смысл простой – власть. Ирен ею просто бредила, воображала, будто может стать королевой армии одержимых, и те пойдут за ней куда угодно, хоть бы и на смерть. Меня власть как таковая не привлекала. Мне нравилось появляться в разных местах в чужом теле, видеть чужими глазами, проникать в чужие тайны, причем порой самые сокровенные.

– Сколько духов подсадили вы лично? – спросил Альфред.

– Не много. Одного из них – Манфреду, но я расскажу об этом чуть позже. Итак, у нас были удачные случаи, как, например, с тем же Манфредом, но чаще все это заканчива-

лось смертью, как, например, с моим мужем. Да, признаться, я уже тогда стала подозревать, что и родителям моим Ирен тоже помогла уйти на тот свет, дабы помочь мне выйти замуж, но не буду забегать вперед.

В один прекрасный день Ирен мне сообщила, что удача улыбнулась нам, и что она знает книгу, в которой точно описано, как правильно проводить одержателя, с тем, чтобы одержимый не умирал. Беда лишь в том, что книга эта находится в городе Марионвиле, и скорее всего в секретном хранилище, куда имеют доступ единицы. Однако, как она сказала, были и хорошие новости. Тут она и сообщила, что нашла мне жениха. И что это не какой-нибудь ловелас из обедневших дворян, промотавший состояние предков, но вполне достойный человек, сам бургомистр Марионвиля! Тогда-то я сразу и поняла, куда она клонит, но возражать не стала. В конце концов, замужество – дело серьезное, и все это еще должны были одобрить мои родители. Генрих Кляйне появился в нашем доме всего пару раз, а затем наступила пауза. Ирен объяснила мне, что родители оказались против этого брака: Генрих-де без роду, без племени, хоть, конечно, и герой войны. Но, – заверила она, – волноваться нечего. «Я, – мимоходом сказала она, – все устрою как нельзя лучше».

Не знаю точно, ее ли это рук дело, но, догадываюсь, что так. В общем, не прошло и трех месяцев, как умер от горячки мой отец, а затем и мать тоже. Спустя еще какое-то время, Генрих снова объявился у нас в доме и стал просить

моей руки уже лично у меня. Я лишь высказала некоторое опасение, что курфюрст может расторгнуть наш брак, в силу того, что уважаемый мною Генрих Кляйне не имеет титула. На это он ответил, что уже имел аудиенцию с курфюрстом, и получил соответствующие разрешительные бумаги. Было понятно, что Генрих просто мечтает стать бароном, и курфюрст, учитывая его подвиги на войне, не только разрешил этот брак, но также разрешил наследовать и титул. Мне тогда был двадцать один год, а ему – сорок один, но это была, в сущности, единственная возможная партия, и я согласилась. Свадьба прошла довольно скромно. Ни у меня, ни у мужа не было ни друзей, ни родственников. Генрих уехал через пять дней после свадьбы, а я осталась продавать дом и то имущество, которое муж посчитал бесполезным.

– У вас не было свадебного путешествия? – спросил Альфред.

– Нет, что вы! Муж считал это проявлением праздности и лишними тратами. Впрочем, я как-то тоже не особенно стремилась оставить дом, и ехать неизвестно куда за какими-то поверхностными впечатлениями и поводами для охов и ахов. И потом, я уже была серьезно увлечена идеями Ирен, и мы почти все время обдумывали способы поисков книги. Ирен предложила, как она выразилась, наступать по нескольким фронтам. То есть попробовать проводить одержателя сразу нескольким людям, имеющим доступ в хранилище. Собственно, их было пока что только три: мой муж, его секре-

тарь Луиджи и зритель Золтан Ковач.

Как вы, верно, заметили, в этой магии всегда есть дорифорий и возникний. Дорифорием, как правило, выступала Ирен, а возникним – я. Так уж сложилось. Ирен, я думаю, мне не очень доверяла в этом вопросе, а я и не настаивала, тем более, что руководить одержимым мне было куда интереснее, да и получалось у меня это гораздо лучше, чем у нее. Прошло еще несколько месяцев, наше дело не двигалось, и к тому же брак не радовал ни новыми интересными событиями или встречами, ни даже супружескими забавами. Как-то раз, я прогуливалась с Ирен по бульвару, и нам встретился молодой человек, явно – студент. Он просматривал книги на развале у букиниста. Почему-то мы тоже подошли и разговорились. Как мы и думали – это был студент последнего курса университета, кажется в Дрездене, а сюда он приехал погостить к дяде на короткие каникулы. Он был мил, и, как мне показалось, сразу в меня влюбился. Ирен тоже это заметила, и предложила организовать мне свидание. Я не отказывалась. Вы, верно, догадались – это был Манфред. Я узнала о его планах, и выяснилось, что он уже начал подыскивать себе место в каком-нибудь магистрате или же министерстве, поскольку заканчивал учебу уже довольно скоро. Это навело меня на мысль поспособствовать его продвижению через мужа или Луиджи, с которым, впрочем, еще только предстояло «навести мосты». Я рассказала о своих намерениях Ирен, и она одобрила мою идею. Тогда же мы решили проводить к

нему не дибука, а оборотня, у нас было в запасе пару хороших экземпляров.

– То есть? В каком смысле? – переспросил Альфред.

– Ну, вы, должно быть, знаете, что духи, как и люди – все разные, но есть и нечто общее, что дает возможность их как-то классифицировать. Дибуки, например – самый многочисленный отряд. Они агрессивны, и именно они чаще всего убивают одержимого.

– И они боятся зеркал? – уточнил Альфред.

– Практически все духи боятся зеркал, это не специфическая особенность. Дибуки же пригодны лишь для каких-то злодеяний, вроде убийства, ну, или слезки...

– Не понял, вы ведь говорили, что смерть одержимого, это что-то вроде издержек, и никак не является целью?

– Да, но вы меня не поняли. Некоторые маги используют дибуков, чтобы заставить одного человека, убить другого. Например, помните дело об убийстве графа де Гроссо его сыном?

– Да, это что тоже дело рук Ирен?

– Нет. Это дело рук Себастьяна Гроффа, вы, вероятно и не слышали это имя.

– Нет, не слышал, – признался Альфред.

– Из рассказов Ирен, я как-то узнала, что Себастьян был одним из сильнейших магов Севера. Не помню уже точно, что именно с ним случилось, то ли он не поклонился, когда граф проезжал мимо, то ли что-то в таком роде. А граф в тот

день был в дурном расположении духа, и приказал устроить публичную порку. Себастьяну тогда было за шестьдесят, и он поклялся, что прервет этот поганый род. Так он сказал. В общем, через служанку, он проводил дибука в сына графа, звали его, кажется, Мишелем, а затем заставил перерезать отцу горло на глазах у сотни человек. Я не знаю, кто у него был возничим, Ирен не говорила. Хотя... Я вот сейчас подумала, что это вполне могла быть и она сама. В общем, Мишель был обезглавлен, а сыновей более у графа не было. Так что род действительно прервался.

– А где теперь Себастьян?

– Не знаю, думаю, что он уже умер. Во всяком случае, Ирен сказала, что после того трагического случая он исчез и более в тех местах его никто никогда не видел. Да и прошло уж никак не меньше двадцати лет, так что... сами понимаете.

– Интересно... Дальше...

– Дальше? Ну вот, например, в добавление к разговору о дибуках как убийцах... Вы, должно быть уже догадались, что именно Ковач убил этого безликого человечка в хранилище...

– То есть? – обомлел Альфред.

– Ну, то есть, Ирен никак не могла понять, что это какой-то странный человек делает в хранилище по ночам? Она решила, что он ищет тоже, что и мы, хотя было довольно очевидно, что это не так. Ну, она и решила его убрать. Во-первых, чтобы испытать одержателя Ковача, а во-вторых...

ну, просто на всякий случай. Она тогда заявила, что, мол, мы проделали такой путь вовсе не для того, чтобы какой-то дурак утащил у нас книгу просто так из-под носа. В добавок, она уже и сама намеревалась посетить хранилище, но тот несчастный ей явно мешал. В общем, я была против этого. Я не видела в том человеке никакой угрозы: обычный книго-чей. Зачем его убивать? Но, Ирен меня и слушать не желала, и приказала Ковачу его зарезать. Это был один из немногих случаев, когда она решила стать возничим.

– Понятно... – Альфред с трудом совладал с собой, и затем продолжил, – Любопытно. А что касательно остальных разновидностей духов? – спросил он, – Вы вроде упомянули каких-то «оборотней»?

– Ну, «оборотень» в людской молве, имеет такое же отношение к действительности, как василиск к змее-петуху. Это просто обозначение довольно редкого типа духов, который, подобно бальзаму Арнольдо де Виланова способен изменять облик человека. Разница лишь в том, что бальзам этот почти легендарный, и его из ныне живущих алхимиков, пока никто не смог получить. Кроме того, сам де Виланова, вроде бы писал, что не смог добиться желаемого портретного сходства. Оборотень же меняет внешность очень близко к тому, кого копирует. Но, тут нужно оговориться, что, как и в случае с бальзамом де Виланова, физически внешность не меняется. Меняется лишь восприятие окружающих. Деталей я не знаю, говорю вам сразу...

Да, вот еще, быть может, вам будет интересно, что соотношение количества этого вида духов к дибукам примерно такое же, как, скажем самоцветов в природе, к обычным строительным камням.

– А чем же еще они так примечательны, кроме указанной вами способности?

– Во-первых, они не агрессивны и очень редко убивают одержимого. В основном, они, как и все духи слушают возничего, но можно его приучить слушать и того, к кому они препровождены.

Вы, должно быть, догадались, что Манфред был посвящен в эту свою особенность, и сам мог изменять внешность. Нет, разумеется, я ему сказала, что эта особенность у него от природы, просто была в спящем состоянии, а теперь он по какой-то причине может ею воспользоваться. То есть, отчасти он был моим союзником. Но я, конечно, его не посвящала во все детали наших планов. Он просто помогал мне, поскольку был влюблен и был любовником.

– Да, но... – замялся Альфред.

– А, вы, очевидно, хотите спросить о его интрижке с Луиджи?

– Интрижке? – удивился Альфред и слегка кашлянул.

– Мы не знали, как провести одержателя в тело Феррано, и вот, Манфред помог нам, хоть и не знал об этом.

– То есть в какой-то момент в нем сидело уже два духа?

– Нет, не совсем. Сначала, как только он получил с мо-

ей помощью должность помощника секретаря, с ним поработала Ирен. Она провела в него «спящего дибука» – это такая очень сложная и тонкая техника, когда не маг является проводником духа, а третье лицо. Затем около недели она творила настойку из магических трав Марса и Венеры, с тем, чтобы вызвать влечение одного мужчины к другому. Когда настойка была готова, я незаметно капнула пару капель в чай Манфреду, во время одного из наших свиданий. После я попросила его капнуть эту же настойку в чай Феррано. Я убедила его в том, что это не яд, а «эликсир истины». Мол, мой муж подозревает Феррано в растрате, и хочет допросить, но для этого нужно использовать эту настойку, с тем, чтобы Феррано не смог лгать. Я также намекнула, что если Феррано действительно окажется виновным, то он – Манфред – наверняка сможет занять его место. Тот, понятно, и согласился... вот ведь, дурачек... Все остальное уже являлось вопросом времени. Ковачем занималась только Ирен, поскольку это была очень ответственная часть. Идея состояла в том, что она должна была попытаться его соблазнить и после провести в него духа.

Все получилось как нельзя лучше, и Ирен даже не понадобилось затаскивать его в постель. Она поняла, что он любитель опиума, и пару раз, когда приносила ему трубку с этим зельем, провела и одержателя.

– Он курил дома? – спросил Альфред.

– Да. По крайней мере, тогда, когда ему опиум приносила

Ирен.

– Это она его убила тогда в хранилище?

– Да, я опять-таки была против, но она считала, что Ковач вот-вот проговорится о связи с ней, а это было, по ее мнению недопустимо. Ну, отчасти она была права – вы ведь слышали, что он уже был готов назвать человека, с которым имел дело. Хотя, я до сих пор не понимаю ее. Вы бы все равно ничего не смогли доказать. Но, конечно, понервничать, возможно, и пришлось бы.

– Почему она, да и вы решили, что он вот-вот заговорит? – спросил Альфред.

– Потому что во время его допроса, я, как возничий, пыталась говорить за него, но у меня ничего не выходило. У вас руки были смазаны чем-то, что заставляло его говорить правду. Все, что я могла, это хоть как-то, и с огромным трудом, обходить «острые углы», но не более.

– Понятно, но вернемся к событиям в хранилище. Меня интересует вот что. Там ведь тоже работал некий «оборотень», который, собственно и убил этого архивариуса. Кто это был?

– Я же сказала уже: Ирен и была. У нас оставался один экземпляр, она провела его себе, поначалу с тем, чтобы следить за Йорковичем и его пассией, а после и для того, чтобы убить Ковача.

– А оборотня можно вернуть обратно туда, где вы его хранили? Ну, с тем, чтобы потом посадить кому-то еще?

– Нет. Его можно только отпустить, и после найти нового, если нужно.

– Понятно. И что было дальше?

– Дальше, это после чего? Я немного потеряла нить беседы.

– После убийства Ковача, – ответил Альфред.

– Хороший вопрос. Я не знаю точно, но с ларцом вы меня удивили, лгать не буду. Думаю, она стащила ларец из хранилища, сразу после убийства, и спрятала его у себя в комнате. Интересно, откуда она узнала, где именно он находится? Мне и раньше казалось, что она не хочет, чтобы завещание попало ко мне. Возможно, боялась моей независимости, я не знаю, честно говоря.

– Понятно. Как часто вы манипулировали Ковачем? Я имею в виду в поисках той книги.

– Сначала часто, наверное, каждый день, а после, когда все уже обыскали, то лишь изредка.

– Понятно, а что дальше?

– А дальше мы заметили, что им манипулирует кто-то еще. Мы до последнего момента были уверены, что это учитель Густав со своей пассивностью, но лишь недавно поняли, что это не так.

– Не так? И кто же это был, по-вашему?

– Как это кто? – искренне удивилась вдова и на минуту замолчала, – Ваш друг – Маркус. Я полагала, что он действовал по вашему приказу... но, если нет... Тогда я вообще, при-

знать, ничего не понимаю... Нет, учителя с этой Клавдией, мы тоже видели, но это было так... детский лепет. Ирен бы с ними расправилась в два счета, просто незачем было, они нам почти даже и не мешали...

– А откуда вы взяли, что это был Маркус и почему прежде вы уверены в этом не были?

– Да как вам сказать... – задумалась Брунхильд, – сильный маг редко оставляет следы или же показывает свое, так сказать, лицо.

– Почему «так сказать»? – уточнил Альфред.

– Потому что слова в том мире не работают. Я сказала «лицо» лишь потому, чтобы как-то обозначить ассоциацию с некоей личностью. В нашем мире такой ассоциацией является лицо, а в том... Это что-то вроде неповторимого сплетения цветных линий, форм... Я не умею это объяснить. Так вот сильный маг показывает в лучшем случае лишь тень от лица. Ирен, например, была невидима вообще. По крайней мере, ваш друг ее не заметил ни разу.

– Вот как? А что ему было нужно?

– Откуда мне знать? Но он тоже что-то искал. Правда, использовал для этого ритуальную магию. А это против нашей техники было как мушкет против мортиры. Хотя, надо отдать ему должное – он сильный противник, и пару раз мы даже были на грани раскрытия. Вот он, видимо, и решил вас использовать, чтобы нас остановить.

– Вот как? А он о вас так высоко отзывался...

– Ну, это понятно. Когда один маг, особенно сильный, дурно отзывается о другом, это – не комильфо. Ну, а во-вторых, он не хотел, чтобы вы добрались до меня и устроили этот допрос именно теперь. Я потому и удивилась, увидев вас вдвоем.

– Вы нашли свою книгу в результате?– спросил Альфред.

– Нет. Ее нет в хранилище. Это мы поняли пару недель назад.

– И где же она тогда? – удивился Альфред.

– В библиотеке вашего Маркуса. Во всяком случае, мы были в этом уверены. Больше существенных собраний книг в этом городе нет. Именно поэтому, кстати, Ирен, настояла на проводке одержателя к Иосифу, слуге Маркуса Де Ниро. Я не то, чтобы была против этой идеи, но я чувствовала, что все это плохо кончится.

– Вот как? Почему же не помешали ей?

– Скажете тоже... – Брунхильд передернула плечами, – Кто вообще мог ей помешать? Вы просто не понимаете, какой силы это был человек! Да и самоуверенности тоже...

– Ну, я вот сумел...– ответил Альфред.– Что ж... На сегодня хватит. Я вас навещу позже, видимо, завтра примерно в это же время. Если вы попытаетесь бежать, наш уговор потеряет силу. Это понятно?

– Разумеется. Да и куда мне бежать? Сами посудите...

– В общем, я откланиваюсь. Через час-два к вам явится полиция с тем, чтобы забрать тело Ирен. Им я пока о вас

ничего не скажу, так что ведите себя естественно. Через пару дней будьте готовы к отъезду. Это все. До завтра. – Альфред поклонился и направился в прихожую.

Пальто Маркуса и его шляпа отсутствовали. Пропала также и трость со стилетом, которую Альфред оставил у зеркала.

– Вот тебе раз! – подумал он, поискав трость у вешалки, и у полки с обувью, не завалилась ли, – что еще за сюрпризы нас ждут?

С тем он оделся, и решительно направился к выходу.

Глава 26

Альфред почти бегом заскочил в управление полиции, на ходу выяснив у дежурного последние новости. Да, шеф у себя, да, женщину в доме господина Де Ниро арестовали еще утром, она в камере. Нет, более никаких происшествий не было.

Альфред заскочил к шефу и также быстро и деловито объяснил, что произошло в доме вдовы бургомистра. Попросил, после того, как заберут тело, оставить у дома негласную охрану, на случай, если кто-то попытается проникнуть в дом – все может быть. В случае же, если вдова сама решит покинуть дом – проследить за ней. Если она надумает уехать из города, под любым предлогом задержать. Шеф кивнул и тотчас вызвал констеблей. Альфред поблагодарил и снова почти побежал в дом Маркуса. Дверь открыл Иосиф.

– Хозяин дома? – спросил с порога Альфред.

– Да, пришел часа два назад... Он у себя в кабинете.

– Я к нему! – двинулся, было, Альфред, даже не сняв пальто.

Иосиф преградил ему дорогу:

– Хозяин не велел его беспокоить... – старый слуга достал часы и открыл крышку. Слегка прищурившись, он взглянул на циферблат и добавил: – Извольте прийти через два с половиной часа, герр Ланге...

– Вот как? Иосиф, у меня срочное дело!... Думаю, на меня данный вам приказ не распространяется!

– Извините, герр Ланге, но вас он тоже не велел пускать! – сказал Иосиф твердо.

– Что за новости, Иосиф!?! Дело действительно очень срочное! Срочнее не бывает!

– Извините, герр Ланге, но я настоятельно прошу вас прийти через два с половиной часа!

Несмотря на напор, с каким Альфред пытался прорваться к Маркусу, Иосиф не сдвинулся ни на дюйм.

Альфред опешил. Он ждал чего угодно, но только не этого. И он ничего не мог поделать, поскольку официальных оснований для проникновения в частный дом у него не было, а составить все документы как следует по форме, и заручиться поддержкой полиции... на это уйдет куда больше, чем два с половиной часа. Арестовать хозяина сыскного агентства, по более, чем эфемерному подозрению, это совсем не то же самое, что вломиться в квартиру к школьному учителю, которого тоже еще, слава богу, что взяли с поличным.

– А Сандра дома? – Спросил Альфред.

– Никак нет! – спокойно ответил Иосиф.

– Вы могли бы передать ей записку, если она придет, раньше этих двух с половиной часов?

– Разумеется, герр Ланге! – Иосиф невозмутимо кивнул.

Альфред достал блокнот, быстро написал в нем что-то, и после, запечатав в конверт, передал Иосифу.

Тот поклонился. Альфред направился к выходу. Он уже понял, что, видимо, проиграл. Если и не всю партию, то уж точно, потерял важную стратегическую позицию. Выловив несколько, пусть и не самых мелких «пескарей», он упустил трехпудовую рыбину, вероятно хищную. Но, делать было уже – увы – нечего.

Вернувшись к себе на квартиру, он, лишь сбросив на стул пальто и шляпу, улегся на кровать, и, закинув руки за голову, стал думать, анализируя и сопоставляя все факты, которые были известны на данный момент. Правда ли то, что говорила вдова? В этом можно было бы усомниться, если бы не поведение Иосифа. Разумеется, Маркус уже где-то в пути, и ему нужно время, чтобы оторваться от погони... А что Сандра? Не была ли она с ним в сговоре? Не ясно. Может быть, – думал он, – я что-то и проглядел, но в ее поведении уж точно не было ничего подозрительного.

Кстати, если Маркус тоже был занят поисками чего-то, зачем ему понадобилось затевать это рискованное действие с магическим кругом? Он что-то хотел узнать у Клавдии или же у Феррано? Что именно? Нет, Феррано тут явно не был целью. Скорее всего, ею была Клавдия. То есть, ему она понадобилась живой? Зачем? Это знает, увы, только он один...

В дверь постучали. Альфред вскочил с кровати, и, поправив галстук и жилет, отправился открывать. На пороге стояла Сандра.

– О, это вы... Не ожидал вас увидеть так скоро... Входите,

прошу вас.

Сандра вошла, и Альфред принял ее пальто и шляпку, и затем повесил их на вешалку.

– Что случилось? – спросила она тревожно.

– Случилось много всякого, но главное... я не могу понять, что происходит с вашим дядей? Вы его видели сегодня около двух часов назад?

– Нет, я гуляла, вы ведь сказали, что я свободна?

– Конечно, я не об этом. Я просто спросил, вдруг вы были дома, или встретили его на улице?

– Нет... а что случилось? – в свою очередь спросила Сандра. Она была немного напугана.

– Пока не знаю. Но в начале допроса вдовы, он вдруг ушел, сказал, что ненадолго... Я думал, что он вернется, но он не только не вернулся, но еще и прихватил мою трость! Это мне вообще не понятно.

– Зачем ему ваша трость? – удивилась Сандра.

– Вот и я задаю тот же вопрос... – ответил Альфред.

– Я боюсь, Альфред. Тут что-то не так...

– Не так... – повторил Альфред, – определенно не так...

– Вы знаете, что делать?

– Я-то знаю, но Иосиф не пускает меня в дом, а прибегнуть к силе я бы не хотел, понимаете?

– Иосиф вас не пускает? Что за ерунда?!

– Именно! Но, увя, это так ... я бы иначе не посмел пригласить вас к себе.

– Так что же делать? – спросила Сандра и уселась за стол.

– Я не знаю пока... Пытаюсь понять где я просчитался.

Первая ошибка была в том, что вокруг хранилища работали три группы. Вернее, две и ваш дядя. При этом каждый из них искал что-то свое. Интересно, что при этом все полагали, что остальные ищут то же самое, либо пытаются помешать их поискам. Отсюда и куча трупов, оставленных, главным образом вдовой и Ирен.

– Ирен? – переспросила Сандра.

– Да. Это прислуга вдовы. Она мертва.

– Мертва? – изумилась Сандра и прикрыла рот ладонью.

– Именно, – ответил Альфред, – очевидно, это я убил ее вчера прошлой ночью, посредством аккадской формулы, что, возможно, к слову, спасло жизнь не только Иосифу, но и нам с вами тоже.

– Вы ее убили? О, господи...

– Ну что ж тут поделывать? Вы сами были всему свидетельницей. И вы видели, что творилось с Иосифом.

– Да, конечно... А чего они хотели?

– Им нужна была одна книга из библиотеки Маркуса. Не знаю точно, какая именно, но полагаю, что та самая «без титульного листа», которую он мне так и не показал.

– Книга? Что за книга?

– Думаю, что это древний трактат о способах подселения и извлечения одержателей так, чтобы одержимый не погибал. У них ведь умирали чуть не семеро из десяти одержимых,

что лишало смысла весь этот процесс. Сами понимаете...

– А откуда эта книга у дяди? – Сандра казалась сильно подавленной.

– Это я и хотел бы у него спросить, но, время пока не пришло... – Альфред взглянул на часы и затем констатировал, – мне это, возможно, удастся только через час с четвертью... Думаю, что вам лучше пока остаться здесь. Как только я выясню, что к чему, я приду сюда, и затем вы сможете вернуться в дом дяди.

– Что ж, хорошо, – ответила Сандра, – я буду ждать ...

– Принести вам чаю? – спросил Альфред.

– Нет, благодарю вас. Какой тут чай... – ответила Сандра мрачно, а затем встала и подошла к окну.

Было еще светло, но солнце уже клонилось к закату. Альфред подошел к дому Маркуса и постучал в дверь. Иосиф открыл, как ни в чем не бывало. Альфред подал ему пальто и шляпу.

– Хозяин из кабинета не выходил, но время вышло, так что, я думаю, вы можете к нему подняться. Мне доложить о вас?

– Не стоит, благодарю.– Ответил Альфред сухо, и направился в кабинет на втором этаже.

Он постучал, но никто не ответил. Тогда он тихо вошел, повернув ручку двери. В комнате было пусто. На полу был нарисован круг, и внутри была изображена печать Азраэля.

Альфред обошел комнату и не обнаружил ничего необычного: камин догорал, беспорядка нигде не наблюдалось, но... Оглядев комнату еще раз, он вдруг увидел на чисто убранном столе свою трость и рядом с ней еще несколько предметов. Не торопясь, Альфред подошел поближе. Трость прижимала к столу три или четыре листа почтовой бумаги, исписанных совсем недавно. Рядом стоял недопитый бокал с шерри, чуть в стороне лежал тот самый пентакль, который Маркус взял накануне, чтобы очистить, и ближе к краю стола, между бокалом и тростью, лежала указка черного дерева, которой Маркус обычно водил по строкам, читая особенно ценные или же ветхие книги, дабы не засаливать пальцами страницы. Альфред поднял трость и, взяв в руки листки, стал читать их один за другим:

– Дорогой друг,

Простите меня, если сможете, но уверяю, я действительно полюбил вас, как лучшего друга своей жизни, и если бы не обстоятельства, о которых пойдет речь ниже, я бы и сам вам все рассказал в свое время. Причиной тому, что я этого не сделал, был обычный страх. Страх потерять ваше доверие и расположение. Я очень боялся, что вы меня не поймете, а рисковать я никак не мог. Простите еще раз.

Теперь я вам расскажу все, а дальше вы уж сами судите, был ли я прав или же нет. Склоняю голову перед вашим решением. Итак, все началось задолго до вашего приезда. В одной из больших библиотек Парижа я наткнулся в каталоге

на странный гримуар⁴⁸ под названием «Пикатрикс». Ознакомившись с ним, я понял, что передо мной французское издание арабского трактата "Гайят Аль-Хаким" одиннадцатого века. По большей части, там были описаны всевозможные приемы и ритуалы магии соития, о которой вы уже знаете. Сам по себе трактат оказался бы мне полностью бесполезен, если бы не упомянутая там вскользь «Книга Азраила». В трактате, среди прочего говорилось, что «Книга Азраила» – это вроде как «книга книг» в магии, ибо написана самим падшим ангелом, и что в этой связи она сама по себе обладает огромной силой. Мне было любопытно, и я стал искать ее или упоминания о ней, где только мог, но находил лишь не очень конкретные ссылки, как и в «Пикатриксе». Тем не менее, я понял главное. Эта книга, предположительно написана самим Азраилом (Азраэлем), и передана некоему не то вавилонскому, не то даже шумерскому магу. Коекто предполагал, что в книге содержится тайный язык, на котором можно написать письмо самому ангелу смерти, и если Азраил снизойдет, маг, подавший данное прошение становится его правой рукой во многих мирах. При этом свойство этого языка таково, что его «слышит» лишь сам Азраил и некоторые ангелы, находящиеся под его патронажем. Даже сам Всевышний не слышит этих переговоров. Ну, а если

⁴⁸ **Гримуа́р**, (фр. *grimoire*) – книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержащая какие-либо колдовские рецепты.

и слышит, то по каким-то своим соображениям не препятствует им. Вот я и подумал, а что если я стану правой рукой тьмы, я – Маркус де Ниро, итальянский дворянин из обедневшего исчезающего рода! Быть может тогда, по возможности смягчая гнев Азраила, я смогу уменьшить то количество зла, которое творится на земле?

И потом, я часто задумывался: «А что дальше, там за смертью?» Ад меня немного страшит. Немного, ибо описывают его слишком уж по-человечески, а пути господни неисповедимы! С другой стороны, рай меня не прельщает. Безделье, пусть и при полном блаженстве, меня, увы, скорее лишь удручает. Это, видимо, идеал крестьян, и вообще тех, кто ничего кроме адского труда в своей жизни не видел. Нет, меня интересует нечто большее. Что-то такое, где бы я и дальше мог бы работать, пусть это будут не металлы или растения, а, скажем, божественные силы или стихии...

Не знаю, насколько я был прав, быть может даже во мне говорила гордыня, но я загорелся этой идеей. Вскоре я понял, что «Книга Азраила» может находиться только в Марионвиле в секретном хранилище. Просто потому, что это – одна из наиболее опасных книг на земле, и если бы она не лежала в хранилище Марионвиля, уже давно бы себя проявила в виде череды странных смертей, катастроф или тому подобного. В общем, я переехал в этот город десять лет назад и стал искать способы проникнуть туда. Пару раз, переходя в астральный мир, я даже находил ее. Это, понятно,

мало что давало, кроме, разумеется, уверенности, что я на верном пути. Тогда я стал искать способы физического проникновения.

Спустя пять лет, наш бургомистр женился и привез молодую жену. И почти сразу же, я стал чувствовать, что рядом со мной в моих поисках присутствует кто-то еще. Я не верил, что это была Брунхильд, слишком она была молода, чтобы обладать такой мощью, но я также не мог поверить и в совпадение, я имею в виду ее приезд и то, что я начал ощущать чье-то присутствие. Нет, это не было слезкой. Это как если бы вы вдруг посреди ночи почувствовали, что в вашей кровати спит кто-то еще, но не могли бы при этом повернуться, дабы рассмотреть пришельца или, тем более – дотронуться до него.

В общем, время шло, я снова время от времени выходил в астральный мир, дабы убедиться, что книга на месте, когда вдруг, несколько месяцев назад, обнаружил, что она исчезла! Как я ни пытался ее отыскать снова – все было тщетно. И я в отчаянии решил, что кто-то ее, видимо, украл. Я тогда и подумал, что это дело рук Брунхильд или же ее сообщника. Я пытался отыскать книгу другими способами, используя самые разные методы: астрологию вопроса⁴⁹, Таро и все прочее, что хоть как-то годилось для моих поисков. Но,

⁴⁹ **Астрология вопроса** или хорарная астрология (ХА) – раздел астрологии, занимающийся поиском ответа на заданный вопрос. Предметом анализа в ХА является *хорарный гороскоп*, то есть гороскоп, составленный на момент постановки вопроса астрологу и относительно места, где задан вопрос.

увы, ответ всякий раз был один и тот же. Кстати, в раскладах Таро, например, почти всегда появлялись Король Посохов, Смерть и Рыцарь Мечей. Были и другие, но всякий раз в раскладе присутствовала одна из этих карт. Мне стало понятно, что развязка была возможна лишь после появления в моей жизни некоего «рыцаря мечей» и чьей-то смерти. Честно говоря, познакомившись с вами, я довольно скоро понял, что этим «рыцарем мечей» были именно вы, мой друг, и что смерть бургомистра («короля жезлов») – это и есть то событие, на которое намекала карта «Смерть». И действительно, с вашим приездом изменилось очень многое, и многое в моем сознании встало на свои места.

Далее вы видели все сами, ибо я не вел двойную жизнь, и был с вами полностью откровенен, хотя, конечно, и скрывал то, что помогая вам, я также искал и способы достижения своих целей. Так все шло само собой, пока мы не столкнулись с проблемой Клавдии и Феррано. Я подумал, что не лишне было бы воспользоваться случаем и проверить, причастны ли к пропаже книги эти люди? В конце концов, Феррано был одним из немногих, кто имел доступ в хранилище, и более того – он был застигнут с поличным за весьма странным занятием. Чем интересовалась и что искала Клавдия – это тоже был для меня вопрос неспроста. В общем, тогда я и предложил провести ритуал с магическим кругом. И снова скажу, что я был искренен с вами. Если бы мы провели ритуал с кругом хоть на день позже, все могло бы быть иначе. А

так у вас, мой друг, есть живой и весьма важный свидетель, и вы можете дальше двигаться в своем расследовании. Кстати, спасибо вам за Иосифа! Вот уж не ожидал, что Брунхильд пойдет на такую подлость! Но, вернусь к своему повествованию.

Далее, как вы и просили, речь пойдет о том, что происходило в круге. Собственно, я мало что могу рассказать, кроме того, что уже рассказал вам по дороге к дому вдовы, ибо то, что происходило, не имело никакого названия в нашем мире. Цвета, каких нет на нашей земле, странные фигуры, которые невозможно описать. Например, можно ли себе представить шар, который находится вне самого себя? А там это выглядело вполне естественно. Должен отметить также, что я не ожидал столь мощного эффекта от этой магии. Прежде, мне доводилось проводить подобные ритуалы, но все же, не настолько сложные и передо мной никогда не стояли столь ответственные задачи.

Все началось (снова – неподходящее слово, поскольку там нет времени, или же оно совсем другое, не такое, как в нашем мире) с того, что в какой-то момент я увидел сияние. Но и оно было крайне необычным. Оно было черным! Я не знаю, как это объяснить, ведь черное сиять в нашем мире не может, но в том мире, возможно, видимо, и не такое. Так или иначе, но я понял, что передо мной сам Азраэль! Его голос заполнял собой все, как, бывает, сильный гром заполняет все небо. Я почти не понимал его, но потом просто как бы пре-

клонил колени и опустил голову. И тогда стало яснее. Что именно он говорил я, думаю, что не сумею вам передать, это также невозможно, как пересказать симфонию. Это можно лишь понять всем своим существом. Но, в двух словах, мне стало ясно, что он хотел бы видеть меня при себе, и для этого ставит на мне свое клеймо. Это не было больно, но, как я и сказал вам, я чувствовал его всем своим телом и душой даже после того, как очнулся. Это были какие-то странные знаки, каких я прежде не видел. Нечто очень-очень странное. Я поднял голову и спросил, могу ли я обратиться с просьбой? И в следующий момент, я даже не успел закончить этот свой вопрос, пришло ощущение или даже уверенность, что – да – могу. Я попросил вернуть душу Клавдии, оставшуюся внутри Феррано. Азраил, похоже, улыбнулся. Нет, не подумайте, я по-прежнему видел лишь черное сияние, но внутри меня появилось приятное чувство, какое бывает, когда вам улыбается ваш друг или же прелестная девушка. И я понял, что Анаэль уже давно все сделал, и что я могу возвращаться.

Это все, что я мог бы выразить словами, относительно моих впечатлений в круге. Далее настало утро, и вы позвали меня на допрос к вдове. Там, как вы и велели, я стал заниматься поисками завещания и вообще всего подозрительно-го. С тем я спустился в подвал, где была мастерская покойного бургомистра. Помните, я рассказывал вам, что он мастерски реставрировал книги. Так вот, «Книга Азраила» была там, в его мастерской, среди других книг. Я сразу ее узнал

по знакам, которыми меня клеймил Азраил. Они были на корешке книги. Я взял ее в руки, и она меня словно обожгла, и я далее уже словно бы впал в прострацию. Теперь уже единственным моим страстным желанием было вернуться поскорее домой, провести ритуал и уйти к Азраилу навсегда. Я еле удержался, чтобы не сделать это сразу, но когда убедился, что опасность вам не грозит, я все же ускользнул, прихватив вашу трость. При помощи нее (это был великолепный симпатический агент) я попытался понять вас, понять, что вам известно, и что вам расскажет обо мне вдова. Я был рад отметить, что вы были со мной полностью искренни, и что вдова не пыталась меня оболгать, дабы спастись. Ах да, чуть не забыл! Вы, верно, хотели бы знать, что было в том конверте, оставленном бургомистром? Я оставляю его вам, он лежит в левом верхнем ящике стола. Думаю, вам эти записки покажутся не безынтересными. Прочтя их, мое отношение к Ирен и особенно к Брунхильд совершенно и окончательно изменилось. Думаю, оно изменится и у вас. И более того, эти записки полностью убедили меня в правильности моего решения. Скажу лишь, что Ирен погибла только в этом мире, но она вполне может вернуться, если только ей не воспрепятствовать.

А теперь мне пора, простите меня, мой друг если сможете.
Искренне ваш – Маркус де Ниро

Прочитав письмо, Альфред почувствовал, что у него кру-

жится голова, и он присел в кресло Маркуса. Он впервые в жизни захотел поплакать, но, увы, так и не научился этому за всю жизнь. Затем он встал и, прихватив трость, ушел к себе. Сандра ждала его, а когда увидела, лишь вскрикнула:

– Что с вами?! Вас словно из петли вынули! Что-то с дядей?

Альфред молча протянул ей письмо, и сел на стул, не снимая пальто. Сандра читала и менялась в лице. Затем по ее лицу потекли слезы.

– Что же теперь делать? – всхлипывая, спросила она.

– Я не знаю, – ответил Альфред честно, – но я хочу поскорее закрыть это дело и уехать отсюда подальше.

– Вы возьмете меня с собой?

– Конечно. Я напишу все рекомендации, и вас возьмут на службу. Все будет хорошо.

– Но, я не об этом... – низким голосом сказала Сандра.

– Да, конечно, я все время как бы на службе... Конечно, я возьму вас с собой. Но теперь, я думаю, вам стоит вернуться в дом дяди. Не стоит давать лишних поводов для кривотолков тем, кто только этим и живет.

– Да, конечно, – сказала Сандра и стала одеваться.

Альфред проводил ее, а затем, посидев немного за столом, встал и ушел в «Золотое колесо», где заказал Кривому Ласло большую рюмку коньяку.

Вернулся он, когда уже было довольно поздно, и решил тотчас улечься спать. Однако, раздеваясь, он увидел на столе конверт – записки бургомистра – оставленные Маркусом. Сделав огонь в лампе несколько ярче и, достав большую лупу, он выложил содержимое конверта на стол. Это были листки довольно дешевой почтовой бумаги сероватого цвета и небольшого размера, исписанные, очевидно, остро заточенным карандашом. Альфред нашел первый из них, и принялся за чтение.

Дорогой, господин де Ниро!

Я избрал вас в качестве душеприказчика по нескольким причинам. Во-первых, конечно же, все наши прошлые деловые отношения показали, что вы являетесь человеком весьма честным, достойным и глубоко порядочным, заслуживающим самого высокого доверия. Но эта причина не единственная. Насколько мне удалось вас узнать, вы – один из немногих, кто способен понять то, о чем пойдет речь ниже. Другими словами, мне известно, что вы – маг очень высокого уровня, а потому мне будет значительно проще объяснить именно вам суть дела.

Итак, скажу, что, будучи библиофилом, я часто брал книги из известного вам специального хранилища. Строго говоря, это было, конечно, не положено, но в случае обнаружения подобного нарушения, у меня всегда было оправдание, что книжный фонд данной библиотеки находится, увы, в плачевном состоянии, и при этом почти невозможно найти

мастера по реставрации книг с высоким уровнем допуска, и тем более, за разумную плату. Именно поэтому, я якобы и брался за переплетные и прочие восстановительные работы.

На самом же деле, конечно, я по большей части предавался изучению некоторых наук, близких к магии и алхимии. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что исконным магом я не являюсь, да и не стану им никогда, ибо в моей натальной карте, увы, нет ни одной из «печатей мага», в отличие от вас, к слову, ибо у вас их целых четыре! Но не в этом дело.

Вы наверняка знаете, уважаемый господин де Ниро, что все эти рассказы попов о вечной жизни – лишь сказки для простаков и смертельно уставших от жизни людей. В подавляющем большинстве случаев, человек умирает раз и навсегда и душа его исчезает, как исчезает свет после захода солнца. Исключение составляют лишь некоторые маги. Я имею в виду тех, кто сумел уйти в какой-то из миров, где жизнь действительно вечна, ну, или почти вечна. Попасть туда очень непросто, разумеется, но я обнаружил, проводя дальнейшие исследования, что в эти миры могут, при должном старании, попасть и люди, не одаренные «печатью мага». Безусловно, им это сделать куда труднее, и берет значительно больше времени, но, как я уже знал – это возможно. И я встал на этот путь. Я понял, что первым шагом к моей цели является полнейшая аскеза, коей я и придерживался неукоснительно, и о чем вы, наверняка наслышаны, ибо никто не может быть избавлен от городских сплетен.

Затем, спустя какое-то время, которое понадобилось на подготовку и осмысление дальнейших шагов, я, собственно, начал, мое движение. Первый этап состоял в том, что мне было нужно собрать небезызвестные вам двадцать два символа, двигаясь от конца к началу, и инициировать их в определенных местах. Некоторые из них давались мне легко. Например, вы, наверняка помните, взрыв часовни на краю города несколько лет назад? Да, теперь я могу вам признаться, что это я, таким образом, при помощи пороха создавал шестнадцатый символ – «Башня». Да простит меня Творец, за эти мои поступки!

Время шло, и, продвигаясь все дальше, мне, наконец, понадобилось инициировать последние четыре символа, и вот это оказалось сложнее, чем вся моя предыдущая работа. Дело в том, что с четвертым символом «Император», я еще имел какие-то идеи относительно дальнейших действий, но вот что затем... Затем шли два женских символа подряд. А я ведь вообще сторонился женщин из-за своей хромоты, а тут нужно было не просто войти в некие отношения, но и провести важный ритуал. Однако судьба улыбнулась мне, во всяком случае, мне так показалось тогда. Я довольно случайно встретил нужную мне женщину в одной из своих деловых поездок. Я сразу почувствовал в ней какую-то силу и глубину, какую редко встретишь в наше время. Это были интересные отношения, но при этом я не забывал и о своей аскезе. В конце концов, я подумал, что это тот человек, которому

можно рассказать все. Вы верно догадались, что этой женщиной была Ирен, которая нынче является прислугой моей жены, но не буду забегать вперед.

В общем, я рассказал Ирен о своей идее и о том, что застопорился уже почти в самом конце пути. Она выслушала меня с интересом и затем спросила, мол, если даже она и поможет мне с третьей символом – «Императрица», как быть тогда со вторым? Ведь это тоже женский символ, да к тому же между «Императрицей» и «Жрицей» разница невелика, как между растущей и падающей луной. И это была правда: что делать со вторым символом, я тоже не знал. В общем, я был сильно опечален тогда, но Ирен сказала, что у нее есть идея. Она сообщила, что для того, чтобы инициировать третий символ, я должен жениться! Нет, не на ней, конечно же. Но на ее ученице. Она очень хорошо подходит для подобной инициации. Она молода и привлекательна, а безбедная праздная жизнь как раз таки вполне может явиться инициацией «Императрицы», кроме того, конечно, нужно будет провести соответствующий ритуал. Я нашел это предложение интересным. Более того, согласившись на этот шаг, я, вероятно, мог бы также реализовать и второй символ! Ирен, как мне казалось, идеально подходила на роль «Жрицы». А тогда я, практически, был уже у самого финала, ибо теперь оставался только последний символ – «Маг», и тут я уже должен был бы инициировать себя самого, посредством последнего ритуала. В общем, я согласился, но это мало что дало:

родители Брунхильд, точнее, в основном – ее отец, были против моего предложения о браке. Он считал, что отсутствие у меня титула делает наш союз невозможным. Я, уже было, полностью отчаявшись, взял все свои бумаги, касающиеся моей военной биографии и, не особенно надеясь на успех, поехал просить аудиенции у самого курфюрста! Но, каково же было мое удивление, когда он меня не только согласился принять, но, представьте, мне пришлось ожидать аудиенции всего два дня! В то время как прочие просители томились в ожидании, порой, месяцами! Я сразу понял, что это важный знак, и что я на верном пути. Я тогда, признаться не сразу понял, что инициировал тем самым четвертый символ – «Император»! Мне это стало ясно уже после аудиенции, когда я возвращался с драгоценным для меня письмом курфюрста, позволяющим мне этот брак. Более того, курфюрст решил, что учитывая мои военные заслуги, я могу претендовать на титул барона! В общем, четвертый символ был реализован, но в этом, отчасти была и моя ошибка. Я не подумал тогда, что все эти мои действия были направлены по большей части на меня самого, и потому, я-то как раз и инициирован, видимо, как символ «Император», и что теперь, возможно, первый и самый главный символ для меня будет закрыт. Но, я, впрочем, и теперь ни в чем не уверен, хотя это уже и не важно, учитывая все дальнейшие события.

Прошло несколько месяцев, и я получил письмо от Ирен, где сообщалось, что родители Брунхильд скоропостижно

скончались, и что я теперь могу просить руки у самой Брунхильд, и что она, скорее всего, мне не откажет. Так все и случилось, и спустя небольшое время, Брунхильд и Ирен переехали ко мне в дом. Мне показалось странным, что жена прихватила с собой довольно странное кресло. Оно как бы состояло из двух ярусов, при этом верхний ярус был немного смещен назад относительно нижнего. Это был очень странный предмет, словно бы сектор, выпиленный из какого-то амфитеатра. Я таких прежде не видел, и предложил его продать еще тогда, когда давал распоряжения относительно распродажи всех ненужных вещей. Но жена в тот момент ничего не сказала, а после заявила, что это кресло дорого ей как память о матери. В общем, я спорить не стал. Однако с приездом в дом жены и Ирен стали происходить странные вещи. Например, некоторые предметы безвозвратно пропадали, а какие-то, каких прежде никогда не было, вдруг появлялись. Я, например, точно знаю, что ни в моем доме прежде, ни в доме Брунхильд никогда не было барометра, вставленного в удивительно красивую ветвистую рамку красного дерева с инкрустацией слоновой костью. Он появился вдруг, но этому предшествовало одно не менее странное событие. Время было позднее, и я решил прийти пожелать жене спокойной ночи. Я постучал, но никто мне не ответил. Тогда я приоткрыл дверь и тотчас отпрянул от неожиданности. Зрелище, которое я застал, было и вправду весьма необычным, посудите сами. Кресло, о котором я уже говорил, стояло в спаль-

не моей жены. На верхнем ярусе сидела сама Брунхильд, а на нижнем – Ирен. При этом, обе были наги и с распущенными волосами. Босые ноги моей жены опирались на плечи Ирен. У обеих были широко открыты глаза, и обе явно не видели ничего, что творилось вокруг. Меня они, во всяком случае, точно не заметили. Я поспешно закрыл дверь и ушел к себе. Не скажу, что я был напуган, но весьма взволнован – это уж точно, если не потрясен! Я решил не спрашивать у жены, что все это значило. Я понимал, что это явно что-то такое, что лишь заставит ее лгать, а потому решил проследить, что будет дальше. Правда, я спросил у Брунхильд, откуда взялся тот барометр, но она лишь улыбнулась, и сказала, что купила его не так давно в лавке какого-то антиквара. Это безусловно тоже было ложью, поскольку последнюю неделю она вообще не выходила из дома, а барометр появился на утро после того события.

В общем, я стал за ними следить, и обнаружил, что все это происходило довольно часто, и как я уже говорил, иногда при этом появлялись или же исчезали какие-то предметы, но я не понимал главного – что все это значит, и опасно ли это?

И вот как-то один раз, Ирен подошла ко мне, и со странной улыбкой осведомилась, не желаю ли я чего-нибудь? При этом она коснулась моего плеча. Мне показалось это фамильярностью, и я уже хотел было об этом заявить, как вдруг упал в обморок! Со мной никогда такого не было, поверьте. Да и с чего бы? В те дни не было жарко, была вообще ран-

няя весна. Я себя чувствовал очень хорошо, в общем, причин для обморока уж точно не было никаких. А затем стало происходить нечто еще более странное: я стал иногда впадать некую протрацию, и при этом видеть один и тот же сон, будто я брожу по тому самому хранилищу книг, о котором я уже вам говорил. С тех пор здоровье мое стало ухудшаться, и я уже не знаю, смогу ли инициировать последний символ. Это можно сделать только в день зимнего или летнего солнцестояния. Летнее я пропустил из-за внезапной и не менее странной болезни, чем тот мой обморок, а до зимнего солнцестояния еще довольно долго ждать... В общем, если вы читает эти записки, то сами понимаете, что инициировать последний символ, я так и не сумел.

В общем, прощайте господин де Ниро, и прошу вас сделать все, что следует по моему завещанию. Возможно, также стоит предпринять какие-то шаги в отношении Ирен и моей жены, ибо тут явно что-то нечисто, но это я оставляю на ваше усмотрение.

Искренне Ваш,
Генрих фон Кляйне.

Альфред отложил письмо и задумался. Письмо многое дополняло и объясняло, но что-то было тут и странное тоже. Он попытался понять, что именно его беспокоит, но это никак не удавалось. Тогда он стал идти по порядку, от события к событию, начиная с допроса вдовы. Собственно, там было

много странного и неожиданного, но все это укладывалось в некую, пусть и довольно омерзительную, но, все же – логику. Единственное, что из этой логики выклинивалось, это – странное бегство Маркуса, и при этом похищение им стилета.

– Нет, – подумал Альфред. – Тут что-то не так. Что-то заставило его так поступить. Это не прихоть и не каприз. Да, он, конечно, не хотел очной ставки с Брунхильд, но не думаю, что он так уж этого боялся. Понятно, что я скорее поверил бы ему, чем вдове. Что еще? Что-то, видимо, сложилось в его голове, какая-то мозаика. Скорее всего, он, пролистав «Книгу Азраила», понял, что ритуал можно провести в какое-то очень особенное время, и этот час вот-вот наступит. Что особенного было в том времени? Впрочем, это вряд ли удастся понять, без той книги. Это может быть соединение Солнца или какой-то планеты с какой-нибудь звездой, вроде Альфарда⁵⁰, какое-то особое взаиморасположение планет, в общем – что угодно. Но то, что он сильно спешил, это, я думаю, очевидно. Так, затем он прихватывает стилет и убегает домой. Ему нужно около трех часов, чтобы провести этот ритуал, и он уходит... Затем прихожу я, и обнаруживаю свою трость, бумаги, что там было еще? На столе кроме бумаг стоял бокал, валялся давешний пентакль и его деревянная резная указка... вроде, больше ничего... Стоп, стоп... Да ведь это же как раз четыре необходимых предмета, для инициа-

⁵⁰ Альфард – звезда альфа в созвездии Гидры.

ции символа «Маг»! Как я сразу этого не заметил! Ну да! Бокал – это «кубки», указка – «жезлы», пентакль – «динарии» и ему не хватало только «мечей»⁵¹! Вот он и прихватил мой стилет, тем более что, по его мнению, я в этой истории был как раз «рыцарем мечей»! Я думаю, что он не мог взять для ритуала, в качестве символа мечей какой-то из ножей, что были в доме, они, очевидно, не годились, поскольку нож не должен был бы быть прежде в «кухонном» или охотничьем употреблении. Так что же это получается? Бургомистр прошел весь этот труднейший путь лишь затем, чтобы Маркус в конце концов, смог сделать за него последний шаг? Так кто вообще кем управлял во всей этой истории?

Он сел на кровати и охватил голову руками. Посидев так несколько минут, он затем встал, и, вынув свой чемодан из шкафа, достал оттуда припрятанную на всякий случай фляжку с бренди.

Утром наспех позавтракав, Альфред пошел навестить вдову. Настроение было хуже некуда. Он был очень зол на весь белый свет, но, главным образом, все-таки – на себя и на свою близорукость. Хотя, Альфред уже в сотый раз спрашивал себя, что можно было сделать и где была допущена ошибка, он так и не находил ответа, как ни старался снова и

⁵¹ «Кубки», «Жезлы», «Динарии» и «Мечи» – четыре масти карт младших арканов Таро. «Маг» – первая карта старших арканов. На ней изображен человек, у которого на столе лежат четыре предмета, символизирующие масти младших арканов.

снова припомнить все детали этого странного дела.

Двое переодетых филеров, как и было договорено заранее, дежурили неподалеку. Один сидел на лавочке и читал утреннюю газету, а другой шагах в пятидесяти крошил хлеб голубям.

Альфред подошел к нему и, не поворачиваясь, спросил:

– Никто не приходил?

– Никто, – также, не оборачиваясь, ответил тихо филер.

Альфред зашел на крыльцо дома вдовы, и второй филер тотчас отложив газету, сунул руку в боковой карман. Альфред подал условный знак: снял шляпу и отряхнул ее левой рукой в желтой лайковой перчатке. Филер тотчас опустил глаза, и снова взял газету, углубившись в чтение.

Альфред постучал в дверь. Прошла минута или две, но никто так и не пришел открыть. Тогда он нажал на ручку двери, и она отворилась сама собой. Щелкнув кнопкой стилета, он вбежал в дом. Второпях обойдя все комнаты, он убедился, что труп Ирен уже забрали, а вдова при этом исчезла, во всяком случае, он ее нигде не обнаружил. Тогда он снова прошелся по всем комнатам, уже не спеша, и заглядывая даже в ваннные комнаты. Теперь Альфред обращал внимание даже на мельчайшие детали. Все вещи в гардеробных комнатах как будто были на месте. А вот и тот самый барометр, упомянутый бургомистром, только он почему-то теперь висит не на первом, а на втором этаже... На месте также оказалась и шкатулка с драгоценностями. Обувь тоже как буд-

то была вся расставлена по своим местам, и очевидной недостачи не наблюдалось, если только у вдовы не было в запасе еще сколько-то пар, спрятанных в других шкафах. Затем он вернулся в гостиную и увидел на столе листок бумаги, который прежде, пробегая по дому, не заметил. Взяв его в руки, он стал читать:

Дорогой Альфред!

Простите, что несколько спутала ваши планы, но, согласитесь, отправиться в ваше учреждение под конвоем и подвергнуться всем этим вашим процедурам, было бы с моей стороны просто нелепо, да, в общем-то, и недостойно мага. И хоть мне все еще далеко до мастерства Ирен, но все-таки, я уже и не просто человек. Не скрою, вы мне очень понравились, и именно поэтому я и пишу вам это прощальное письмо. В самом деле, вы были настоящий джентльмен, умный и очень достойный противник. Не скрою, не будь вы столь щепетильны, я бы попробовала вас так же узнать поближе и с некоторых других сторон, но, увы, нам было отведено слишком мало времени. Теперь же его и вовсе не осталось. Здесь, в этом городе, да и в этом мире в целом, мне более делать нечего. Кто знает, быть может, в других мирах мы еще когда-нибудь встретимся. Во всяком случае, я буду вас там искать. Хотела бы также передать привет вашему другу Маркусу, но и это, к сожалению, невозможно. Насколько я поняла, он решил уйти на службу к Азраэлю, воспользовавшись «тропой», проторенной моим покойным мужем. Вы не нахо-

дите, как все это странно и в тоже время удивительно точно получилось? Воистину, чудны дела Господни. Но, тем не менее, это значит, что мы более не увидимся с ним никогда. Во всяком случае, мне нужно будет внимательно следить, чтобы этого не произошло.

Всего вам доброго! Возьмите от этой жизни все!

Искренне Ваша, Брунхильд.

П.С.

Честно говоря, я не думаю, что у ваших отношений с помощницей есть будущее. Да, я знаю, что пока еще между вами ничего нет. Но, скоро будет, поверьте мне. Однако, вы – слишком разные люди, а потому ваши пути неизбежно разойдутся. Впрочем, вам пока не стоит об этом думать. Она – замечательная девушка. Будьте любезны, поднимитесь ко мне в комнату. Там, на зеркальном столике лежит золотая коробочка, размером с монету в два талера. На крышке – серебряная ящерица. Эта мазь пригодится вашей возлюбленной, когда придет время, и ей пора будет выйти замуж. Вам не стоит ей ничего объяснять. Просто отдайте, и скажите, что это подарок от меня, и попросите, чтобы она ее не продавала и не дарила никому. А когда будет нужно, я сама ей все объясню. Во сне или еще как-нибудь. Без моей помощи она все равно ее открыть не сумеет.

На сей раз – это все, будьте счастливы!

Эпилог

В общем-то, так вся эта история и закончилась. Я вернулся к себе в Министерство, где написал подробнейшим образом обо всем случившемся. Я думал, что получу от начальства большой нагоняй, но этого не произошло, и вскоре я даже получил повышение. Брунхильд оказалась права: вскоре у нас Сандрой возникла некоторая привязанность, а потом и страсть. Впрочем, как это часто и бывает, первая страсть довольно скоро угасла и мы стали встречаться все реже, а спустя какое-то время и вовсе, как говорится: «решили остаться друзьями». Я, естественно, представил в самом лучшем свете ее работу в Марионвиле, и также дал все необходимые рекомендации. Таким образом, Сандра довольно скоро была принята на службу. Правда, она получила не ту должность, что хотела, а стала секретарем у старшего дознавателя Эриха фон Крюге, моего давнего приятеля еще с университета. Спустя два года Сандра оставила Министерство и вышла замуж за Эриха. Сейчас, говорят, у них четверо детей. Я же был переведен в другой город, а затем – снова и снова: такова уж моя служба. В Марионвиле я больше не появлялся: не было дел с ним связанных, а чувств, которые могли бы у меня там возникнуть, я, признаться, даже побаивался.

Книга Азраила теперь, говорят, хранится в каком-то сверхсекретном и сверх охраняемом хранилище, я уж и не

знаю, где именно, да, если честно – и не хочу знать.

И лишь последнее письмо Маркуса, я по-прежнему храню в шкатулке на каминной полке. Иногда перечитываю его и все думаю: «Где же он теперь? В каких мирах? Какую незаметную он себе выбрал участь, мой, в сущности, единственный друг... И кто бы еще из нас нашел бы в себе мужество стать правой рукой тьмы, лишь ради того, чтобы попытаться уменьшить количество зла на земле?»

Приложение 1

Способ получения растительного фантома по Парацельсу и Э.Келли

Во-первых, следует отметить, что растение, из которого необходимо извлечь фантом, не следует измельчать вплоть до начала процесса. Из поломанного растения фантом очень быстро уходит, и извлечь его уже невозможно. Итак, что нужно, чтобы извлечь фантом?

Сначала следует активизировать плоть растения, ибо она, как и все вещества вокруг, находится в спокойном или стабильном состоянии. Далее следует приготовить летучую соль из того растения, фантом которого ты желал бы извлечь. Для этого растение, собранное с цветами, корнями и листьями, и при этом, как говорилось – не измельченное, следует сжечь до состояния белой золы, а затем, растворив в дистиллированной воде, извлечь ту самую соль, о которой я уже упомянул, посредством двойной возгонки.

Вместе с солью следует сделать спирт из той же травы, для чего ее следует подвергнуть ферментации в майской росе, а затем спирт, образовавшийся в результате этого действия, отогнать.

Некоторые мастера советуют для ускорения результатов приготовить также висмутовой руды, которая не была ни разу в печи, и довести ее до состояния "мертвой головы".

Далее смешивают соль со спиртом, а затем до половины полученного объема добавляют золы растения и столько же выше означенной висмутовой руды. Однако, зная, что висмут подчинен силам Сатурна, его можно заменить свинцом, также приведенным к состоянию "мертвой головы".

Колба, куда все это налито, должна быть не широкой и не узкой, легко закрываться и запечатываться. Далее, эта колба должна быть поставлена в конский навоз, где будет находиться до двух месяцев. Навоз следует менять примерно раз в полмесяца, чтобы не сбавлялась температура внутреннего раствора. По прошествии этого времени колбу выставляют на светлое место, где бы и Солнце и Луна видели ее. И так она должна стоять до тех пор, пока слизистая материя, залегающая на дне, не поднимется вверх, и в сосуде не станут появляться тончайшие испарения, подобные туману, образуя вид растения. Однако, вид тот будет не постоянен и будет колебаться от малейших влияний. Наконец, все превратится в беловато-серую или голубую золу, из которой при нагревании будет возникать образ растения.

Приложение 2

-опуАрхангел Азраэль (עזראל) – ангел смерти, который минается в иудаизме и в исламе. В иудаизме, ангел смерти (*мал'ах ха-мавет*) отождествляется со страшными великанами и демонами. В Талмуде он идентичен Сатане и злему творению (иецер ха-ра). Чаще всего ангел смерти является в образе беглеца, бродяги или нищего. В фольклоре он часто изображается со множеством глаз, усердным жнецом или стариком с мечом, с которого стекает яд.

В Коране и сунне имя Азраэль не упоминается и вместо этого употребляется Маляк аль-маут. Ангел смерти – один из самых близких к Аллаху ангелов. По приказу Аллаха он забирает души умерших. Ангел смерти руководит множеством ангелов, помогающих ему выполнять его функцию. Души умерших праведников-мусульман забирают ангелы под названием «Нашитат», а неверных – «Назиат». Перед Судным Днём, после второго дуновения в рог ангелом Исрафилом умрут все обитатели небес и земли, за исключением некоторых творений. Спустя некоторое время эти оставшиеся тоже умрут, а последним умрёт ангел смерти.

-ониАнгел Самаэль. שמשל , «Яд божий») Имя «Самаэль» гда рассматривается как истинное «ангельское» имя дьявола. Каббалистический титул Князя тех злых духов, которые олицетворяют воплощение человеческих пороков. Первый

демон в иерархии ада. В каббале Самаэль считается Ангелом Смерти, главным правителем Пятого Неба и одним из семи регентов мира. В Мишне⁵², Самаэль обозначен как ангел-хранитель Эдема.

Он ответствен за грехопадение Евы, которая от Самаэля родила Каина. Также Самаэль является ангелом, который сдерживал руку Авраама, когда тот был готов принести своего сына в жертву Богу.

Архангел Рафаэль (רַפָּאֵל) *Рэфáэль* – «исцелил Господь»; -иркопóт «рафа́» רפא – исцелять) – один из архангелов. По физической Книге Еноха Рафаил считается вторым по счету в ряду архангелов (после Михаила). Согласно еврейской устной традиции, Рафаил снял боль, которую испытывал Авраам после того, как сделал себе обрезание.

Архангел Сарriel (שַׂרְיָאֵל) один из вариантов перевода имени (Позволения Господа)- один из архангелов, который согласно книге Еноха⁵³ является начальником «над душами

⁵² **Мишна́** (משנה - «учение», «нечто важное») – первый письменный текст, содержащий в себе основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма. Часть Устного Закона, переданного, согласно традиции, Всевышним Моисею на горе Синай вместе с Торой. Со временем, когда возникла опасность, что устное учение будет забыто, мудрецы приняли решение записать его в виде *Мишны*

⁵³ **Книга Еноха** – один из наиболее значимых апокрифов Ветхого Завета. На данную книгу ссылается апостол Иуда в своём послании. Текст упоминается у древних писателей – Тертуллиана, Оригена и других. Однако сам текст был неизвестен в Европе до XVIII века, когда он был обнаружен в составе эфиопской Библии

сынов человеческих». То есть Саризель решает что человеку можно, а что нельзя, кроме главных заповедей.